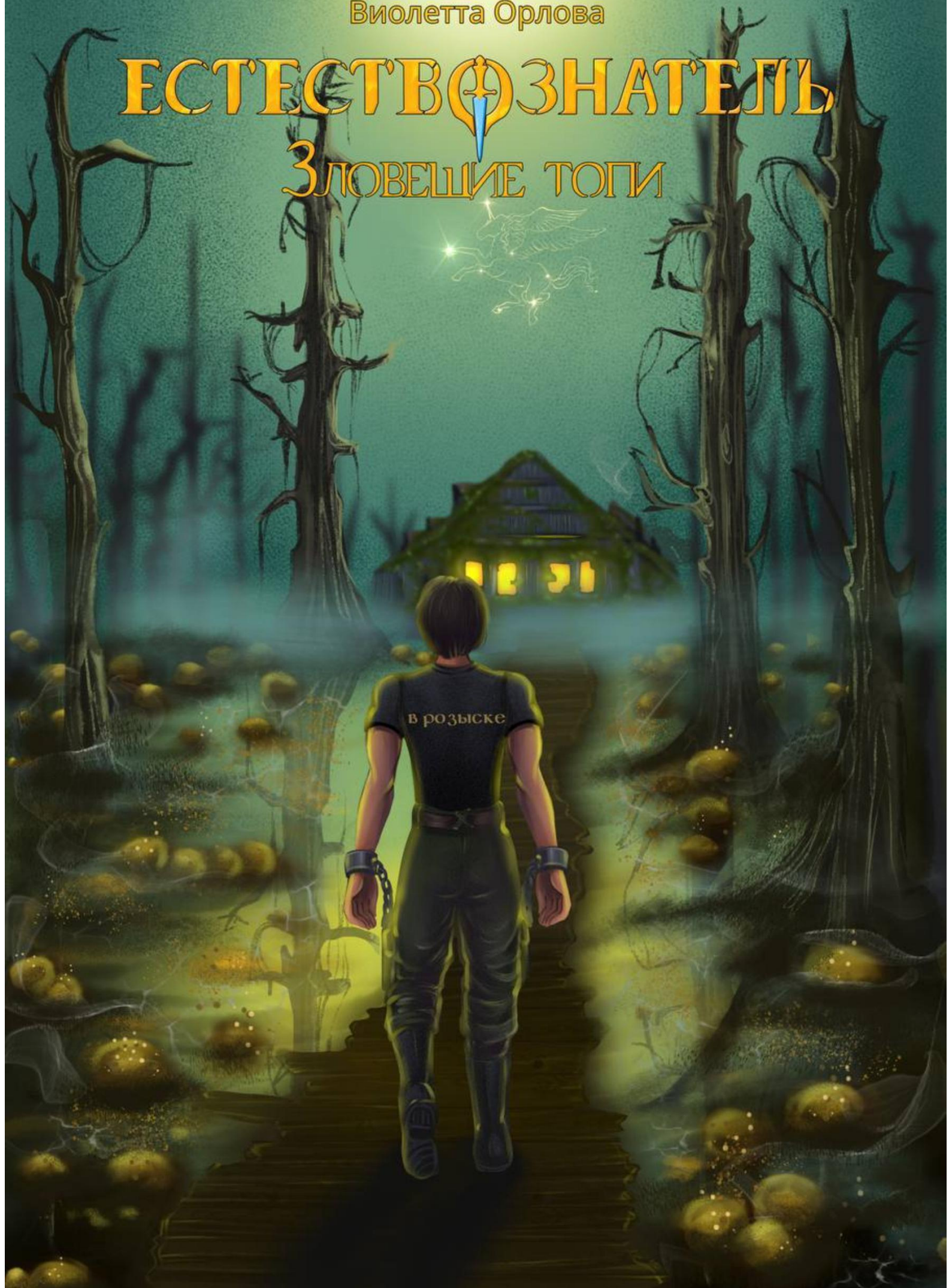

Виолетта Орлова

ЕСТЕСТВОЗНАТЕЛЬ

ЗЛОВЕЩИЕ ТОПИ

Виолетта Орлова

Естествознатель. Книга
4. Зловещие топи

«Автор»

2024

Орлова В.

Естествознаватель. Книга 4. Зловещие топи / В. Орлова —
«Автор», 2024

Думаешь из тюрьмы так просто сбежать? Полагаешь, будто оказавшись на свободе, ты будешь спасен? Непроходимые болота, друзья в волчьей шкуре, — как выжить во враждебном мире одинокому человеку, который всеми силами стремится к добру? И так ли легко сделать моральный выбор, когда на кону стоит твоя собственная жизнь? Нелегкий путь превращается в выживание, чем он закончится? Артуру предстоит найти ответы на все эти вопросы.

Содержание

Глава 1. Будь тверд и мужествен	5
Глава 2. Кто скоро доверяет, тот легкомыслен	16
Глава 3. Человек подобен дуновению; дни его – как уклоняющаяся тень	34
Глава 4. Ибо мудрость мира сего есть безумие	47
Глава 5. Добрые люди честны в своих планах, но не доверяй планам коварных	61
Глава 6. Одни убеждались словами его, а другие не верили	72
Глава 7. Страх есть не что иное, как лишение помощи от рассудка	82
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Естествознатель. Книга 4. Зловещие топи

Глава 1. Будь тверд и мужествен

Если бы у Оделян однажды спросили, какое место на свете она считает самым печальным, та не задумываясь назвала бы Зловещие топи – куцый островок земли посреди унылых вязких болот, где холодная почва в любое время суток источала зловония ядовитых грибов и гнилых водорослей, гадюки извивались между вечно мокрыми низкорослыми кустарниками и мшистыми кочками; где будто рослый бык голосила выпь, а постоянный туман безжалостно истреблял в сердцах людей любые проблески надежды. Этот суровый край черных, словно наполненных чернилами болот, без сомнения, считался погибельным для человека небывалого, но Оделян уже свыклась с его природными особенностями и находила даже некоторую прелесть, наблюдая, например, за неподвижной, как пучок камышей, стройной выпью, терпеливо подкарауливающей добычу. Храбрая девушка наизусть знала здесь все секретные тропки и плотины, могла с закрытыми глазами отыскать дорогу в тягучей трясине; ее крепкую долговязую фигурку, напоминающую неуклюжего длинноногого олененка, частенько можно было увидеть в самых непроходимых и опасных для жизни местах, ибо Оделян, сродни болотному духу, обитала повсюду, куда только не проникал взор. В руке бесстрашной жительницы трясин находилась длинная палка – поистине незаменимый атрибут безопасного перемещения по болотам. В Зловещих топях Оделян негласно считалась полноправной властительницей – девушку слушались все без исключения: заключенные (ибо жутко ее боялись), тюремные надзиратели (уважавшие ее за смелый и решительный нрав) и даже директор исправительной колонии, так как сам, будучи часто в отъездах, полагался на ее непререкаемый авторитет.

Мрачный край гибельных болот официально именовался Доргейм-штрасс, и находился он в нескольких часах полета на единороге от Полидексы. В Беру о Доргейм-штрассе распространялись лишь положительные слухи, а в степном городе, напротив, колония считалась гиблым местом, откуда невозможно было сбежать, да и вообще поговаривали, что каждый день в Доргейме умирает несколько человек кряду. «Отчего же мнения столь различны?» – спросит какой-нибудь любопытный зевака. Но ответ в целом лежал на поверхности: в то время, как зажиточные беруанцы мечтали сплавить сюда побольше людей, дабы освободить дерево, полидексяне, напротив, суеверно боялись таинственной тюрьмы, ибо та имела несчастье располагаться в самом труднодоступном и опасном участке бескрайних степей.

Отчего же именно в этом месте было так много болот? Наличие грунтовых вод, отвечает образованный беруанец. Что ж, пусть так. В любом случае, тюрьма на сваях, окруженная бескрайними топями, была очень эффективной, ибо даже если какой смельчак и решился бы однажды на побег, природа и без вмешательства человека жестоко расправилась бы с нарушителем.

Впрочем, отчаянные мысли о побеге даже не возникали в таком мрачном и гнетущем месте, как Доргейм-штрасс. Унылое, серое, будто художнику не хватило на него ярких красок, раздражающе-скучное, безысходное, как могила, и вечно-холодное, оно словно бы отпечатывалось на истонченных лицах местных обитателей, похожих на серых безликих мышей, и полностью подчиняло себе волю человека, подавляя в его сердце любые желания, в том числе и связанные с побегом. Высокие ели, лишённые ветвей с наветренной стороны, и те, казалось, в негодовании отворачивались от здешнего безотрадного края, где не звучала песня и не было сказано ни одного доброго слова.

Оделян неподвижно сидела на холодной кочке, промерзлой от ночной стужи, и задумчиво глядела вдаль, поверх черной массы воды. Несмотря на кажущуюся невзрачность мест-

ности, девушка почти с восхищением обозревала предзакатный пейзаж, который имел некую своеобразную прелесть в Зловещих топях. Красное солнце старательно освещало каждый стройный стебель камыша, покрывало золотом изящные желтые кувшинки, заставляло тусклую болотную незабудку гореть насыщенными синими цветами. Вся обыденная серость смывалась этим нежным золотым светом; но вот скроется солнце – и по земле поползут коварные белые клочки тумана, подобно вражеской армии, намеревавшейся застать неприятеля врасплох.

Оделян никогда не было скучно. Она не являлась заключенной, в отличие от большинства жителей Доргейма, и, стало быть, обладала всеми преимуществами свободного человека. В свое время девушка оказалась на попечении одного доброго человека, господина Мильхольда. Тот приютил у себя сироту, а потом перевез в свое детище – Доргейм-штрасс, где девочка училась наравне с остальными в «школе» (как называл это заведение сам директор), либо же в «тюрьме», или «тюряге» (как, соответственно, окрестили его заключенные). Особое положение, которое занимала девушка, покровительство директора, решительный нрав, отчаянная смелость и недюжинная сила, мало характерная для особ женского пола, сразу сделали Оделян начальствующей персоной. Девушка осознавала важную роль исправительной колонии – сие учебное заведение, по ее мнению, перевоспитывало испорченных беруанцев: подлецов делало порядочными людьми, трусов – храбрыми, глупых – умными. Но это, разумеется, были лишь ее несколько романтические фантазии, ибо реальность оказывалась полностью противоположной. Подлецы везде остаются таковыми, хоть сотню раз поменяй для них окружающую обстановку, да и вообще, любые перемены происходят с человеком лишь по его собственному желанию, путем волевого усилия, так что перевоспитать преступника, если он сам того не хочет – практически невозможное предприятие.

Но Оделян была совершенно уверена, что дисциплина и тяжелый труд смогут со временем изменить и внутреннее содержание человека; поэтому каждый день она посвящала себя непростой задаче: поддерживала в Доргейме порядок и нагружала заключенных работой. К слову, видов последней было бесчисленное множество, на любой, так сказать, вкус. Хочешь – можешь по пояс в грязи ковыряться в болотах, извлекая торф. Или таскать на носилках тяжелые камни для новых построек. Если же тебе это не по нутру, что вполне объяснимо, займись выкашиванием полей от осоки, или же срубай деревья. Ветки при этом надо старательно удалять и сжигать, а потом сам ствол пилить, колоть и так далее – до тех пор, пока руки не станут отказывать своему хозяину.

Выше были перечислены лишь физические мероприятия, но Доргейм мог похвастаться еще и интеллектуальными нагрузками, чтобы развитие умов не отставало от развития мышц. Науки здесь преподносились совершенно разнообразные, но в целом все они были направлены на военную тематику, будто в Доргейме, этом забытом всеми крае, постоянно опасались вражеского нападения.

По странной прихоти Оделян называла школу «псарней», а всех учащихся – «своими щенками». Хотя вернее будет сказать, что под ее контролем находилась только одна половина «щенков», а вторая принадлежала Джехару. В Доргейме имелись тюремные надзиратели, но, по сути, заключенные сами выстраивали иерархию своих взаимоотношений. Выше всех находились только Оделян и Джехар. Новички всегда работали на старожил; над первыми нещадно издевались, выбивая из них любые признаки своеволия, а надзиратели смотрели на подобное безобразия спустя рукава – они получали за свой унылый труд столь ничтожно мало, что считали себя вправе делать вид, что работают, подобно тому, как и начальство делало вид, что платит.

Тишину вечера нарушили чьи-то поспешные шаги, сопровождаемые чавканьем жидкой почвы – это был Йоко. У каждого заключенного была своя собачья кличка – опять-таки задумка Оделян; она страстно любила собак и считала, что эти животные являются верными и предан-

ными, стало быть, почему бы из всего множества прозвищ не выбрать для узников Доргейма именно те, какие обычно даются хозяевами своим ушастым питомцам? Разумеется, Оделян считала себя полноправной хозяйкой, однако ее нельзя было сравнить, например, с армутским богачом, содержащим рабов. В отличие от последнего девушка была искренне озабочена судьбой своих «питомцев»; впрочем, порою, перевоспитывая их, она, сама того не желая, могла вести себя весьма жестоко. Йоко же и так был покладистым, учился старательно, хоть и без особого энтузиазма, работу выполнял своевременно, подчинялся старожилам, никогда не лез на рожон и совершенно не уважал Джахара, что, кстати, чрезвычайно льстило самолюбию Оделян. Маленький, с черной колючей челкой, ушастый и щекастый мальчик и вправду чем-то походил на забавного пушистого терьера.

– Госпожа Лян? – почтительно выговорил Йоко, тяжело дыша и чуть ли не высовывая язык. Гонец очень торопился отыскать хозяйку; очевидно, произошло что-то действительно любопытное. Девушка быстро встала и рассеянно покосилась на подопечного.

– Я видел, как подлетает карета...

– Не говори глупостей, Йоко, сегодня не должны были привозить новеньких, ты ведь знаешь распорядок Доргейма.

Мальчик вздохнул и с робкой надеждой взглянул на главную.

– Я подумал... Вдруг богатая семья захочет усыновить кого-то из нас по окончании срока заключения? Директор упоминал о таких случаях.

Оделян язвительно фыркнула.

– Такого быть просто не может. Кому мы нужны?

– Но происходят же иногда в жизни чудеса, – с какой-то своевольной ноткой в голосе возразил низкорослый мальчик.

– Нет, – резко отрезала Оделян. – А ты, кажется, уже достаточно большой, чтобы верить в подобные вещи.

Йоко тяжело вздохнул и опустил голову. Мальчик не желал в открытую перечить хозяйке, однако ему хотелось бы ответить, что он в таком случае никогда не станет большим, ибо те не только самовольно ограждают себя от всего удивительного, но еще и со стороны выглядят страшными занудами.

Между тем Оделян нахмурилась. Она не ожидала, что сегодня кого-то привезут. Вообще, девушка старалась всегда находиться поблизости, когда заявлялись новые гости Зловещих топей. Это было важно по нескольким причинам: во-первых, ей нужно было решить, будут ли новички в ее подчинении, либо же отойдут Джахару. С другой стороны, ей любопытно было посмотреть на убитые лица беруанцев (ибо в Доргейм в последнее время доставляли столичных преступников) – растерянных, расстроенных мальчиков, весьма обеспокоенных будущей судьбой. А у Оделян были причины не любить беруанцев.

Торопясь, она побежала по извилистым тропкам, изредка помогая себе длинной палкой. Кудрявые черные волосы шлейфом развевались за ее спиной, и казалось, что это не человек бежит стремглав вперед, а болотный дух парит над топями, не касаясь земли. За ней устремился Йоко, однако хилому мальчику было не догнать сильную, длинноногую Оделян.

Перед глазами девушки мелькали знакомые места – вот моховое болотце, поросшее лютиком, а по правую сторону вполне безобидная цветущая полянка, чаруса, только вот девушке было отлично известно, что ступать на нее смерти подобно. А потом первый мост через Гнилой раздол, второй – через большой черный водоем без названия, где много кувшинок, затем третий мост, и вот она оказалась уже на большой поляне, окруженной частоколом. Дома здесь чуть возвышались на сваях, чтобы не затопило во время дождей. Поляна была условно разделена на три части – с южной и северной стороны казармы, а в центре – сама школа, большая, вырастающая прямо из земли, покрытая низкорослой зеленью, плесенью и

своим видом напоминающая гигантскую мшистую кочку, вокруг которой роем кружила голодная мошкара.

Перед корявым диковинным входом в эту не то землянку, не то пещеру действительно стояла новенькая карета с вновь прибывшими. Повозка уже потихоньку начала увязать в тягучей почве. Оделян настороженно замерла, притаившись за деревом. Порой она могла удачно сливаться с местным пейзажем, подобно выпи, так, что никто не смог бы ее разглядеть.

Привезли троих. Разумеется, ни о каких богатых семьях, желающих облагодетельствовать юных преступников, речь не шла. Так что Йоко в очередной раз показал свою чрезмерную наивность. Но кем же являлись эти новички? Судя по всему, обычные бедняги, от которых захотели избавиться беруанцы. Хулиганы, воры или просто неудачники, попавшие в беду. Первый был в чудаковатой смраденской шапке, вязаном шарфе и каких-то безразмерных сапогах. Оделян хохотнула в кулачок. Все это жалкое имущество отнимут в два счета. Лицо... Хитрое, смышленное, лоб большой, нос толстый и чуть загибающийся книзу, как старческая клюка, глазки смотрят вызывающе – он явно бравировал. Отличный щеночек. Сутки в казармах, и он как новенький – исполнительный и послушный.

Второй был лысым и безобразным; редчайшая порода голых собак – ксолоитцкуинтли. Пожалуй, сей уродливый экземпляр пойдет к Джаху.

Третий? Оделян прищурилась, чтобы лучше видеть. А потом презрительно усмехнулась. Красавчик. Хозяйка Доргейма таких особенно не любила. Блестящие черные волосы, точно у породистого пса, горделивая посадка головы (ни дать ни взять – вылитый сеттер), самовлюбленный взгляд, надменные голубые глаза, на красиво очерченных губах играет едва заметная бунтарская ухмылка.

Оделян задумалась. Отдать его Джаху или заняться самой? Девушка не любила возиться с красавцами; во-первых, те обычно совершенно не поддавались обучению. Во-вторых, изнеженные вниманием со стороны женского пола, они сложнее признавали в Оделян свою госпожу. В-третьих, девушка сама не желала рисковать, ибо боялась влюбиться и тем самым испортить все дело, а для нее эмоции всегда являлись чем-то второстепенным. Впрочем, первая же ночь все определит и разъяснит; сколько уже было таких миловидных гордецов, которых ломала хорошо зарекомендовавшая себя система, сложившаяся в Доргейме. Оделян не хотела решать немедленно; надо было переждать, чтобы оценить поведение благообразного новичка.

Между тем начался шмон. Заключенных завели в холодную землянку, принуждая раздеваться догола (кстати, когда у одного из вновь прибывших попытались забрать шапку, он захныкал, униженно умоляя оставить ее, но надзиратель безжалостно отнял последнее имущество мальчика и кинул в уже разгоревшийся костер, вызвав тем самым целый град слез), а потом безжалостно заставили новичков окунаться в каком-то ледяном илистом пруду, по поверхности которого скользили водомерки.

Артур (а это был именно он – голубоглазый обладатель смоляных волос) выполнял требования надзирателей почти механически; мыслями юноша все еще находился в Беру с друзьями. Жаль было расставаться с вещами: брюками – подарок Индоласа, кротины сапогами – забота Тина, удобной сумой через плечо – самодельное изделие Дианы. Каждая вещь напоминала о дарителе, а теперь все оказалось в огне, как, впрочем, и его прошлая жизнь. Однако клипсянин, обычно своевольный, в этот раз не артачился, ибо осознавал всю тщетность сопротивления. Да и потом, его слишком измотал сегодняшний день, суд и длительный перелет в Полидексу, чтобы еще выказывать свой нрав.

Первые впечатления глубже всего западают в душу, а Доргейм просто не мог оставить иных чувств, кроме безысходности. Весь этот мрачный остров посреди болот был пропитан подневольным трудом, недовольством, обидой и даже сам воздух – да-да, влажный и тягучий воздух с тяжелыми ароматами вереска и сырости! – вызывал физическое отвращение. Вид Зло-

вещих топей чрезвычайно расстроил юношу; он догадывался, пока, правда, довольно смутно, что вырваться отсюда – затея не из легких. Сперва надлежало разобраться, что к чему, досконально все изучить, и лишь потом продумывать побег, как посоветовал ему Даниел. *Ах, ну почему вокруг столько болот! Почему так уныло и протяжно стонут птицы!..*

Его тяжкие размышления прервал надзиратель, грубо сунувший ему в руку новую одежду. Темно-зеленые полосатые безразмерные штаны, жилетка с начесом, черная рубаша с длинными рукавами, серые носки и прохудившиеся сапоги из грубой кожи составляли теперь его нехитрый гардероб. Что ж, в этой одежде ему легче будет затеряться в местных краях. Впрочем, он обманывал самого себя. Отсюда не выбраться.

– Пошевеливайся, – приказал надзиратель и подтолкнул его к выходу из землянки. Клипсиянина поселили в северные казармы, которые так и назывались – Северный дол. Это было огромное вытянутое помещение на сваях, напоминавшее гигантский корабль, за давностью лет поросший мхом. На каменном фундаменте кто-то коряво вырезал пессимистичную надпись: «Хорошиво дна!» Остряк заменил в слове «дня» одну букву, и получилось пожелание, вполне достойное этого мрачного места. Камеры, отделенные прочной решеткой из бамбука, располагались таким образом, чтобы ребята не имели возможности общаться и переговариваться друг с другом. В каждой находилось по шесть человек – в целом, не так уж и много. Когда привели заселять Артура, в камере никого не оказалось. Вероятно, остальные находились на принудительных работах, либо же на каких других малопривлекательных мероприятиях. Надзиратель скучным жестом указал Артуру на его койку и издевательски проговорил:

– Располагайся. Чувствуй себя как дома.

– Непременно. Значит, мне принесут кофе прямо сюда?

Мужчина удивленно покосился на юношу. Он был обладателем большой головы, однако размер черепной коробки, как известно, вовсе не означает наличия в ней соответствующего интеллекта.

– Как это понимать? – тупо переспросил он.

Артур невинно пожал плечами.

– Вы же сказали чувствовать себя как дома. А дома я никогда не ложусь спать на голодный желудок.

Надзиратель какое-то время помолчал, обдумывая услышанное. А затем громогласно расхохотался и ушел, оставив обескураженного заключенного без малейшей надежды на ужин. Артур с заметным отвращением покосился на свою койку – она находилась внизу, почти вровень с землей, над ней – еще одна, от которой так скверно пахло, будто под жидким темно-зеленым матрасом сдохла крыса. На наволочке и простыне зеленела плесень. И зачем только новичков заставляли мыться, когда по проществу ночи, проведенной в этом жутком бараке, они по запаху будут неотличимы от местных матрасов?

Юноша задумчиво прошелся взад-вперед по своей новой спальне. Решетка из бамбука, довольно прочная – никак не вылезти. По стенам были развешаны еловые ветви, предназначенные, по всей видимости, для освежения воздуха. В углу стоял большой чугунный горшок с гнилостными запахами испражнений, о предназначении которого было не столь сложно догадаться. Из каменного пола вырастали, подобно гигантским серым грибам, три стула и стол, а под ними деловито семенили тараканы. Небольшое круглое оконце оказалось едва прикрытым куском материи непонятного цвета, сквозь него тянуло сыростью. Ах да, еще одна немаловажная деталь: все воздушное пространство вокруг было заполнено изголодавшимися комарами, которые донимали даже в помещении. Одним словом, славное местечко.

Через какое-то время привели еще одного новичка, представившегося Жабой, с которым Артур познакомился в Беру после суда. Его, как выяснилось, тоже решили поселить здесь. Утрата собственного имущества как-то поубавила спесь этого молодого человека, который не далее, как сегодня утром всюю щеголял тюремными словечками и сыпал остротами, а теперь

же выглядел излишне напуганным. С совершенно убитым выражением лица он плюхнулся на койку и отвернулся к стене, всем своим видом показывая, что не намерен ни с кем общаться, даже если болотная вода выйдет из своих берегов. Однако парень поменял решение, когда в камеру заявили остальные заключенные.

Сначала послышался топот ног, позевывания, тихая брань. Их было четверо, один – явно вожак, остальные послушно следовали за ним. Они прошли внутрь, дождались, когда за их спинами захлопнется бамбуковая решетка и щелкнет засов, а затем с жадным любопытством уставились на новичков. По своему дикому и необузданному виду они напоминали изголодавшихся волков – так мало в них читалось человеческого.

Один парень, которого звали Чанг, мрачно осклабился.

– Компания живых мертвецов пополнилась еще двумя? Как это кстати.

Чанг был рослым черноволосым юношей с весьма непривлекательным, желтушного цвета лицом, чем-то смахивающим на морду бульмастифа. Он был циником по жизни, даже еще до колонии, и для него не существовало решительно ничего святого. Он мог запросто наплевать на дружбу и подставить своих товарищей, а все события рассматривал исключительно в черном цвете, но как бы с некоторой насмешкой, ни во что не верил и ничего не ценил. Ему нравилось говорить откровенно, рубить, так сказать, сплеча; он любил выдать какую-нибудь жестокую мысль, непременно чтобы задеть чувства другого.

– Просто новые работники, не стоит драматизировать, – нахмурился самый рослый среди них парень, которого звали Джахар. Это и был вожак. – Кстати, посмотрим, насколько они хороши в деле. Ты, – главный указал рукой на Артура, – отнеси наш горшок с парашей. Не забудь его тщательно вымыть, в противном случае этой ночью мы будем наслаждаться чарующими ароматами. А ты, низкорослик, – кивок в сторону Жабы, – помоги ему. Даю вам десять минут. Время пошло.

С этими словами Джахар взял со своей кровати песочные часы и демонстративно перевернул их, очевидно показывая тем самым, что надо поторопиться. Своевольный клипсянин, впрочем, не двинулся с места. Он внимательно рассматривал вожака. Что-то любопытное было в его внешности, но Артур пока не мог с точностью распознать, что именно его столь заинтересовало. Джахар был высоким, здоровенным малым, с широкими плечами и могучим торсом. На соревнованиях по подтягиванию на ветках и других столичных атлетических мероприятиях он бы наверняка занимал первые места, но здесь, в стенах Доргейма, его внушительная комплекция явно служила иным целям. Вожак был загорелым, черноволосым и напоминал с виду армута, однако глаза его, по прихоти природы, оказались совсем не армутскими, а большими, выпуклыми, прозрачно-голубыми, как колодезная вода.

– Нагляделся? – с заметной издевкой поинтересовался у Артура Джахар, но тот лишь невозмутимо покачал головой.

– Если уж я так тебе понравился, то почисть еще мой матрас. Он воняет, как болотная тина.

– Не хочу тебя огорчать, но ты *не настолько* мне понравился, – с тихим смешком ответил дерзкий клипсянин. Глаза Джахара заинтересованно блеснули в полумраке камеры. И тут вдруг Артур понял, что именно его удивило в этом человеке. Парень был метисом, так же, как и он сам. Более того, казалось, будто он даже чем-то на него походил, за тем лишь исключением, что черты лица вожака были более грубыми и нескладными. Так, губы его напоминали толстые армутские кулебяки, которые нерадивая хозяйка поторопилась засунуть в печь, брови практически сходились на переносице, добавляя лицу Джахара угрюмости, на скуле ужасающе бледнел косой шрам. Главный на первый взгляд казался смелым, решительным и волевым человеком. Наверное, некоторые особы женского пола сочли бы Джахара мужественным и даже красивым; впрочем, девушек в Доргейме было в разы меньше парней, к огромному сожалению последних.

Покуда происходил этот диалог, Жаба, под удовлетворенные смешки остальных, стремительно вскочил на ноги и послушно кинулся к горшку с чужими испражнениями. Очевидно, он мечтал сразу зарекомендовать себя как исполнительного, а может, просто не желал, чтобы его били. Впрочем, он все же переусердствовал: либо горшок оказался тяжелее, либо юноша слишком рьяно схватился за чугунные ручки, но добрая треть омерзительной жидкости выплеснулась, чуть не окатив вонючими брызгами всех остальных.

– Двинь ему, Азор, за корявость, – зло пробормотал Спайки, местный забияка и драчун. Кстати, он на вид являлся чистокровным беруанцем, равно как и его приятель – об этом говорила белизна кожи и россыпь характерных бледно-розовых веснушек на щеках. Спайки был блондином, а Азор – брюнетом, и оба они, как бы странно это ни выглядело, смахивали на высоких, подтянутых гончих, так что собачьи клички им не только подходили, но были, вероятно, даже уместнее обычных человеческих имен. У Азора, впрочем, было более приятное и располагающее к себе лицо. А если быть точнее, он один из всей компании казался по-настоящему добрым и порядочным человеком: мимолетная рассеянная улыбка на выразительных губах как бы предназначалась всем вокруг – и другу, и врагу, мечтательные зеленые глаза, будто покрытые влажной пеленой, смотрели трогательно и умильно, голос у Азора был тихим и приятным, и он, в отличие от своих товарищей, никогда не сквернословил, что, несомненно, говорило в его пользу. Неудивительно, что он всегда быстро завоевывал расположение новичков.

В ответ на задиристую реплику Спайки благообразный юноша лишь покачал головой, словно осуждая поведение приятеля:

– Ты всегда так жесток к новичкам, Спайк. Умерь свою злость хоть в этот раз.

– Да, да, прошу, не обижайте меня, я буду очень стараться! Я даже выучил тюремный жаргон по специальному словарю! – с живостью воскликнул Жаба, тут же невольно поддавшись чарам Азора. С почти собачьей преданностью он смотрел на своего защитника, надеясь, что тот оградит его от всяких бед. Брюнет послал новичку необычайно добрую и приятную улыбку.

– Не переживай, приятель. Никто тебя не обидит, а особенно я. Когда отнесешь горшок, приведи в порядок помещение, там в углу стоит метла.

– Конечно, разумеется! А можно я также приведу в порядок вашу койку? – заискивающе поинтересовался он, но Азор лишь с сожалением вздохнул.

– Не стоит, парень, ты и так устал от перелета. Отдохни, ведь завтра у тебя будет много работы.

Жаба с готовностью кивнул, даже несколько раз, а Чанг, все это время молча наблюдавший за разыгрывавшейся сценой, язвительно фыркнул и холодно вымолвил, обращаясь как бы к новичку и в то же время к Азору:

– Не только слабак, но и дурак, раз прибегаешь к помощи шакала.

Жаба молчал, решительно ничего не поняв из этой реплики, а благообразный брюнет с изумлением вскинул брови и возразил:

– Ты никого не любишь, Чанг. Ты как одичалый озлобленный волк, кидаешься на всех без разбора. Не слушай его, новичок, он просто переутомился.

– Хватит пререкаться! – рыкнул на них Джахар. – Отношения будете выяснять в другом месте.

Азор обезоруживающе улыбнулся.

– Прости, приятель. Не я первый затеял эту ссору. Кстати, что касается дисциплины... Одди считает, что у тебя, Джахар, несомненно, имеются лидерские зачатки. Я же с ней полностью согласен... – со значением проговорил он, растягивая каждое слово, а вожак вздрогнул, словно имя девушки затронуло в его душе какую-то чувствительную струну. Джахар помолчал, с видимым напряжением обдумывая реплику товарища, а затем вновь перевел свое внимание на новичков. Он позвонил в колокольчик, и вскоре дверь открылась, выпуская наружу

дрожащего Жабу в обнимку с чугуном горшком. Еще некоторое время в узком коридоре был слышен гнусавый голос мальчишки:

– Не подскажите, куда я могу это вынести? Будьте так добры... Не подскажите, господа?

– Мусор, – не выдержав, с отвращением сплюнул Джахар, прислушиваясь. – С таким даже я вряд ли смогу сделать что-то путное. Пусть Одди с ним возится, раз ей так хочется.

Затем он перевел взгляд своих холодных голубых глаз на Артура.

– Новички работают и слушают старших. Это первое правило Доргейма. За непослушание мы наказываем.

– Если послушание здесь в порядке вещей, зачем же ты назвал беднягу «мусором»? – с насмешкой поддел его клипсянин. Вожак небрежно пожал плечами.

– Я назвал его так вовсе не потому, что он с готовностью кинулся выполнять приказ. А потому, что у него трусливая натура, это видно даже невооруженным глазом. Но сейчас вопрос состоит в другом – а ты кто такой? Откуда взялся?

– Из Бери, – сухо ответил главному Артур.

– По твоей франтоватой роже и так видно, что ты столичный! – захохотал вдруг задиристый Спайки, обнажая крупные, как у лошади, зубы.

– Тогда я не совсем понимаю вопроса.

– Я имел в виду, с какой ты ветки?

Артур усмехнулся.

– Какая разница?

– А ему просто стыдно говорить! – противным голосом вставил Спайки. – Наверняка с самой нижней.

– Опять ты всех задираешь, Спайк, – снова вмешался Азор. – Просто наш новичок, в отличие от второго, еще не разобрался, что к чему, ведь правда?

Однако мрачный взгляд строптивца, вызывающий и упрямый, явно показывал, что Артур как раз во всем разобрался, в отличие от остальных.

В свою очередь Джахар, кажется, вспомнил о своем первенстве среди других и вновь обратился к дерзкому новичку:

– Ну так что, будешь вычищать мою шконку?

– Нет, – упрямо отозвался клипсянин.

– Хорошо, – кивнул Джахар, как бы принимая такой ответ. – Тогда слушай второе правило Доргейма: наступишь начальнику – не доживешь до рассвета.

Произнеся эти мало ободряющие слова, он подошел к своей койке, прямо в сапогах залез на нее и тут же захрапел в голос, как ни в чем не бывало. Кстати, его кровать располагалась прямо над Артуром, так что засохшая грязь с его сапог комками сваливалась юноше прямо в постель, которая, впрочем, уже вряд ли могла стать грязнее.

Остальные ребята немедленно последовали примеру вожака.

– Если хочешь чего-то добиться в этом паскудном месте, слушай Джахара, он всему голова, – напоследок покровительственно проговорил Азор, как бы показывая новичку, что он со своей стороны всегда готов дать нужный совет. Что ж, рекомендация была принята к сведению, однако Артур вовсе не планировал чего-то добиваться в Доргейме. Он страстно хотел сбежать.

Свернувшись клубочком на своем грязном матрасе, юноша в изнеможении прикрыл глаза. Он думал, что лишь немного отдохнет, а потом примется бдительно следить за происходящим, но случилось прямо противоположное – смертельно уставший от всех бед, свалившихся на его голову, новоиспеченный преступник провалился в глубокий затяжной сон, походивший более на потерю сознания. Клипсянин не слышал, как тихонько вернулся его товарищ по несчастью, судорожно обнимая обеими руками пустой горшок, как охранник задул в коридоре свечи, как комары рьяно накинулись на желанную добычу, а на улице в грязных болотах

протяжно заголосили дряхлые жабы. Это была его первая ночь в столь далеком от друзей и Дианы месте, да и вообще от всего, что составляло его прошлую жизнь.

Глубокий сон прервался неожиданно и весьма неприятно, хоть в целом подобный ход развития событий вполне можно было предугадать заранее. Юноша обнаружил себя лежащим на полу, кто-то грубо засунул ему в рот грязную тряпку, чтобы заглушить крики, а затем посыпались беспорядочные удары, которые человек только что проснувшийся вряд ли сможет отразить. Впрочем, то ли все произошло довольно быстро, то ли сам Артур быстро отключился, но тьма вновь начала преобладать.

Вот утро началось совсем отвратно. В шесть утра всех заключенных погнали на водные процедуры и завтрак, но так как Артур лежал на полу без движения, к нему подошел тюремный надзиратель.

– Это еще что? – с сомнением в голосе пробормотал мужчина. Вопрос был задан для очистки совести, ибо решительно всем в этом мрачном заведении было известно про методы, которыми пользовались старожилы, добываясь подчинения от новичков. Так как Артур продолжил лежать неподвижно, не имея возможности ответить на заданный вопрос, охранник наклонился и легонько потрепал юношу по щекам, отчего тот со слабым стоном открыл глаза. Казалось, у него болел каждый участок тела, от кончиков пальцев ног до головы. Лица, впрочем, ему не тронули.

– Тебя никак избили? – вновь дотошно поинтересовался надзиратель, как будто сам не мог догадаться об очевидном. Артур с трудом перевернулся набок и попытался встать; к счастью, ему ничего не сломали, хоть и знатно отбили почки. Его сильно подташнивало.

– Я упал с койки, – тихо пробормотал он, исподлобья глядя на надзирателя. Тот грозно нахмурился.

– Ты врешь, лживый шакал! Как твое имя?

– Артур.

– Снова спрашиваю: тебя избили?

– Я упал с койки, – упрямо повторил юноша, дрожащей рукой опираясь на стену.

– Я до рези в животе не люблю хитрецов. Посидишь несколько дней в карцере, может, одумаешься. Советую впредь с начальством быть более откровенным, а с сокамерниками – послушным.

Артур с раздражением прикрыл глаза. *Да уж. Более откровенным. Чтобы не дожидаться до рассвета, как милостиво обещал ему Джехар?*

Тогда его сопроводили к врачу, который весьма детально осмотрел пациента и даже дал кое-какие лекарства. А когда Артура прямо перед ним вывернуло наизнанку, тюремный лекарь, подумав секунду-другую, дал пострадавшему еще одно лекарство и сделал укол. Затем надзиратель, как и обещал, отвел юношу в карцер.

Это было маленькое, вырытое в земле сырое помещение по типу кувшина – внутри оно расширялось, а кверху сужалось, чтобы снизу нельзя было выбраться. Отличная разновидность тюремной камеры – кажется, полидексяне называли их «зинданами». Человек, в своем вечном желании ограничить волю других людей, порой идет на удивительные ухищрения. Несколько дней в карцере иных слабохарактерных бедняг сводили с ума, ибо находиться в полной темноте, такой оглушающей и ослепляющей, что, кажется, сами стены давят на тебя со всех сторон, было не просто неприятно, но даже мучительно.

В первый день юноша отлеживался после неудачного «знакомства» со своими сокамерниками, а на второй стал постепенно приходить в себя. Утром (наказуемый понимал, что наступило утро, по одной весьма нехитрой примете: в определенное время на веревке спускалась очередная миска с безвкусной кашей) юноша начинал делать интенсивную зарядку, которая задействовала все мышцы. Места для полноценной тренировки было ничтожно мало, однако упорный клипсянин не щадя себя придумывал различные упражнения, с наслаждением ощу-

щая, как по телу разгоняется кровь. Потом он с аппетитом завтракал остывшей пресной кашей, мысленно вспоминал друзей, про себя разговаривал с Дианой, утешая ее, а пару раз даже обращался к своему единорогу, образ которого со временем становился все более расплывчатым. Затем он вновь с завидным упрямством принимался за усердные упражнения и делал паузу лишь тогда, когда сил не оставалось даже на то, чтобы просто лежать без движения.

Иногда он занимал работой и свою голову, продумывая различные варианты побега. Но для успешной реализации этого предприятия пока, увы, имелось слишком мало исходных данных. Одно Артур понимал очень хорошо: ему отчаянно нужна помощь Джехара, каким бы мерзавцем тот ни был, иначе ничего не выйдет. На третий день провинившегося все-таки помиловали и выпустили из застенков зиндана. Обычно наказуемые выходили испуганными, оробевшими, поникшими, совершенно дезориентированными в пространстве, уязвимыми и сломленными, но Артур вовсе не походил на человека, потерявшего присутствие духа. С характерной для него вызывающей невозмутимостью он отверг помощь надзирателя и сам ловко вскарабкался по лестнице. Свет больно ударил по глазам, и юноша на мгновение замер, привыкая к новой обстановке.

– Воняешь, как болотная крыса, – поморщился надзиратель. – Сперва помойся.

Этот приказ Артур выполнил с огромным удовольствием, ибо и сам жутко страдал от невозможности привести себя в порядок. Окунаясь в ледяной пруд с головой, юноша не к месту вспомнил, как коронер позволил ему принять у себя ванну. Теперь, пожалуй, о подобных излишествах можно было только мечтать.

Спустя час клипсянин вновь стоял перед толстым надзирателем. Господин Кван (а главного тюремщика звали именно так) с нескрываемым интересом сверлил упрямого заключенного взглядом. Обычно затхлого карцера было достаточно, чтобы сломать любого гордеца и, подобно винтику, встроить в отлаженный механизм Доргейма.

– Ты не поладил с соседями... Мы можем поселить тебя в другую камеру, если хочешь, – предложил тогда господин Кван, испытующе глядя на новичка.

– Не стоит, меня вполне устроила предыдущая, – был ответ, который, кстати, невероятно удивил толстяка. Он пожевал свои мясистые губы и неуверенно пробормотал:

– Вот как? Что ж. Если еще раз упадешь с койки... Словом, не удержишься на своей, то мы тебя точно переселим.

– Не беспокойтесь. Подложу подушку, чтобы не упасть, – пообещал ему Артур и смело вошел в свою камеру. Надзиратель, пойманный врасплох чудным поведением новичка, даже не заметил, что тот, перед тем как скрыться за бамбуковой дверью, глубоко вдохнул, подобно пловцу, который решается на длительное пребывание под водой. Да разве и можно было по невозмутимому лицу юноши распознать страх, который на какое-то мгновение возобладал в его сердце над всеми другими чувствами? Смелые поступки отнюдь не означают полное отсутствие боязни, но при этом, несомненно, указывают на сильный характер.

Клипсянина поприветствовали удивленными возгласами, впрочем, не лишенными издевки.

– Смотрите-ка, он снова к нам! Надо же, ему пришлось по вкусу первая ночь в тюрюге! – мерзко протянул Спайки, дурашливо вытягивая губы и выпучивая глаза, как бы делая таким образом страшное лицо.

– Наверное, Джехар и впрямь ему понравился. А может, наш красавчик просто любит боль?

Артур обвел взглядом соседей – Жаба смирно сидел на своей койке, поджав ноги, как канарейка, на его бледном лице читалось полное безразличие. Очевидно, «добрые» товарищи по несчастью уже успели основательно обработать бедолагу, выбив из него все возможные эмоции. Любопытно, но Джехар не участвовал в насмешках сокамерников; он с угрюмым видом

давил грязной чашкой тараканов и делал это с такой забавной сосредоточенностью, как будто в данный момент не нашлось бы занятия важнее и достойнее для его персоны.

– Чем займемся сегодня ночью? Может, обольем его парашей? – поинтересовался Спайки у Чанга, так как тот стоял ближе всех. Чанг пожал плечами, с циничной насмешкой глядя, как Артур спокойно проходит мимо них и приближается к своей койке. Совершенно неожиданно клипсянин вдруг замер и, резко обернувшись в сторону Спайки, так сильно двинул ему ногой, что тот, дико заверещав, упал на пол, раздавив при этом своей тушей добрую порцию тараканов.

– Еще раз приблизишься ко мне ночью, переломая руки. Это касается и всех остальных! – тихо, с каким-то мрачным надрывом в голосе, прошептал Артур. Спайки опомнился, тут же вскочил на ноги, но перед тем, как накинуться на обидчика, бросил встревоженный взгляд на Джахара. Они могли бы одолеть новичка только все вместе, скопом. Но вожак не двинулся с места. Азор тоже не шевелился; с веселой улыбкой он наблюдал за остальными, как папаша, который с умилением следит за забавами своих чад.

– Джахар, мы разве не проучим наглеца, а? – умильным голосом поинтересовался блондин. – Он ведь чуть не убил меня! – заунывно добавил он. Но главный явно придерживался другого мнения.

– Отстаньте от него, мерзкие твари. Отныне он под моей защитой.

– Что-о? – воскликнул Спайки, не в силах сдержать в голосе страшное разочарование. – Ты что, Джек, он ведь не подчинился правилам, а ты хочешь просто так простить его?! На каком таком основании? Может, это Одди попросила не трогать его смазливую физиономию?

– Заткнись, – лениво проговорил Джахар, подняв на блондина свои холодные голубые глаза. – Я сказал, новичка мы не трогаем и точка.

– Я тоже против насилия, Спайк, – с укоризной проговорил Азор, чуть насмешливо глядя на забияку.

– Ладно, ладно, как скажете, – уныло пробормотал Спайки, увидев, что на его стороне никого не оказалось.

Ночью, когда все начали засыпать, Джахар свесил голову вниз и тихо поинтересовался у Артура, внутренне борясь с какой-то странной робостью:

– Зачем ты вернулся к нам? Разве надзиратель не предлагал тебе иных вариантов?

– Предлагал. А что, в другой камере все было бы иначе?

– Нет, – улыбнулся в темноте Джахар. – Но ты не мог этого знать наверняка. Хочешь услышать, как я назову тебя? Бунтарь, ибо ты такой и есть. Не хочу давать тебе псиную кличку.

– Разве без прозвищ никак не обойтись? – хмыкнул Артур.

– Нет, таковы правила. Скажи еще спасибо, что именно я выбрал тебя. Одди — повернутая на голову, она бы тебя затравила.

– Спасибо, – насмешливо ответил Артур.

– Ну так что, Бунтарь, отчего ты попросился вновь к нам? Скажи, а?

– Я намеренно хотел, чтобы меня поселили с тобой, Джахар.

Вожак так удивился, что чуть не свалился со своей койки.

– Зачем это?

– Очень просто. Ты поможешь мне сбежать.

Глава 2. Кто скоро доверяет, тот легкомыслен

Джехар столь основательно обдумывал слова юноши, что Артур уже потерял надежду услышать хоть какой-нибудь ответ. Но вот в тишине раздался хрипловатый отрывистый голос:

– Я не буду помогать тебе. Но не потому, что не могу этого сделать. Ты сам не захочешь через некоторое время.

– Почему же? – удивленно спросил Артур, не сумев сдержать досады в голосе. По его скромному мнению Доргейм не относился к тем местам, в которых хотелось задержаться подольше.

– На то есть несколько причин. Ты узнаешь обо всем по порядку.

– Но...

– Поверь, я искренне уважаю тебя, Бунтарь, но теперь настало время спать. Завтра ранний подъем.

И как бы Артур ни пытался более разговорить главного, тот упорно молчал, делая вид, что спит.

Следующий день и впрямь начался раньше, чем того желали бедные заключенные. Ровно в шесть утра раздался невыносимо громкий лязг замков, который сонному человеку, утомленному тяжелой работой предыдущего дня, представлялся не просто неприятным, но даже мучительным. Доргейм-штрасс начал поспешно просыпаться.

Почти сразу же выяснилось, что покровительство Джехара имело для Артура свои очевидные преимущества. Во-первых, его больше не трогали и не задирали. Когда он вместе с сокамерниками зашел в общую столовую, располагавшуюся на открытом воздухе под поросшим зеленой травой деревянным навесом, более пунктуальные заключенные, уже приступившие к завтраку, с живым интересом покосились на вошедших. Впрочем, юные обитатели Доргейма по каким-то причинам старательно избегали прямых и честных взглядов, и наблюдали подло, исподтишка, подобно уличным воришкам, выслеживающим очередную жертву. Однако Артур чувствовал, что стоило ему отвернуться, как чей-нибудь любопытный взгляд прилипал к нему сзади и преследовал все то время, пока он передвигался по столовой. Пристальное внимание со стороны заключенных наводило на мысль о том, что новости в Доргейме распространяются с завидной скоростью. Стало быть, всем уже известно, что у Джехара появился любимчик.

Почему же Артура непременно окрестили любимчиком? Ответ прост: в месте, где иерархия между людьми выстраивалась по примеру взаимоотношений человека и собаки, его и не могли назвать иначе. Шепотом пересказывая друг другу достоинства и изъяны новичков (причем чужие недостатки их интересовали в гораздо большей степени, как это обычно водится), все начинали обсуждения с Артура – человека, наиболее ярко проявившего себя в первые дни. Кто-то испытывал по отношению к нему откровенную зависть, ибо столичный щеголь всего за два дня пребывания в Доргейме умудрился полностью склонить на свою сторону главного, другие стали искренне уважать юношу за смелый и решительный нрав. Имелись также и те, кто выказывал легкое презрение – отчасти из-за того, чтобы выслужиться перед Оделян, отчасти из-за личных предубеждений.

Вторым положительным моментом заступничества Джехара оказалось то, что сами надзиратели принялись обращаться с Артуром в весьма обходительной и доброжелательной манере, словно того неожиданно повысили в звании. На раздаче еды ему заботливо выдали двойную порцию каши из протертого сельдерея: кислую зеленоватую массу венчали две жирные свежесваренные лягушки, которых, видимо, поместили сюда для красоты, подобно вишенкам на торт. Повариха заискивающе улыбнулась Артуру, протягивая тому экзотичное блюдо.

Наверное, она бы весьма расстроилась, узнав, что юноша с опаской отодвинул в сторону лягушек, прежде чем приступить к еде.

Столовая представляла собой огромную террасу, расположенную на подвесном пирсе прямо над торфяным болотом. Окруженная со всех сторон милостивыми зелеными занавесками, защищавшими от комаров, прокуренная благовониями (дабы не ощущался запах гнили) и вдобавок облагороженная высокими вазами с камышами, она в принципе могла сойти за весьма недурной трактирчик, где иной зажиточный кутила не прочь будет оставить кругленькую сумму.

Впервые оказавшись здесь, Артур был приятно удивлен, ибо тюремная столовая совсем не оправдывала своего названия. На террасе было аккуратно, достойно и опрятно. Повсюду сновали туда-сюда совершенно обычные подростки, которые вовсе не казались законченными злодеями или же преступниками. Скорее, простые школьники, чьи родители по какой-то странной прихоти выбрали в качестве учебного заведения для своих чад эту экзотичную школу, располагавшуюся на болотах.

Заключенные перемещались без кандалов, им предоставлялась некоторая свобода, которой, впрочем, никто из них не желал воспользоваться. Возможно, разгадка крылась в мрачных фигурах охранников, которые с арбалетами наперевес ходили вдоль пирса и внимательно наблюдали за юными узниками.

В столовой каждый стол был пронумерован и предназначался для обитателей одной камеры. Так, Артура заселили в камеру номер шесть, стало быть, и стол, за которым ему следовало сидеть, имел такую же нумерацию. В целом, начальники Доргейма, казалось, были помешаны на цифрах. У заключенных вместо имени были свои порядковые номера, по которым к ним и обращались. Еще до завтрака тюремный надзиратель выдал Артуру его персональный номер – восьмой, что, к удивлению последнего, вызвало жгучую зависть его сокамерников.

– Надо же, недавно появился, а уже восьмой. И чем ты их только зацепил? – сквозь зубы процедил задиристый Спайки, когда они все вместе сидели за своим столом и давились сельдереевой кашей.

– Пока не вижу в этом особых преимуществ, – хмыкнул Артур, дивясь необъяснимой зависти блондина.

– Восемь – это самое большое простое число, которое делится на два, – учтиво пояснил Азор, сопровождая свои слова вежливой улыбкой. – Вот Спайк и завидует.

– Понятно, – с иронией вымолвил Артур, впрочем, так ничего и не поняв. Жабе, кстати, достался номер четыре. Судя по реакции остальных, весьма неблагоприятное число, способное даже навлечь беду. Кстати, Оделян по какой-то причине не пожелала взять под свое крыло Жабу, и тот перешел Джахару. Главный же не стал заморачиваться с кличкой и назвал низкорослого юношу сообразно его номеру – «Четверка». В его устах это прозвище и впрямь звучало как нечто оскорбительное и унижающее достоинство, но Жаба выглядел полностью смирившимся со своей участью. Подобно пугливой собачонке, он жался к Азору, и если тот вставал, то и Четверка непременно вскакивал со своего места, чем необычайно забавлял остальных.

Только Джахар ни над кем не смеялся; чаще всего он был хмур и немногословен, что, впрочем, говорило в его пользу. Изредка он бросал краткие отрывистые фразы, постепенно объясняя новичкам порядки Доргейма, но при этом, надо отметить, обращался он всегда исключительно к своему протеже, а всех остальных предпочитал не замечать.

Артур с нескрываемым любопытством наблюдал за ребятами. В Доргейме находились преимущественно юноши – всего около пятидесяти человек. Впрочем, как потом выяснилось, это была лишь первая смена. Миниатюрная столовая не могла вместить сразу всех. Заключенные были приблизительно одного возраста и, как бы странно это не выглядело, все они так или иначе походили друг на друга внешне. Например, здесь преобладали загорелые голубоглазые брюнеты и шатены; довольно редко, подобно малочисленным седым волоскам на еще

юной голове, среди них встречались худощавые блондины, но это было скорее исключением из правил.

Пять довольно милостивых девушек разбавляли мужскую компанию, но, судя по кислым лицам, они явно не радовались полному отсутствию конкуренции. Юноши с жадностью пожирали их тощие фигурки взглядами, неприлично свистели в их сторону, кидали какие-то многозначительные остроты и так, судя по всему, продолжалось в течение всего дня. Здесь присутствовала и еще одна юная особа, но ее нельзя было описать вместе с другими, ибо она хоть и принадлежала к женскому полу, тем не менее сильно выделялась среди своих подруг. Артур сразу заприметил ее, так как она держалась особняком от других. Даже за столом сидела отдельно, будто царица на троне, наблюдавшая за своими подданными. Кстати, у нее одной не было нумерации, что также привлекало внимание. Обладавшая весьма яркой внешностью, она, казалось, должна была притягивать всеобщие взгляды, но реальность была полностью противоположной – на нее не только не смотрели, но еще и обходили стороной, словно бедняжка страдала от какой-то страшной и весьма заразной хвори.

У нее были длинные кудрявые волосы, совершенно черные, как древесный уголь. Подобно ажурной паутине, они опутывали всю ее фигуру: жилистую, крепкую, подтянутую. У незнакомки были длинные сильные руки, натруженные ладони, крепкие, как у молодого бычка, ноги, а за ее плечами, как и у остальных надзирателей, на кожаном ремешке болтался новенький арбалет. Несмотря на женственное и вполне милостивое лицо, она вела себя, как парень. Сидела по-мужски, чуть расставив ноги, ела поспешно и жадно, будто дикая лисица, не заботясь об аккуратности; волосы ее были растрепаны, словно давно не знали расчески, а крупные глаза девушки смотрели нагло и вызывающе. Пользуясь тем, что на нее никто не обращает внимания, она сама с бесстыдным любопытством разглядывала каждого заключенного, и от ее неприятного раздевающего взгляда, откровенно говоря, становилось не по себе.

Артур засмотрелся на незнакомку, но вовсе не оттого, что она привлекла его внешне. Просто ему стало любопытно, какую роль занимает эта надменная девушка в иерархии Доргейма. В какой-то момент она словно физически почувствовала чужой интерес и, резко вскинув голову, устремила взгляд своих прекрасных карих глаз на дерзновенного наглеца, подобно тому, как профессиональный воин отражает атаку врага – молниеносно, быстро, с предельной жестокостью.

– Кто эта девушка? – с любопытством поинтересовался Артур у Джахара, но вожак нарочито быстро засунул себе в рот ложку каши, как бы показывая тем самым, что за едой он не мастак вести беседы. Вместо него в разговор встрял любезный Азор, всегда готовый прийти на помощь новичкам.

– Она понравилась тебе, братишка? – с искренним пониманием и какой-то даже ласковостью в голосе протянул брюнет.

Клипсянин с сомнением покачал головой.

– Просто интересно. У нее нет номера.

– Ее зовут Оделян, и она держит зону.

При этих его словах Чанг язвительно хмыкнул, устремив взгляд, полный откровенного презрения в сторону таинственной госпожи.

– Я что-то не так говорю, братишка? – ласково и чуть удивленно поинтересовался вежливый Азор.

– Отнюдь. Ты все сказал правильно.

– Просто мне показалось, что ты...

– Тебе показалось, – с нажимом проговорил Чанг и угрюмо уставился на свою недоеденную кашу, над которой уже назойливо кружила жирная муха. Артур с удивлением смотрел на товарищессу по несчастью. Пока он совершенно не понимал, какого рода взаимоотношения сформировались между обитателями Доргейма.

В столовую все прибывали новые люди. Вот зашла шумная ватага юношей; они поспешно набрали себе подносы с кашей и плюхнулись за один столик, не переставая смеяться и рассказывать друг другу какие-то забавные истории. На первый взгляд создавалось впечатление, будто это беспечные школьники Троссард-Холла, но никак не узники сурового Доргейм-штрасса. Однако спустя минуту пристального наблюдения, можно было уловить некоторые странные, и даже весьма подозрительные детали: так, один из компании шутников все время травил байки своим соседям, но при этом обращался не к ним напрямую, а в противоположную сторону, будто за его спиной также находились собеседники, но только невидимые глазу. Другой парень с задумчивым видом жевал кашу, которая почему-то все время вылезала у него изо рта, хотя, исходя из логики всех естественных законов, она должна была бы, напротив, устремляться внутрь – туда, куда ее так настойчиво пропихивали ложкой. Третий вообще, судя по всему, не знал, как пользоваться столовыми приборами, и неаккуратно черпал еду пригоршнями, разбрызгивая зеленую массу по всей округе. Заприметив все эти нелюбезные вещи, Артур устремил в сторону Джахара вопросительный взгляд, но тот лишь хмыкнул.

– Это Неприкасаемые, – нехотя буркнул он, предупреждая вопрос.

– В каком смысле?

– В таком. Их нельзя трогать. Ни нам, ни надзирателям.

Артур еще раз удивленно посмотрел в сторону подозрительной группы людей; сейчас ребята занимались тем, что ковыряли ложками в тарелках друг друга, явно не желая делать то же самое в своих собственных.

– Они выглядят... Немного... Странно, – аккуратно заметил клипсянин, покосившись на главаря, но получил в ответ усмешку. – Попадешь к господину Тукаю, еще и не таким станешь.

– А кто это?

– Ты излишне любопытен, новичок! – не выдержал Спайки, злобно ощерившись. – Почему Четверка прилежно молчит во время еды, а Бунтаря не заткнуть?

– Так ведь Бунтарь – он таков и есть по своей натуре! – хохотнул Азор и добавил уже более строгим голосом: – Помягче, Спайк. Пожуй лучше каши.

– Школьный лекарь и психолог, – мрачно ответил наконец Джахар на вопрос Артура и решительно встал со своего места. – Хватит прохлаждаться, нас ждет работа.

Чанг скривился:

– Сказал бы уж что-нибудь новенькое, а то каждый день одно и то же.

– Сходи пожалуйста Одди, – предложил Азор приятелю, заговорщицки подмигнув, отчего Чанг слегка побледнел. А может, так просто показалось Артуру.

– Через десять минут у нас начинаются уроки, – командным голосом пояснил Джахар, обращаясь преимущественно к Артуру. – Бунтарь и Четверка, вам надо зайти на беседу к директору для получения школьного инвентаря и расписания.

– Нас проводят? – поинтересовался Артур.

– Я могу показать! – с готовностью воскликнул Азор, которому, вероятно, не терпелось хоть как-то помочь новичкам. Но Джахар скривился, как от зубной боли.

– Сами найдут. В Доргейме никто не будет ходить за вами по пятам. Днем вы предоставлены сами себе. Только вечером, после работ, надзиратель сопроводит вас обратно в камеру.

– Неужели они не боятся, что заключенные уйдут или устроят бунт? – воскликнул Артур, невероятно удивленный такими вольными порядками тюрьмы. Его первое впечатление об этом мрачном месте было совсем другим.

– Бессмысленно отсюда убежать, новичок. Во-первых, вокруг непроходимые болота, как ты уже мог заметить. Во-вторых (и это самый главный аргумент), *только Доргейм сможет нам по-настоящему помочь.*

Джахар с такой искренней верой произнес свои слова, будто Доргейм-штрасс в действительности являлся не обычным исправительным заведением, а неким одушевленным лицом,

не только не лишенным добросердечности, но также и впрямь способным кому-то оказать помощь.

– Понимаешь, он на нашей стороне... – совсем уже загадочно добавил вожак, чуть приглушив голос.

– Кто? – не сумев сдержать иронии, все же поинтересовался Артур. Вместо ответа Джахар обвел рукой пространство вокруг себя, будто очертив таким образом некоего воображаемого помощника всех обездоленных и униженных.

– А я в это не верю. Хотя нет, не так. Я ни во что не верю, – вдруг цинично выговорил Чанг, смачно сплюнув на землю.

– Что же ты тогда не сбежишь, братец? – удивленно и вместе с тем ласково спросил Азор.

– А мне наплевать. На все. И на себя в том числе, – угрюмо бросил Чанг и вновь замкнулся в себе. Он производил впечатление жалкого и озлобленного на весь мир волчонка.

– Директор обитает в третьей мшистой кочке слева от Гнилого болота, – сказал Джахар, видимо, наивно полагая, что данные разъяснения как-то помогут новичкам отыскать логово директора.

– Третья мшистая кочка, я так и думал. А от какой точки начинать считать? – не удержался от иронии Артур. – И что, кстати, ты подразумеваешь под гнилым болотом, Доргейм-штрасс?

Спайки весело хохотнул, а вместе с ним и Четверка, подражая своим старшим товарищам.

– Хорошо, что Одди тебя не слышит.

– Да, только она почему-то все время на меня смотрит, – сказал Артур, покосившись в сторону таинственной девушки.

– А что ж ей не смотреть на такого красавца? – опять хохотнул Спайки, впрочем, не без зависти. – Ты даже с грязью на роже будешь за версту светить. Но тебе все же не повезло, приятель, ведь наша дама как раз таких особенно не любит.

– Хватит! – грозно шикнул Джахар и дал насмешнику легкий подзатыльник. – Надо идти.

Жаба с готовностью вскочил со своего места; казалось, во время всего завтрака он только и ждал этого повеления.

– Третья кочка, третья кочка, – с ужасным беспокойством шептал он про себя, судорожно пытаясь сообразить, куда ему следует держать путь. Задавать уточняющие вопросы он не смел, а послушаться приказа – и того подавно.

Азор, с сомнением глядя на него, покачал головой.

– А я все-таки провожу вас, новички. В Зловещих топях очень легко заплутать и сгинуть без следа. Джахару наплевать на вас, а мне нет.

С этими словами благообразный юноша грациозно поднялся на ноги, лениво потянулся и, поманив за собой Жабу, стал уводить его куда-то в дремучие заросли, подальше от столовой. Артур хотел было последовать за ними, но Джахар настойчиво удержал его за плечо.

– Не торопись, – шепнул он ему на ухо.

– В чем дело?

Лицо главаря, к большому удивлению Артура, вдруг залилось краской.

– Я хотел сказать тебе кое-что... По приезде у вас забрали одежду и личные вещи. Обычно все шмотки сжигают на костре, чтобы заключенные не передавали друг другу заразу и блох, но сперва ее тщательно просматривают. Золото, если таковое имеется, тырят себе. А если какие другие вещи... То могут просто выкинуть или сохранить из любопытства.

Артур с безразличием пожал плечами.

– У меня при себе не было ничего ценного.

– Ценного – нет, но надзиратель показал мне кое-что любопытное, принадлежавшее тебе. Смотри, – с этими словами Джахар ловко достал из кармана какой-то загадочный черный предмет. Артур сразу же все вспомнил, и сердце его сжалось от непреодолимой грусти.

Это был сушеный жук, подарок Тода. Для иного человека подобная вещь покажется сущей безделушкой – даже весьма малопривлекательной безделушкой, но Артур был искренне убежден, что для беруанца данный дар носил особый смысл: он делился самым дорогим и сокровенным, как бы частичкой своей души. Ужасно жаль, что последующие трагические события безжалостно разорвали ту хрупкую нить взаимопонимания, которое установилось между ними хоть на какое-то непродолжительное время.

Артур, надо сказать, по-прежнему продолжал считать Тода другом. Благородный юноша всегда верил в лучшие качества человека; он был искренне убежден, что даже самый подлый предатель может однажды исправиться, равно как и закоренелый преступник. Что уж было и говорить о Тоде, который не являлся ни тем, ни другим. Просто беруанец затаил на него обиду, но подобные эмоции обычно преходящи. По крайней мере, Артур всем сердцем надеялся, что настоящая дружба сильнее всяких обид и недомолвок.

– Эта вещь нужна тебе? – поинтересовался Джахар, с нескрываемым интересом вглядываясь в изменившиеся черты юноши.

– Да, я бы забрал его, – тихо ответил Артур.

– На, держи, – Джахар неловко сунул ему в руку жука. – Мы жестоко избили тебя в первую ночь в камере... Доргеймцы всегда так поступают с новичками, но почему-то именно теперь я осознал, что это, наверное, подло и недостойно. С другой стороны, мы все равно будем продолжать так делать, ведь систему не изменить. Если порядка не будет, ничего не получится.

Артур удивленно приподнял брови.

– А что должно получиться?

– Об этом, думаю, тебе расскажет старик.

– Старик?

– Директор. И еще, Бунтарь. Будь я на воле, непременно захотел бы с тобой подружиться. Я не знаю причин, по которым ты оказался здесь, да и не хочу знать. Уверен наверняка, что ты не причастен ни к чему дурному. Я не вижу в тебе ни малейшей лжи и притворства. Но, несмотря на мои симпатии, в стенах Доргейма я твой главный, улавливаешь суть? А ты мой подчиненный. Мои приказы не обсуждаются. В свою очередь, я не буду оскорблять тебя и просить чего-то такого, что может задеть твою гордость. В первый день, признаюсь, я хотел испытать тебя. Мы всегда унижаем новичков, чтобы понять, из какого теста они слеплены. В том деле, которое нас всех ожидает, нужны верные умы и храбрые сердца. Теперь же, когда экзамен пройден, я знакомлю тебя с основным правилом. Мое слово для тебя – закон. Повеления вожаков просты и касаются в основном трудового распорядка – работы, учебы и чистки камеры. Надеюсь, ни у кого не появится мысли, что ты недостаточно послушен.

– А что произойдет в противном случае? – с нескрываемым интересом спросил Артур, а губы его по инерции сложились в некое подобие бунтарской ухмылки. Джахар сильно побледнел и опустил голову.

– В противном случае мне не поздоровится, – наконец тихо признался он.

Артур качнул головой.

– Я постараюсь не подставлять тебя, – ответил он, немного, впрочем, замаявшись.

Джахар, Джахар. Я постараюсь в открытую не подставлять тебя, но это не помешает мне начать планировать мой скорый побег.

– Отлично. Тогда – братья? – улыбнулся своими полными губами вожак. Артур смущенно кивнул ему в ответ и поспешил ретироваться. Ему хотелось нагнать Азора с Жабой. В какой-то момент, проходя мимо группы ребят с подносами, он услышал едкую фразу, произнесенную ему практически в самое ухо:

– Задумал своей смазливой рожей задобрить Джеха? Только зря стараешься, не он здесь главный.

Артур вздрогнул от неожиданности и обернулся, пытаясь понять, кому принадлежали эти слова. Но заключенные за его спиной безмятежно переговаривались между собой, ничем не выдавая себя. Юноша, помрачнев, стремительно вышел из столовой.

В лесу начал накрапывать навязчивый ледяной дождь. Сгустился туман, стемнело и оттого стало чудиться, что время уже давно перевалило за полночь, хоть было только утро. Вдруг на отдалении раздался дребезжащий звук колокола, такой жалкий и заунывный, что, казалось, и у него зуб на зуб не попадал от скверной погоды, установившейся в крае гиблых Топей. Это звонарь призывал обитателей Доргейма пройти в учебные комнаты.

Артур задумчиво шел по деревянному, уже чуть подгнившему настилу, который едва выступал из зловещего тумана. Создавалось впечатление, что столь мрачная дорога непременно приведет лишь в самое безотрадное место, например, на кладбище. По левую и правую сторону от нее густой тягучей жижей растекалась черная земля, с будто нарочно натканной в нее осокой. Отчего-то сходить с настила не хотелось. В одном месте дорога раздваивалась, но Артур уже увидел Жабу и Азора, которые, казалось, поджидали именно его.

– А вот и ты, новичок! – с неожиданной веселостью проговорил Азор и подмигнул ему одним глазом. – О чем секретничал с Джехом?

Артур рассеянно пожал плечами. Мысли его витали далеко отсюда; юноша усиленно думал, насколько вероятной затеей мог считаться побег из этого гнилого места. Азор с пониманием улыбнулся.

– Думаешь, как бы поскорее увистать из Доргейма, да, братишка?

Артур вздрогнул всем телом, ибо именно эта крамольная мысль занимала теперь его голову. Азор простодушно рассмеялся, и смех его был таким незлобным и искренним, что клипсянин невольно расслабился.

– В этом нет ничего ужасного или удивительного, – пожал плечами благообразный брюнет. – Я и сам, признаться, мечтаю о том же. А ты, Уткен?

Артур про себя отметил тот факт, что Азор уже выведал настоящее имя Жабы и обращался сообразно нему, что, признаться, подкупало.

Уткен с готовностью кивнул головой; некрасивое лицо его заметно оживилось, а на щеках показался едва различимый розоватый румянец. Когда среди сонма жестоких и озлобленных людей находится один, готовый проявить сострадание к затравленному всеми слабаку, последний чувствует неимоверную признательность, радость и даже искреннюю привязанность к своему защитнику, что и произошло в случае с Жабой.

– Я очень хочу убежать! – воскликнул Уткен и добавил с толикой бравады: – В конце концов, я и не из таких мест сбегал, бывало и похуже!

– А что, ты полагаешь, отсюда можно сбежать? – поинтересовался Артур у черноволосого проводника. Тот моргнул своими красивыми зелеными глазами и задумчиво ответил.

– Только объединившись с кем-нибудь. Одному это предприятие не под силу.

– А почему Джехар не хочет убежать?

Брюнет с грустью улыбнулся, помолчал, а затем испытующе посмотрел на новичков.

– Пойдемте, по дороге расскажу. Вас уже ждет старик.

Они двинулись вперед, а шершавые влажные от дождя доски принялись противно скрипеть в такт их шагам. Никто, казалось, не следил за их перемещениями, однако пару раз Артур ловил на себе внимательный взгляд стражника или тюремщика, которые так же, как и они, увлеченные своими делами, неспешно проходили по деревянным мостам. Азор задумался о чем-то, Жаба не решался торопить своего обожаемого защитника, и какое-то время они шли в полном молчании. Однако потом Артур в нетерпении прервал тишину, установившуюся между ними.

– Так почему Джахар не хочет убежать?

Азор вздохнул и ответил, словно нехотя:

– Что нас ждет на выходе из тюрьмы? Полидекса. То есть новая тюрьма. А Джахар хочет быть свободным.

– Тогда я не понимаю, почему...

Неожиданно всегда спокойный и добродушный Азор разозлился:

– Потому, новичок, потому! Разве не знаешь, что беглого преступника спокойно могут застрелить? Или, может, не слышал о карательном отряде «Рука правосудия»? Они занимаются поиском и умерщвлением беглых каторжников, это для них, как бы тебе объяснить подступнее... Как заядлому охотнику выйти на зайца. Убежать, чтобы потом тебя в любом более-менее крупном городе зажарили на вертеле? Ну уж нет, кому нужна такая свобода? Скрываться все время – тоже не вариант. А Доргейм-штрасс предлагает иные перспективы. Старик наш, кажется, человек идейный. Он ненавидит беруанцев, хоть сам родом из Беру. Говорят, его прогнали с веток за какие-то там преступные махинации. Старик искренне считает незаконным одних людей выгонять с дерева, а других всячески поощрять и давать им различные привилегии. Это несправедливо. Короче, наш Доргейм, братишка, является оплотом для нового мятежа, понимаешь? Старик надеется сделать из нас воинов и с нашей помощью свергнуть правительство Беру. Он убежден, что никто из нас не виновен в своих преступлениях. Нас сослали только потому, что это выгодно богачам. Почему же мы вынуждены находиться в рабстве всю жизнь? Не лучше ли взять и отвоевать свою свободу у поработителей? Так думает старик и почти весь Доргейм. Все наши занятия, ты сегодня увидишь, направлены на то, чтобы сделать из нас заправских воинов, – Азор сбился и замолчал, погрузившись.

– Ты сказал, так думает почти весь Доргейм, а как думаешь ты? – спросил Артур.

– Не хочу убивать людей, – откровенно признался Азор. – Даже для того, чтобы получить долгожданную свободу. На кой сучок она мне нужна такой ценой? Я лучше сбегу потихому, и да, буду всю жизнь скрываться, но зато мне не будет стыдно за свои действия.

Артур с невольным уважением покосился на собеседника. Что ж, в этом вопросе клипсанин был абсолютно с ним солидарен.

– Поэтому я ищу единомышленников, тех, которые, как и я, не хотят бессмысленных жертв.

– О да, мы согласны с тобой! – с невольным восхищением воскликнул Жаба. Лицо его было воодушевлено и даже красиво в этот самый момент.

Азор ласково улыбнулся.

– Спасибо на добром слове, братишка. Кстати, мы пришли. Вот и оно, обиталище нашего господина.

Юноша неспроста назвал так сооружение, возникшее из тумана, ибо его и вправду сложно было окрестить как-то иначе. Обиталище, логово, землянка, мшистая кочка – все, что угодно, но не дом. Даже вернее будет сказать, что перед глазами удивленных новичков предстал самый обычный холм, не столь маленький, чтобы назвать его могильным, но все же и не столь большой, чтобы заподозрить в нем наличие жилых комнат. Пригорок порос зеленым пушистым мхом, что, кстати, придавало ему некую опрятность. По крайней мере, тут не росло сорной травы.

Ребята обошли холм по часовой стрелке, и в какой-то момент Азор остановился и указал на дверь, которую, впрочем, и так можно было легко разглядеть. На ней висел большой дверной молоток, а еще – весьма гостеприимная надпись: «Стучать только в случае острой необходимости, а еще лучше – никогда». Исходя из смысла послания, которое хозяин желал донести до своих гостей, можно было сделать несколько противоречащих друг другу выводов: во-первых, что директор обладает весьма незаурядным чувством юмора и в целом любит пошутить, либо же, напротив, напрочь лишен оно, равно как и вообще каких-либо дружеских чувств, кото-

рые радушному хозяину пристало испытывать к своим гостям. Так или иначе, надпись заставляла остановиться и поразмыслить над ее содержанием, а также над причиной собственного прихода. И в самом деле, существует ли та самая острая необходимость, достаточная для того, чтобы тревожить занятого человека?

– Уткен, давай, ты первый. Старик принимает по очереди, – мягко приказал Азор, указав рукой на дверной молоток. Жаба послушно кивнул головой и с некоторой опаской покосился на дверь. Конечно, он робел перед встречей с таинственным директором, но для него куда важнее было не показать свой страх перед Азором. Поэтому, расправив плечи, он бодро постучал в хлипкую дверцу, да так, что сверху на него чуть не упала пресловутая табличка, а затем отважно шагнул внутрь кочки.

Брюнет взглянул на Артура.

– Мне вообще-то надо на учебу, – заметил он. – Но я дождусь вас, чтобы показать, куда идти. Зловещие топи – это вам не парадная ветка в Беру.

– Спасибо, – с благодарностью ответил клипсянин.

– По идее, это должен делать Джахар. Но у него своих дел по горло.

– Значит, он тоже хочет напасть на беруанцев и свергнуть короля? – уточнил Артур.

– А что тут удивительного? Ты любого спроси – ответ будет одним. Да и потом, если человек любит насилие... Не хочу наговаривать, но Джах... Ах, ладно, ни к чему это тебе знать.

Артур с удивлением посмотрел на Азора.

– Знать что?

Зеленоглазый юноша с грустью улыбнулся.

– Это он с упоением избивал тебя ночью вместе со Спайки и Чангом. Я отговаривал, но меня, как и всегда, никто не послушал.

– Он извинился сегодня передо мной.

– Да, наверное. Но ему это доставляет удовольствие, понимаешь? Он любит насилие. Поэтому напасть на беззащитных людей для него нечто в порядке нормы.

– А ты сам откуда? Почему сюда попал? – решил сменить тему Артур.

– Это было так давно, что я уже не припомню всех подробностей. Я был совсем маленьким. Мы с Джахом и многими другими попали в Доргейм в еще детском возрасте. Не знаю, чего такого ужасного могли совершить юнцы, что нас решили изолировать от общества. С другой стороны, может, мы оказались здесь именно потому, что у нас не было родителей или же каких иных родственников, защитников, которые могли бы за нас вступить и отстоять наше право жить на свободе. Все мы сироты. Вполне вероятно, что изначально Доргейм принимал бедняков, рано лишившихся своих родителей, а потом что-то поменялось, и сюда стали доставлять преступников. Сейчас новичков из Беру привозят не так уж и часто, так что вас мы, откровенно говоря, не ждали.

– Я не пойму, – начал Артур, – Доргейм – это все-таки тюрьма? Что будет, если я, например, откажусь учиться? Или попытаюсь убежать?

Азор испытующе посмотрел на новичка; взгляд его зеленых глаз был предельно серьезным.

– Как ты сам понимаешь, убежать будет очень сложно, а последствия в случае обнаружения вас охранниками могут стать весьма плачевными.

– Значит, кто-то уже делал такие попытки ранее?

– Помнишь Неприкасаемых? Вот они-то и пытались.

– Что с ними стало?

Азор покачал головой:

– Я не знаю, братишка, и не очень-то хочу знать. Я понял одно: либо все, либо ничего, либо пан, либо пропал.

– И ты все-таки хочешь попробовать сбежать?

– Да, если на моей стороне будет такой находчивый смельчак, как ты.

Они немного помолчали, Артур же обдумывал услышанное. Доргейм оказался не так прост, как он воображал о нем сперва. Коварное болото с двойным дном. Место, наполненное своими тайнами. Кто такие в действительности эти Неприкасаемые? Почему никто не горит желанием бежать из Доргейма? Какую роль играет та загадочная девушка, Одди, или Оделян? Какowymi на самом деле являются Джахар, Азор и все остальные его сокамерники? Сперва Артур полагал, что именно Джахар станет его проводником на свободу, однако теперь, после разговора с Азором, сомнения наполнили его душу.

Юноше вдруг отчаянно захотелось оказаться среди своих друзей. Он вдоль и поперек изучил каждого: знал все привычки, шутки, причуды и мог почти с полной вероятностью предсказать их поведение в той или иной ситуации. Здесь же, в Доргейм-штрассе, решительно все были для него чужими. Дикий и суровый край, не то тюрьма, не то школа – место, откуда, казалось бы, каждый должен мечтать сбежать, но при этом, напротив, все держались за Доргейм, будто за соломинку. Случайно ли то, что он попал сюда? Клипсянин не верил в случайности.

Дождь полил сильнее, и Артур поежился от холода. Тюремная роба не спасала от дождя, и длинные рукава его черной рубахи быстро намокли.

– Зябнешь, братишка? – с сочувствием проговорил Азор. – Хочешь, отдам тебе свою жилетку?

Артур отрицательно покачал головой. Впрочем, его мучения длились не так уж и долго, ибо вскоре хлопнула дверь, и на пороге появился Уткен собственной персоной. Лицо того выглядело столь неопределенным и безэмоциональным, что сложно было догадаться об истинном исходе его разговора со стариком. Юноша не сказал ни слова, а только тихонько обошел Азора с Артуром и в полном молчании направился куда-то по дороге.

– Эй, а нас подождать? – возмутился Азор, но Жабба никак не отреагировал. Брюнет иронически хмыкнул.

– Что ж, иди, Бунтарь, теперь твоя очередь.

Артур кивнул и, повинувшись зову вежливости, постучал несколько раз в дверь молотком. Затем он смело вошел в мрачную землянку.

Внутри оказалось почти так же холодно, как и снаружи (с другой стороны, странно было бы ждать от сырой землянки чего-то большего). В центре комнаты находился старый камин, облицованный диковинными изразцами, у решетки которого ютился невысокий человечек в домашних туфлях, красном халате и колпаке на голове. Мужчина выглядел очень по-домашнему и, казалось, либо только встал с постели, либо, напротив, уже готовился отойти ко сну. У него были длинные усы, настолько жидкие и тоненькие, словно вся их сила перешла в длину. Наверное, если бы кто захотел и набрался дерзости, то смог бы даже пересчитать волосинки в его усах, ибо их действительно имелось в ничтожном количестве.

Увидев нового посетителя, директор гостеприимно кивнул головой и жестом предложил Артуру сесть за невысокий столик.

– Если позволите, я удалюсь на две минуты, надобно взять еще поленьев для камина. Холодает, – учтиво проговорил директор и, резво встав на ноги, вышел из комнаты в темный коридор.

Артур же стал с любопытством осматриваться. В принципе, можно было сказать, что комнаты директора Доргейма обставлены весьма неплохо. Здесь имелось множество разных предметов, подчас старинных и, несомненно, ценных. Помещение, в котором Артур имел удовольствие находиться, являлось кухней. Здесь стоял аккуратный обеденный столик, еще несколько высоких столов для резки продуктов и очень много разных шкафчиков, весьма привлекательных на вид. Однако по мере того, как юноша разглядывал предметы, те стали казаться ему все более странными. Причудливые шкафчики выглядели совсем ненастоящими, словно их изготовили не из дерева, а из цветной бумаги. Напрочь забыв все приличия и движимый одним

лишь любопытством, Артур встал и дотронулся до ручки шкафа. К своему огромнейшему удивлению, он обнаружил, что тот и впрямь сделан из картона! Тогда Артур не выдержал и дерзнул открыть дверцу. За ней не оказалось решительным образом ничего! Ни полок, ни посуды, ни кухонной утвари, словом, ничего такого, что обычно хозяйки держат в своих шкафах. Тогда Артур принялся беспорядочно открывать все дверцы, пытаясь обнаружить хоть что-то настоящее.

– Кх-м, – послышалось сзади, и юноша вздрогнул всем телом, поняв, что его застали с поличным.

– Так за что вас в Доргейм отправили, юноша? Часом, не за воровство? – неожиданно язвительно поинтересовался господин Мильхольд. Лицо Артура вспыхнуло, как догорающие сосновые ветви в камине.

– Пожалуйста, простите, – неловко извинился он, силясь придумать какое-нибудь оправдание, но решительно ничего не приходило ему в голову.

– Я знаю, чем мы сейчас займемся, – дружелюбно сказал директор и высыпал на горящие угли добрую дюжину каштанов, которые принялись аппетитно шипеть и трескаться от жара.

– Никогда не ели жареных каштанов? – с любопытством поинтересовался он, лукаво поглядывая на гостя. Артур отрицательно покачал головой.

– Вкус у этого лакомства отменный, – провозгласил господин Мильхольд. – Как вас звать-величать, юноша?

Артур замялся, так как не знал наверняка, какого имени ждет от него директор – в виде клички, данной ему сокамерниками, либо же в виде цифры, присвоенной ему надзирателями. Это секундное промедление отчего-то невероятно развеселило господина в халате.

– Настолько привыкли к неволе, что позабыли свое настоящее имя? – полушутливо, полуиздевательски заметил старик. Артур с заметной гордостью вскинул голову, а голубые глаза его опасно блеснули:

– Меня зовут Артур, – отрывисто бросил он. – А к неволе, по-моему, невозможно привыкнуть.

Хозяин добродушно засмеялся; крученые усы забавно подрагивали в такт его движениям.

– Угоститесь лучше каштанами и не сердчайте на старика, – с этими словами он осторожно подцепил пальцами пару раскаленных деликатесов и, шумно подув на свои ладони, протянул юноше угощение. Увидев, что тот медлит, директор подбодрил его, сказав:

– Я догадываюсь, что утренний сельдерей вам вряд ли пришелся по вкусу.

– Почему у вас ненастоящие шкафы? – прямо поинтересовался Артур, чем вызвал еще один язвительный смешок.

– С деликатностью, у вас, молодой человек, явно большие проблемы. Впрочем, если вы уж так ожидаете ответа, то можете считать это моей старческой причудой. Я не живу здесь постоянно, так зачем мне кухня? С другой стороны, когда мне все же приходится по долгу службы ночевать под холмом, гораздо приятнее созерцать вокруг себя уютные и хорошо мебелированные помещения, не так ли? Я прочитал ваше дело. Думаю, все, в чем вас обвиняют – неправда.

– Почему вы так в этом уверены? – усмехнулся Артур. – Разве все преступники, попадающие в Доргейм – пушистые котята?

– Не преступники, а дети. Детей можно перевоспитать, – строго заметил господин Мильхольд. – Славный Уилли говорил, что у вас смелая и упрямая натура. Он также заметил, что вы хорошо проявили себя в первые дни и надеется, что в дальнейшем вы будете послушны и не доставите проблем.

– Уилли? – с непониманием переспросил Артур.

– Да-да, армутского типа малый, внешне похожий на вас, кстати.

Значит, речь идет о Джехаре. Что ж, директор, судя по всему, предпочитает обычные имена, что уже неплохо.

– Раз вы так хорошо начали, сможете сами выбрать деятельность по своему усмотрению. Кулинар, садовод, каменщик, дровосек, охотник – в нашем бедном крае имеется нужда во всяких профессиях.

– Садовод, – выбрал Артур самое любимое свое занятие. Впрочем, строптивый клипсянин вовсе не хотел долго ему предаваться, ибо в ближайшее время планировал убежать.

– Отлично. Я всегда говорю: не будь праздным, ибо праздный не будет ни есть хлеб, ни носить одежды трудящегося. В Доргейме все просто: сперва вы учитесь разным наукам, которые помогут вам в жизни, затем трудитесь, что, несомненно, также полезно для души и тела. Мне не нравится, когда нас называют трудовой колонией. Скорее, школа, учебное заведение, где каждый получает возможность обрести себя. Перемещаться по территории можете свободно, но прошу вас великодушно не сходить с мостов. Вокруг болота, что, как понимаете, небезопасно для жизни. Пять часов в день отводится на учебу, три – на работу, остальным временем можете располагать по своему усмотрению. В одиннадцать часов вечера – общий отбой. Находиться в камерах нужно лишь ночью. У нас прижилась следующая система: ребята сами устанавливают дисциплину и следят за ней по своему разумению. Так что все санкции и наказания за плохую успеваемость и неадекватность ждите от вашего прямого руководителя, то есть, как я понимаю, от славного Уилли. Если же ваши отношения с коллективом будут складываться плохо, то мы отправим вас к господину Тукаю, который, несомненно, достаточно компетентен для того, чтобы направить заблудившуюся овцу по верной дороге.

– Школьный психолог? – не смог сдержать иронии в голосе Артур. Господин Мильхольд с нарочитым удивлением вскинул брови, а на губах его появилась какая-то злодейская усмешка.

– Вы ведь не отрицаете, что это очень нужное и достойное ремесло? – взгляд серых глаз с ожесточением впился Артуру в лицо, и тот почувствовал, что его словно облили ледяной водой из ведра. Директор создавал впечатление приятного и вместе с тем весьма неприятного собеседника. Юноша покорно опустил голову и проговорил очень тихо:

– Нет, не отрицаю.

Артур сказал вовсе не то, что думал. Обычно он предпочитал говорить напрямую, не боясь последствий, но теперь ему не пристало выказывать характер, ведь на кону стоял его побег и спасение. Этот вынужденный разговор, безусловно, задевал самолюбие гордого юноши, но он уже прекрасно научился контролировать себя. Между тем господин Мильхольд, казалось, и сам был недурным психологом, ибо тут же догадался о неискренности новичка.

– Если вы попытаетесь убежать, то умрете, – холодным голосом пообещал мужчина и в подтверждение своих слов с хрустом надломил зубами крупный каштан, как бы показывая юноше, какая незавидная участь его постигнет, вздумай тот ослушаться.

– Что вы, я и не думал о побеге, – сухо ответил Артур.

– Вы лжете! – вдруг воскликнул директор так громко, что юноша в страхе отступил подальше от камина.

Господин Мильхольд закашлялся и повторил совершенно спокойным тоном:

– Вы лжете. Хотя я, в свою очередь, предельно откровенен с вами. Попытайтесь понять, я не запрещаю вам никаких действий; если хотите, можете даже попытаться улизнуть из Доргейма. Но есть большая вероятность, что вы погибнете в болотах. Отсюда нельзя выбраться по суше, мы на своеобразном острове, окруженном со всех сторон водой. Лодка вам не поможет, только единорог, но откуда в этом гиблом крае будет единорог? Если все же допустить, что вы вдруг сбежали и при этом не погибли, то вас безжалостно убьет в Полидексе первый же карательный отряд. Вы знаете, что в Полидексе очень много тюрем? И не все из них находятся в местах столь труднодоступных, как Доргейм. Поэтому иногда случается, что преступники сбегают. А беруанцы, как вы понимаете, вовсе не желают, чтобы недовольные изгнанники

бесконтрольно перемещались по Королевству. Вдруг кто из них захочет вернуться в столицу и отомстить? Чтобы не допустить подобной возможности, в Полидексе создаются различные карательные отряды. Это поистине суровые люди – охотники и воины, которые не подумают, что перед ними находится столь юное и симпатичное лицо; также им наплевать на возраст. Сбежавший преступник удваивает свою вину или даже, если хотите, утраивает. Поэтому вам следует смириться с тем, что отныне Доргейм – ваш дом, каким бы унылым, мрачным и подозрительным он ни казался. Можете идти. Возьмите только в прихожей суму со свитками, расписанием и прочими необходимыми вещами.

Артур секунду продолжил стоять, с удивлением таращась на директора. Почему-то он не ожидал, что тот оборвет свою речь на полуслове. Исходя из рассказа Азора, господин Мильхольд должен был начать расписывать преимущества учебы в Доргейме, а также и то, что у вчерашних узников однажды появится возможность восстановить справедливость и низвергнуть своих судей в Беру. Но директор не сказал ничего лишнего. Лишь предупредил о том, что отсюда не сбежать.

Как бы то ни было, Артур был совершенно убежден, что никакие предупреждения не заставят его свернуть с выбранного им пути. Если человек однажды с полной серьезностью и ответственностью поставит перед собой какую-либо задачу и всеми силами постарается ее осуществить, то он непременно это сделает и добьется желаемого, несмотря на трудности и препятствия, каковые возникают всякий раз, когда требуется преодоление себя. Чувствуя в груди необъяснимое разочарование от разговора с господином Мильхольдом, юноша схватил суму и вышел на улицу. Даже здесь отвратительно пахло пережаренными каштанами.

Азор, как и обещал, стоял поблизости, весь промокнув под непрекращающимся дождем. Его красивое, чуть вытянутое лицо замерло в ожидании, когда он вопросительно посмотрел на Артура.

– Ну так что, Бунтарь, как тебе старик?

Юноша с безразличием пожал плечами. Распространяться на эту тему не хотелось, тем более что пока он не мог сделать каких-то определенных выводов.

Азор насмешливо усмехнулся.

– Я гляжу, наш храбрец передумал бежать, да? Как Уткен?

Артур молчал. Разговор с директором погрузил его в какое-то особое мрачное расположение духа, хоть тот вроде почти не кричал на него и разговаривал даже вполне учтиво и вежливо.

– Пойдем на занятия, – наконец уставшим голосом предложил Артур. Брюнет с готовностью кивнул.

– Но даже не надейся, что мы окажемся в теплом помещении, где можно основательно просохнуть, – предупредил он.

Артур ни на что и не надеялся, но когда они, вымокшие насквозь и окончательно продрогшие, пришли наконец туда, где проводились так называемые занятия, то помимо воли ощутил в сердце глухую досаду.

Школьный класс выглядел обычной лесной поляной, покрытой низкорослыми кустиками черники и брусники. Дождь, к несчастью не обладавший избирательностью, поливал все, что попадалось ему под руку, а эта открытая местность страдала от его водных нападков более всего. В центре поляны, которая при подобных атаках непогоды напоминала скорее лужу или болото, сидела группа несчастных, напоминающих своим жалким видом мокрых соек. Все с необычайным трепетом внимали низкорослому мужчине, который для солидности взобрался на полусгнивший пенек, поросший белыми поганками.

– Сегодня практическое занятие, поэтому на открытом воздухе, – шепнул Артуру Азор.
– Так что не унывай, братишка.

Вдвоем они приблизились к остальным ученикам и расположились рядом с ними прямо на мокрой земле. Неподалеку по-армутски восседал Джахар; его смелое и решительное лицо было напряжено, ноздри трепетали, губы сжаты; создавалось впечатление, что юноша серьезно обдумывает какую-то сложную мысль. По правую руку от него сжался в страхе Жаба, который, казалось, находился в подобном состоянии постоянно и независимо от того, существуют ли причины для боязни или нет. К своему удивлению, Артур обнаружил среди учеников Оделян; промокшая до нитки, она сидела чуть в стороне, на небольшом пригорке. Место было выбрано ею наверняка неспроста. Подобное расположение зрительно возвышало ее над остальными. Клипсянин, насмешливо глянул на нее, ибо ужасно не любил, когда одни люди ставили себя выше других, да еще и столь демонстративно.

Урок уже давно начался, но к новичкам не имелось никаких претензий. Все знали, что они задержатся у директора. Артур не без интереса взглянул на учителя. Это был невысокий, полный человек, с тремя подбородками и весьма жирной шеей, напоминавшей свиной окорок. Да и сам он, признаться, чем-то походил на хорошо откормленного поросенка. Глаза у него были маленькие, юркие, руки большие и громоздкие, кожа на лице лоснилась и была так натянута на череп, что, казалось, соверши мужчина какое неловкое движение, она лопнет, а из ранки польется сочный жир, как при жарке барашка. Его звали красиво, на иноземный манер – господин Шандонэ, и это был тот печальный случай, когда имя совсем не подходило человеку. Артур принялся прилежно слушать учителя, но ему было так мучительно холодно, что он едва мог усидеть спокойно, не двигаясь.

Впрочем, все ребята жались друг к другу, надеясь получить хоть немного тепла, но безуспешно. Спустя несколько минут клипсянина заинтересовало одно небезынтересное наблюдение: чем более абсурдными казались заявления учителя, тем более внимательно и даже преданно его слушали ученики, хотя по логике вещей все должно было происходить с точностью наоборот. В Троссард-Холле подобного преподавателя бы уже давно закидали сушеными корочками. О чем же господин Шандонэ повествовал с таким увлечением?

– Главная цель сего учебного заведения – сделать из вас сильных людей. Ваши судьи (иначе говоря, те, кто безжалостно отправил вас в Доргейм без должных на то оснований) предпочли объявить вас изгоями и преступниками. Они убедили каждого в том, что он действительно виноват. Но я положительно вам заявляю, что это не так. Человек сам по себе является мерилom всех нравственных истин, иначе говоря, он сам определяет, что есть хорошо, а что плохо. И если вы не видите ничего дурного в своих поступках, то значит, в них действительно нет ничего дурного. Я же собираюсь приоткрыть перед вами завесу правды и сделать по-настоящему сильными. Теперь вы не станете более оглядываться на своих угнетателей, а, напротив, займете их место. Выучившись в школе должным образом, вы вернетесь туда, откуда вас так безжалостно изгнали, и вновь утвердитесь в своих правах! Кровью угнетателей вы залете ветви дерева, и все золотые короны Пандектана будут украшать ваши благородные головы! Война и непрекращающаяся борьба есть смысл нашего существования, и тот, кто утверждает, будто война является злом – лжец и лицемер! Поверьте, он и сам не прочь победить, но ввиду собственной слабости и трусости ему остается лишь прибегнуть ко лжи и объявить войну чем-то мерзким, чтобы смутить человека сильного и убрать его со своего пути. Но мы не верим лицемерам. Мы – сами творцы истины и всех добродетелей. Я говорю, что война – это прекрасно, ибо она показывает истинную натуру человека. Все живое существует только благодаря воле к доминированию и власти. Только одни для достижения своих целей используют честные и благородные методы, а другие прибегают к беспросветной лжи. Сегодня у вас будет практическое занятие. Вы будете в парах оттачивать силовые навыки. Имейте в виду, с вами в тандеме может оказаться друг; пусть сей факт нисколько вас не смущает, ибо по-настоящему сильные люди не испытывают никакой жалости по отношению к другим. Деритесь, как ондатры, кусайтесь, как куницы, используйте нечестные приемы – разрешено решительно все!

Лишь одна деталь должна находиться под вашим контролем – не доводите дело до убийства. Сильный человек не лишен порой и благородства; он умеет миловать! А теперь, прошу, разбейтесь на пары. У нас трое новичков, кто хочет попытать счастья с ними?

При этих словах господина Шандонэ все неприлично уставились на Артура, Жабу и Двойку (третьего товарища по несчастью, с которым Артур имел удовольствие познакомиться еще в Бери). К слову сказать, никто не торопился брать себе в пару новичков. Во-первых, никто о них ничего не знал. Ребята попросту трусили, испугавшись, что новенький может оказаться сильнее их самих.

Прочитав на лицах студентов единогласную нерешимость, господин учитель поднял свою полную руку, и с далекого расстояния казалось, будто он потрясает в воздухе отбивной.

– Что ж. За неимением четко оформленного и ясно выраженного волеизъявления, Восьмерка будет драться с Четверкой, а Двойка с Десяткой!

Артур с внутренним беспокойством следил за тем, как ребята распределяются по лужайке и встают друг напротив друга в боевые позиции. Он совершенно не имел желания драться с кем бы то ни было, тем более после всей той ахиней, что выдал прославленный учитель. Джахар, впрочем, бросил в его сторону взволнованный и вместе с тем строгий взгляд, который явно побуждал к подчинению. Жаба, неловко переминаясь с ноги на ногу, встал напротив Артура. Он казался жалким в своей мокрой одежде, с обвисшими паклями волос, со стекающей по лбу влагой, испуганный и сморщенный, как застарелая бородавка, весь дрожащий от неприкрытого ужаса. В физическом плане он серьезно уступал своему противнику, что не могло не страшить его до дрожи в коленках. Действительно, Артуру хватило бы нескольких, а то и одного удара, чтобы повергнуть беднягу наземь. Клипсянин, нахмурившись, наблюдал за остальными. Новоиспеченные борцы с таким ожесточением смотрели друг на друга, словно и впрямь готовы были пойти на самое страшное – убийство. Борьба, как средство самообороны, сама по себе не несет какой-то неправильной или безнравственной идеи. Однако драка, приправленная теми философскими рассуждениями, которые им только что выдал учитель, представлялась весьма сомнительным времяпрепровождением.

– По моему сигналу – начинайте! Победители освобождаются на сегодня от работ! – провозгласил учитель и почти сразу же звучно хлопнул в ладоши, да так, что все его подбородки дружно затряслись, морально поддерживая своего обладателя. Началась беспорядочная возня в грязи, сопровождаемая плеском, боевыми выкриками, стонами и барабанной дробью дождя. Джахар в два счета расправился со своим соперником, Спайк верещал и кричал, как злобная собачонка, Азор дрался так же, как и вел себя в жизни – неторопливо, нехотя, с ленцой, грациозно и в целом незлобно. Чанг же, казалось, просто беспорядочно махал перед собой кулаками, не имея четких представлений об искусстве ведения боя. Да и вообще, за отсутствием правил, бой походил на какую-то бессмысленную потасовку, что, впрочем, по всей видимости ужасно нравилось преподавателю, лицо которого раскраснелось от удовольствия.

– Смысл сегодняшнего занятия не в том, чтобы освоить какие-то техники, – продолжал с важностью провозглашать он. – А в том, чтобы выявить среди вас по-настоящему сильных людей, способных бороться и созидать новое!

Жаба с самым затравленным видом глядел на своего соперника. От его бывшего норова не осталось и следа; с приездом в Доргейм он превратился в совершенно другого человека.

– Т-ты сильнее, – прошептал он, слегка заикаясь. – Я готов немедленно сдаться, прошу, только не бей меня.

– Я и не собирался, – успокоил его Артур. – Но давай хотя бы сделаем вид, что деремся.

И они дружно принялись имитировать драку – надо сказать, весьма вялую и унылую. Но если им и удалось обмануть преподавателя, то была тут одна пара глаз, куда более пронзительных и всеведущих. Оделян не дралась с остальными, но в упор смотрела на Артура и

Жабу. Выражение ее лица было столь язвительным, что у клипсянина сразу закралась мысль о том, что девушка легко догадалась об их маленьком обмане.

Как бы то ни было, им все же удалось на какое-то время избежать навязчивых реплик господина Шандонэ, наблюдавшего в основном за теми, кто дрался совсем уж плохо. Если более слабый проигрывал или уступал по силе сопернику, учитель принимался всячески его унижать, понуждая того бороться. В какой-то момент ему пришла в голову еще одна «замечательная» идея: совершить ротацию и заменить участников. Он с гордым выражением лица вывел в центр поляны какого-то здоровенного парня.

– Это Единица! – вскричал господин Шанданэ в полном восторге. – Посмотрите на его мускулы, фигуру – какие зачатки сильного человека, победителя! Он уже дважды уложил на лопатки Двадцатку и чуть не сломал ему руку. Кто захочет проявить смелость и победить этого молодца? Джехар, ты ведь у нас самый смелый?

Удивительным был тот факт, что учитель обращался к главному по его кличке. Только у жоака и Оделян существовала подобная prerogativa. Остальные являлись ничего не значащими цифрами.

Джехар с невозмутимым видом вышел вперед, однако Единица отчего-то смутился и даже чуть побледнел. Было видно, что ему отчаянно не хочется драться с жоаком, хоть он и был его крупнее раза в два и наверняка превосходил по физической силе.

– Пусть дерется с Восьмеркой, ведь Джех уже не раз побеждал его, – ехидным голосом предложила Оделян, бросив в сторону Артура насмешливый взгляд. Господин Шандонэ с большим сомнением покосился на клипсянина, угрюмо топтавшегося на месте.

– Что ж. Попробуем. Восьмерка и Единица будут драться в паре, все остальные тоже должны поменяться. Мы надеемся получить победителей.

Жаба с отчаянной тоской смотрел на то, как Артур медленно встает в боевую позицию напротив Единицы. Теперь ему все-таки придется драться с кем-нибудь, и, как следствие, быть избитым. Впрочем, ему в пару достался Азор, отчего новичок немного приободрился.

Единица был большим и квадратным по форме, так что его в принципе при желании можно было бы без проблем упаковать в квадратный саквояж, гигантский по своим размерам. Он носил кличку – Питбуль, и вполне оправдывал ее, ибо дрался чаще всего безжалостно и агрессивно. У него была внушительная шея, очень толстая и широкая, развитая мускулатура и крепкое телосложение. Худощавый и стройный Артур смотрелся на его фоне слишком хрупким.

Клипсянин исподлобья покосился на соперника; драться ему совершенно не хотелось, тем более что он не видел решительно никакого смысла в этом упражнении.

– Я не хочу драться с тобой, – отчетливо сказал он Единице. – Но мы можем создать видимость драки. – Юноша надеялся, что тот окажется таким же сговорчивым, как Жаба, и тоже в целом не желает понапрасну расходовать свои силы, однако Питбуль ощерился в злобной ухмылке, что еще больше сделало его похожим на бойцового пса.

– Я не захотел драться с Джехом, из чего ты сделал вывод, что я в принципе не люблю потасовки? Но одно дело извальять в грязи своего главного, а совсем другое – его смазливую принцессу.

Артур вздрогнул, ибо сразу узнал, кому принадлежал тот мерзкий голос в столовой. Послышались хлопки, оповестившие о начале боя, и ребята вновь с ожесточением кинулись друг на друга. Мокрые, потрепанные, с красными лицами и налипшей грязью, они напоминали злобных драных гиен. Едва раздалась команда, как Питбуль устремился в сторону Артура с такой угрюмой решимостью, словно намеревался в два счета раздавить своей тушей противника. Клипсянин же ловко увернулся. Сразу вспомнились приемы, которые он применял, когда в своем родном городе отбивался от шайки Гэта. Еще несколько подобных движений, и Питбуль, массивный и неуклюжий, поскользнулся на глине, растянувшись у ног своего соперника.

Артур вскинул голову и вызывающе посмотрел вокруг: Оделян, равно как и учитель, с нескрываемым любопытством таращилась в его сторону.

– Гм, неплохо для новичка, – пробормотал господин Шандонэ себе под нос. – Я бы сказал, превосходно! Какой изящный стиль ведения боя! Как чисто все проделано!

– Чепуха! – заявила Оделян с заметным раздражением. – Я сама буду драться с ним.

Учитель просиял от удовольствия, а ребята, измученные борьбой, остановились и теперь растерянно переглядывались между собой. На их лицах было написано недоумение, из чего можно было сделать вывод, что сама Оделян нечасто участвует в подобных боях.

– Восьмерка дерется с Оделян! – воскликнул господин Шандонэ и даже захлопал в ладоши, словно его самого чрезвычайно забавляла вся происходящая ситуация. Артур угрюмо покосился на свою будущую соперницу.

– Я не дерусь с девчонками, – пробормотал он сквозь зубы.

– Что-что? – переспросил учитель и даже сложил свои толстые пальцы колечком возле уха, имитируя слуховую трубу.

– Я сказал, что не дерусь с девчонками! – с нескрываемым раздражением повторил Артур уже непосредственно для Оделян. Девушка выглядела чрезвычайно уязвленной подобной фразой. Ее красивое лицо чуть покраснело и нахмурилось; создавалось впечатление, что это лишнее напоминание о принадлежности к противоположному полу невероятно смущает и даже раздражает ее. Секундное промедление, и она быстрее вихря накинута на обидчика. Преподаватель даже не успел подать сигнал о начале боя, но в целом это было неважно, ибо правил не существовало и в помине. Юноша действительно не думал поднимать руку на Оделян; ему ведь как-то удалось избежать драки с Жабой и Единицей, однако к своему огромному удивлению уже через мгновение он обнаружил себя лежащим на грязной траве с ушибленным коленом и заломленными за спиной руками. Оделян грубо схватила его за волосы и пригнулась к самому уху, напоминая своим хищным видом дикую кошку.

– Я тоже не дерусь с девчонками, – процедила она сквозь зубы, – но ради тебя решила сделать исключение!

С этими словами она макнула проигравшего лицом в грязь, а затем еще и еще раз, а потом добавила со злодейской ухмылкой на устах:

– Теперь на практических занятиях я всегда буду драться с тобой, новичок. Думаю, в этом случае ты отучишься хитрить.

Затем она грациозно поднялась на ноги и с триумфальным видом обвела глазами притихших ребят. Джебхар, побледневший, стоял чуть в стороне.

– Поздравляю, Одди, вы как всегда великолепны, – с чувством похвалил девушку учитель и с легким презрением покосился на лежавшего в грязи Артура. Новичок, несомненно, пал в его глазах.

– Практический урок закончен. Отправляйтесь в школу и смените одежду.

Ребята уныло закивали головами и поплелись в сторону главного здания Зловещих топей. Артур с трудом поднялся на ноги; Оделян так сильно ударила его по колену каким-то жестким предметом (юноша подозревал, что это была рукоятка ножа), что он стал хромать. Грязь потоком стекала с его лица, и он с раздражением вытерся мокрым рукавом своей многострадальной рубахи. Джебхар, Жаба и все остальные стремительно покинули поляну, не оглядываясь в его сторону. Клипсянин побрел было за всеми, однако в какой-то момент почувствовал чужую руку на своем плече. Это был Азор.

– Ты как, братишка? – с неподдельным сочувствием в голосе поинтересовался он. – Вижу, что хромаешь, покажись лекарю. Хочешь, я провожу? Новички обычно частенько навешиваются к нему.

– Кажется, ты что-то говорил по поводу побега? – сказал тогда в ответ Артур, пристально глядя ему в глаза. Азор с пониманием улыбнулся.

– А вот это уже настоящий разговор, братишка. Но чтобы дело выгорело, нам нужен третий. Уговоришь Четверку – считай, что дело в кармане.

Глава 3. Человек подобен дуновению; дни его – как уклоняющаяся тень

Следующим уроком была минералогия. Ребятам вкратце рассказывали об основных физических свойствах минералов, например, о том, как отличить колчедан от золотой руды. Александрит, подобно живому существу, меняет цвет в зависимости от освещения, а турмалин по виду напоминает сочные арбузы, каковыми полнятся обширные плантации Полидексы. Как выяснилось, вблизи Тимпатру полно муравьиного граната, ибо именно муравьи выталкивают сей минерал на поверхность при строительстве гнезд. Гранат по форме зернистый и очень похож на одноименный плод – сочный, блестящий, бордовый по цвету. Лекцию читал тот же самый преподаватель – господин Шандонэ, но этот урок, в отличие от первого, понравился Артуру куда больше. На какое-то время его заинтересованность предметом достигла высшего предела, так что он даже забыл про ноющую боль в колене.

Они сидели в одном из закрытых помещений – огромной заросшей кочке, внутри которой вместо ковра произрастал пушистый темно-зеленый мох. Здесь было прохладно и влажно, но узникам разрешили переодеться после драки на улице в сухую теплую одежду, что те проделали с великим удовольствием. В центре зеленого зала возвышался камин, в котором весело потрескивали еловые поленья и шишки, распространяя приятный терпкий аромат смолы.

В отблесках огня загадочные минералы приобретали разные цвета и оттенки. О, как же они были прекрасны! Тусклые и блестящие, круглые и квадратные, прозрачные и затемненные, твердые и мягкие, огромные, напоминающие гигантские ракушки, и маленькие, не более грецкого ореха. Господин Шандонэ рассказывал историю камней загадочным голосом сказочника; на его голове возвышался боливар – широкополая шляпа-цилиндр, каковые уже давно вышли из моды в Беру, руки его были облачены в бархатные перчатки, тонкая борода после дождя скрутилась в маленькие аккуратные колечки, словно кто-то специально завил ее.

Отблески огня плясали на тучном лице рассказчика, показывая ребятам попеременно то мясистые полные губы, то густые черные брови, сошедшиеся на переносице, то темные глаза в обрамлении мохнатых ресниц, а в руках мужчины, как у ловкого фокусника, появлялся то один, то другой диковинный камень, которые буквально гипнотизировали притихших ребят. И если бы сторонний наблюдатель оказался в Доргейме, посреди болот, в этом сыром подземелье, где огонь в камине являлся единственным источником света, то он непременно сравнил бы увиденное здесь с дрессировкой змей, когда заклинатель играет на дудочке, а пресмыкающиеся безвольно двигаются в такт музыке.

Сначала Артур недоумевал, зачем будущим захватчикам Беру столь глубокие познания в области минералов. Разгадка явилась сама собой, когда спустя час их повели по деревянным настилам в глухую лесную чашу, словно намереваясь скормить волкам. Каторжники шли парами, ибо дорога была узка, на значительном расстоянии друг от друга. Клипсянин подозревал, что после драки бойцы сильно утомились и продрогли, так что перспектива снова выходить под открытый проливной дождь мало кому представлялась приятной. Артур не случайно оказался рядом с Жабой, ибо хотел выяснить, не передумал ли тот бежать. Четверка сперва с опаской покосился на своего соседа, а затем смирился и принялся беспечно болтать.

– Мы идем к шурфу, – проявил он удивительную осведомленность.

– Ты-то откуда знаешь? – с сомнением протянул Артур.

– Азор шепнул на ушко, – с довольной ухмылкой ответил Четверка и добавил, не без фамильярности: – Мы с ним на короткой ноге, он мой заступник. Никому не дает в обиду. Не то что твой Джахар. Вон, даже не вступился, когда эта сумасшедшая девица на тебя накину-

лась. – Здесь парень опасно понизил голос, ибо прекрасно понимал, чем грозил риск быть услышанным.

Артур передернул плечами и презрительно фыркнул:

– Я и сам могу за себя постоять.

Жаба с завистью вздохнул.

– Везет же тебе, Бунтарь, чесслово! Ты сильный, не то что я. Мне нужен защитник, иначе не выжить. Кстати, на какие тебя определили работы?

– Я буду садовником.

– Ну и ну. Тоска смертная. Жаль, что это каторга, все насильно, против воли. Меня вот уборщиком заделали – каково, а? Хотя мне директор предлагал разные занятия... Но мне бы хотелось быть старателем. Сейчас увидишь, мы как раз идем к шурфу, где добывают золото.

Артур удивленно приподнял брови.

– В этих краях есть золото?

– Говорят, да, и немало. Азор сказал, что оно нужно для того, чтобы мы могли обменять его в Полидексе и купить доспехи, оружие и прочие необходимые вещи. Добычей руды занимаются старатели. Представь, как им повезло, да?

Клипсянин с сомнением пожал плечами.

– Не такая уж это простая работа.

– Да, зато можно стырить себе чего-нибудь интересенькое. Я-то уж очень хорошо знаю, как это делается, – с важной гордостью проговорил Четверка, и его апломб был столь величественен, что у Артура на губах непроизвольно возникла улыбка. – Хочешь секрет? У тебя ведь все отобрали, когда шмонали? А у меня нет... Я умею прятать...

– И что же ты спрятал?

Жаба с интригующей улыбкой взглянул на клипсянина.

– Не твое собачье дело, приятель. Но Азор сказал, что это может нам здорово помочь в том нехитром дельце, которое мы втроем планируем. Только ничего не выйдет, я уже передумал. Слишком стремно. Не хочется мне понапрасну сгнить в болоте.

– Значит, Азору ты уже все доложил? – не без ехидства заметил Артур.

Жаба с убеждением кивнул.

– Конечно. На мой взгляд, он тут самый нормальный тип будет. От всех остальных меня воротит. Ты тоже ничего, братишка, но все же, как мне кажется, чересчур прямодушен, а в Доргейме хитрые побеждают.

Клипсянин про себя отметил, что Жаба уже перенял у Азора манеру называть всех «братишками». Артур хотел было уже сказать Жабе, что раз тот так обожает Азора, то почему бы ему не послушаться и не сбежать вместе с ним, тем более если у него имеется какая-то «вещица», способная помочь реализовать побег, однако им неожиданно помешали. Широкими мужскими шагами к ним приблизилась Оделян и, поравнявшись с Артуром, грубо толкнула его плечом, как если бы ей не хватало места на дороге для того, чтобы пройти.

– Опять вы рядом крутитесь? – язвительно фыркнула назойливая девица. – Планируете очередную хитрость, или просто влюблены друг в друга?

– Планируешь бегать за мной хвостом, или сама просто влюбилась? – на ее манер дерзко парировал Артур. Оделян сперва подумала, что ослышалась. Так давно уже она не сталкивалась с открытым сопротивлением, что позабыла, каково это – воспитывать дерзких щенков. Скулы ее побагровели, под тонкой полупрозрачной кожей судорожно задвигались сухожилия. В эту секунду она выглядела забавно, и Артур, покосившись на нее, вдруг явственно осознал, что таинственная и суровая госпожа топей младше него. Однако девушка быстро оправилась от потрясения, моргнула длинными ресницами и пробормотала себе под нос:

– Я и не таких ломала, новичок. Ты в Доргейме, привыкай. – Сказав это, она резко прошла вперед, более не задерживаясь.

– Мне кажется, или у нее не все дома? – прошептал Артур, а Четверка весело хохотнул в ответ, заряжаясь смелостью приятеля.

– Тут все, по-моему, немного из гнездивов попáдали! И, надо отметить, неудачно, – весело и также тихо сказал он. Этот легкомысленный разговор немного разбавил суровую и гнетущую атмосферу, куда они шли до того самого шурфа, о котором обмолвился Жаба.

В какой-то момент дорога привела начинающих геологов к широкой холмистой поляне. В центре располагалась ровная прямоугольная яма, уходившая вертикально под землю. Стенки шурфа были закреплены балками и настилом, по всей видимости, чтобы предотвратить осыпание, ибо почвы в данной местности были весьма рыхлыми. Черная яма напоминала зев гигантского ящера, из недр которой веяло сыростью, холодом и смертью. Юные старатели спускались по деревянной лестнице с кирками и костяными лопатами наперевес, чтобы корпеть над слоем твердых пород во мраке подземелья. По окончании работ здесь проходил объездной с ведром, куда узники должны были ссыпать добытое ими золото.

Господин Шандонэ подвел ребят к отвесному обрыву и торжественно указал перстом в темную даль шурфа.

– Мы еще ни разу не обсуждали с вами, зачем ежедневно проводим здесь свои работы... Золото является поистине уникальным металлом. Оно не ржавеет и не чернеет, легко обрабатывается, и при этом оно пластичное, стойко к истиранию и его нельзя подделать. Неспроста золотые венгерки нынче в ходу в Королевстве. Подобно льву – владыке пустынь и равнин, это желтое сокровище является царем всех металлов, и именно оно поможет Доргейму осуществить свое предназначение. Так сложилось, что наши земли, обделенные во всех прочих сферах, оказались плодородными в области золотой руды. Так что, добывая ее, вы приближаетесь к победе. На золото мы сможем приобрести необходимое оружие, продовольствие, доспехи, лучших армутских скакунов... Однако позвольте, теперь я плавно перейду к новому уроку, который мы проведем непосредственно на этой поляне!

С этими словами господин Шандонэ медленно побрел к большому дубовому сундуку, лежавшему неподалеку от зияющей дыры. Артур заинтригованно наблюдал за неторопливыми действиями учителя. Тот сперва снял шляпу и отряхнул ее от капелек дождя, после чего с видимым неудовольствием напялил на свою круглую массивную голову. Затем мужчина, побрякивая, наклонился к ларцу и приоткрыл крышку. Клипсянин ждал чего угодно – несметных сокровищ, бриллиантов, золотых самородков, но, увидев, наконец, содержимое загадочного сундука, ощутил легкое разочарование, ибо тот был доверху наполнен обычными деревянными палочками, похожими на пестики, которыми хозяйки толкут рис, длиной около десяти единосантиметров.

– Это явара, боевое оружие, которым вы уже не раз отрабатывали технику с господином Треножником, но теперь говорю вам я: каждый получит такую же в последний день вашего пребывания в Доргейме. И она будет не из дерева, о нет – из настоящего золота! Вот такой щедрый подарок готовит вам школа!

– А когда же будет последний день нашего пребывания в школе? – вдруг робко воскликнул какой-то незнакомый парень, и все как-то настороженно замерли, словно испугавшись дерзости своего товарища. На первый взгляд казалось, будто все здесь запуганы до смерти, вот только Артур пока решительно не понимал, чего конкретно боялись узники Доргейма. Неужели того самого школьного психолога? Но что именно он делал с заключенными? Какими средствами превращал бедняг в умалишенных?

Господин Шандонэ недобро взглянул на мальчишку, а затем покосился на Оделян. Артуру даже почудилось, будто девушка едва заметно кивнула головой.

– Когда вы будете готовы, господа, и освоите все необходимые науки, – ответил наконец учитель.

Вот как? Артур почему-то был уверен, что он здесь застрял на два года, если, конечно, принимать во внимание решение беруанского суда.

– Не все из вас помнят, как попали сюда и по чьей милости. Однако самим своим присутствием здесь вы доказываете, что досадили кому-то на дереве. От вас решили избавиться. У вас разные сроки отбывания наказания, однако потом каждого ждет пожизненное пребывание в Полидексе. Но Доргейм не оставит своих птенцов без присмотра. Мы покинем болота лишь все вместе и только с одной целью – восстановить поруганную справедливость!

Ребята согласно закивали головами, и Артур со смутным волнением в душе подметил, что слова господина Шандонэ уже не кажутся ему такими дикими, как в начале. Может, он просто привык к манере его общения, а может... Ах нет, нет, о втором не хотелось даже думать.

– Покажите мне, шалопаи, чему вас научил тренер. Не забывайте, что во время боя должна применяться техника коротких выпадов, постоянно меняйте свое месторасположение, удары наносите по разным частям тела противника. Правильный хват – залог успеха. Основу оружия следует зажать в руке, края остаются снаружи. Совмещайте ударную технику рук и ног. Новичкам придется учиться на лету, явара не такое уж опасное оружие, но в умелых руках оно может стать даже смертельным...

Юным бойцам не нужно было повторять дважды – выверенными солдатскими шагами они приближались к сундуку по очереди и брали в руки неприглядные на вид деревянные пестики. Артур пока слабо понимал, как обращаться с яварой, однако он догадывался, что это оружие позволяло наносить точечные удары по болезненным местам. Когда подошла его очередь, он достал из сундука загадочную палочку – она плотно прилегалась к руке, выглядела прочной и чуть выступала за ладонь с обеих сторон. Неожиданно юноше пришло в голову, что Одди использовала именно явару, когда дралась с ним в первый раз.

– Встаньте друг напротив друга! – приказал толстяк, и ученики быстро разошлись по поляне. Никому не приходило в голову медлить, либо же изъявлять недовольство, хоть опять стал накрапывать дождь, а со стороны болот потянуло пронизывающим до костей холодным ветром.

– Будете начинать по очереди, чтобы я смог оценить подготовку каждого из вас. По часовой стрелке! Новичкам сегодня простительно все, но в следующий раз, надеюсь, среди вас уже не будет плохих бойцов.

Внимательно наблюдая за дерущимися, Артур отметил про себя невероятное, удивительное мастерство подопечных Доргейма. И если первая драка без правил напоминала скорее дешевый балаган, то эта была сродни возвышенному искусству. Они не дрались, а танцевали, жили в каждом движении, завораживали, потрясали воображение. Мутная пелена дождя, словно занавес, то полностью скрывала, то чуть приоткрывала великолепных бойцов – сильных и ловких, подобно степным волкам.

Оделян, как и следовало предполагать, бесшумно приблизилась к Артуру. Казалось, и она воплощала в себе грациозного хищника, только вот какого?

– Соскучилась? – тут же съязвил клипсянин, впрочем, пряча за подчеркнутой иронией жгучую досаду. Он искренне не желал драться с ней, однако теперь осознал, что если раз и навсегда не пресечет дальнейшие попытки Одди досадить ему, то надменная девица превратит его жизнь в Доргейме в сущий кошмар. По крайней мере, ему следовало хотя бы защитить себя; он вовсе не был слабее своей таинственной соперницы, но с техникой у него дела обстояли гораздо хуже. По правде говоря, клипсянин никогда и не умел драться по-настоящему; уличные потасовки в его родном городе развили в нем ловкость и выносливость, но отнюдь не мастерство, а уроки доброго господина Смела лишь приоткрыли завесу правильного ведения боя.

Впрочем, когда очередь дошла, наконец, до них, клипсянин принялся довольно ловко уворачиваться от выпадов Оделян, что невероятно раздражило последнюю. Так как на драку

отводили ограниченное количество минут, Артур мог бы в подобном духе дотянуть даже до конца боя, не пострадав при этом сам и не покалечив свою яростную противницу. Однако где-то в середине действия он немного расслабился, что было вызвано, вероятно, несколькими причинами, среди которых присутствовало обычное мужское самолюбие и некоторая переоценка своих возможностей.

«Неужто я не справлюсь с какой-то дрянной девчонкой? Она же по определению слабее меня», – мелькнуло у него в мыслях, но, увы, как это всегда бывает, не стоило бы слишком переоценивать себя. Излишняя самоуверенность является одной из причин, препятствующих человеку развиваться. Образно ее можно сравнить с могучим колоссом на глиняных ногах; мудрый боец, пусть даже в тысячу раз слабее, одним движением меча может перерубить ему ноги и опрокинуть соперника наземь. И Артур, подобно тому самому невезучему гиганту, не смог устоять на своих ногах. Оделян, быстро перемещаясь вокруг него, вдруг ловко наклонилась вниз и с невероятной силой ударила противника оружием по больному колену, да так, что бедный юноша, не сдержав протяжного стога, тяжело рухнул на землю. Конечно, явару с натяжкой можно отнести к смертельным видам оружия, однако, как справедливо отметил господин Шандонэ, в умелых руках она становилась поистине изощренным орудием пытки.

Первые секунды Артур слабо осознавал происходящее; ему даже почудилось, будто из глаз у него посыпались искры от резкой сильной боли. Сразу же появился отек, а ногу невозможно было согнуть – значит, вывих. Оделян растерянно смотрела на корчившегося в ее ногах новичка; в ее насмешливых карих глазах, поначалу светившихся ликованием от безоговорочной победы, вдруг промелькнуло искреннее сострадание.

– Я не специально, – как-то по-детски прошептала она, обращаясь к Артуру. – Восьмерка на сегодня избавлен от работ! – уже совсем другим, властным голосом произнесла девушка, обведя глазами остальных. Создавалось впечатление, будто учитель, почтительно стоявший за ее спиной, в отличие от юной госпожи, не обладал совершенно никаким правом голоса и властью над своими подопечными.

– Джахар, проводи беднягу к врачу, – с тихим раскаянием добавила Одди, еще раз бросив взгляд, полный сострадания, на лежавшего в грязи юношу. Какой бы суровой, дикой и властной не казалась на первый взгляд хозяйка топей, по натуре своей она вовсе не была жестокой. Ей лишь хотелось немного проучить новичка и склонить к послушанию, но она вовсе не планировала заходить слишком далеко.

Вожак согласно кивнул головой, но как бы с некоторым промедлением, словно не желая тотчас же исполнять приказание владычицы Доргейма. Потом он подошел и рывком поднял Артура на ноги, вызвав у того на лице очередную болезненную гримасу.

– Давай, держись за меня одной рукой, – грубовато произнес главарь, и они в обнимку, под пристальные немигающие взгляды притихших бойцов, принялись медленно удаляться, оставляя ристалище за своей спиной.

Хлеставший во всю мощь дождь терзал им спины, покуда они брели по этой убогой, скудной земле – краю чахлого рацитника и чавкающей почвы. Артур полагал, что они идут к тюремному врачу, у которого он уже имел счастье наблюдаться в первые дни своего пребывания в Доргейме. Все его существо охватило какое-то непостижимое безразличие к самому себе и своей судьбе; вероятно, немалую роль в этом упадническом настроении сыграло небо – оно выглядело толстым пластом гранита, давившим на все живое своей тяжестью. Не хотелось бороться, выживать, надеяться, и даже побег стал представляться мало осуществимым предприятием.

Джахар угрюмо молчал, да и вообще всем своим видом являл к пострадавшему полное безразличие. Одди приказала ему отвести Бунтаря к врачу, главарь подчинился, как лакей на побегушках, ибо иными вариантами действия он не располагал. Если бы хозяйка топей промолчала, он, соответственно, никуда бы и не пошел без лишней на то надобности. Артур

тоже молчал – во-первых, все его силы уходили на болезненное продвижение, ну, а во-вторых, ему и правда как будто стало все равно.

Неожиданно путники вышли к озеру, над которым таинственной мутно-белой дымкой клубился туман. Почерневшая верба, скорбевшая о лучших временах, мокрый камыш, охваченный дрожью от ветра, эта податливая почва на берегу, гнусная и лицемерная, ибо стоило погрузить в нее ногу, как сапог застревал, будто творожистый грунт удерживал его насильно. А озеро было вдоль и поперек изрезано небольшими скалистыми островками, разделенными между собой узкими проливами. На сером заиндевавшем берегу одиноко лежала утлая лодочка с двумя веслами – жалкое напоминание о человеке в этом суровом и диком крае. Джахар аккуратно отстранился от Артура и, наклонившись к лодке, одним движением перевернул ее, по песку таща к воде. Наблюдая за его уверенными действиями, клипсянин вдруг ощутил, как все его безразличие растворяется в небытии, а на смену ему приходит острое беспокойство.

– Мы... Разве мы не возвращаемся в казармы? – тихо поинтересовался Артур, подивившись тому, как непривычно трусливо прозвучал его голос.

Вожак удивленно покосился на юношу.

– Тебе туда зачем?

Клипсянин пожал плечами, однако же продолжать допрос не решился. Странная робость и непостижимый ужас овладевали им.

– Садись в лодку, – голосом, не терпящим возражения, приказал Джахар.

Артур послушно кивнул, но отчего-то сделал шаг назад, а не вперед. Колено предательски заныло, и незадачливый боец закусил губу от боли.

– Послушай, я... Мне уже гораздо лучше. Думаю, нам стоит вернуться на урок. Обычный ушиб, вот и все, – с показным безразличием проговорил клипсянин, с напряжением глядя в глаза Джахару. Тот с подозрением усмехнулся.

– Как скажешь, братишка. Давай, пройдишь передо мной – если хромать не будешь, то вернемся обратно. Одди всегда склонна преувеличивать.

Артур с досадой сжал губы и, развернувшись спиной к Джахару, хотел было уйти с этого мрачного пляжа, но дотошный вожак в два счета нагнал его и развернул к себе.

– Так не пойдет, братишка. Смотри на меня.

Клипсянин смерил главного колючим взглядом и резко пошел на него, отчаянно стараясь не переносить вес тела на пострадавшую ногу. Два шага он сделал без происшествий, но на третьем сдался – побледнел и застонал сквозь зубы.

– Сжался надо мной, Джахар, – умоляюще пробормотал он, – да, мне больно наступать на ногу, но все равно это пустяки. Отведи меня лучше в нашу камеру.

Вожак встряхнул новичка за плечи.

– Да что с тобой такое? – недоуменно буркнул он, вглядываясь в искаженные черты юноши. – Выглядишь так, будто я на заклятие тебя веду! Не бойся, авось не утоплю. – С этими оптимистичными словами он все-таки усадил слабо сопротивляющегося Артура в лодку и, спустив ее на воду, плюхнулся на сидение и сам. Вожак, конечно, старательно делал вид, что не догадывается об истинных причинах загадочного поведения Артура, однако на самом деле клипсянин боялся вовсе не его, а того места, в котором они должны были вскоре оказаться.

Вооружившись веслами, как боевыми рапирами, Джахар принялся ожесточенно грести, время от времени бросая на своего соседа недоумевающие взгляды. С этими полусгнившими веслами в массивных ладонях, по уши закутанный в черную арестантскую куртку, ссутуленный, со сдвинутыми на переносице мохнатыми бровями, мрачный, окруженный со всех сторон туманом, он казался каким-то жутким проводником в мир небытия. То с левой стороны от них, то с правой периодически возникали мрачные скалистые островки, поросшие густыми папоротниками, мхом и хвощем. Воздух, казалось, звенел от напряжения, а у Артура начался озноб. Его буквально колотило, а зубы издавали барабанную дробь.

– Так холодно, что ли? – насмешливо спросил Джехар, у которого безразличие сменилось некой заинтересованностью судьбой своего чудаковатого спутника.

– Скоро мы уже будем на месте? – вместо ответа с грубой интонацией в голосе спросил Артур. Юноше отчаянно не хотелось плыть вперед, но раз уж это не зависело от его воли, он предпочел бы поскорее приплыть.

– Странный ты, Бунтарь. То деру хотел дать, то теперь «скоро ль приедем». Как будем, так и будем, вот тебе мой сказ.

Впрочем, буквально через десять минут они уже причалили у одинокого островка, каменным изваянием возвышавшегося над водной гладью озера. Обдуваемый всеми ветрами, омываемый со всех сторон шумливыми волнами, он упрямо стоял на месте, с суровой невозмутимостью выдерживая нападки со стороны непогоды, будто маленький корабль, бросавший вызов штормам.

– Главный лекарь предпочитает жизнь отшельника, – поделился с Артуром Джехар. – Любит тишину и уединение, хотя, на мой взгляд, какая тут тишина? Погода ломается, шумит.

Не без труда главный причалил к берегу, вылез сам и помог выбраться Артуру. Волны обдавали их напутственными ледяными брызгами, покуда они медленно тащились по кряжистому берегу. Клипсянин поглубже закутался в свою тюремную робу, словно одежда и впрямь могла его спасти от беды. Вся эта переправа, вроде непродолжительная по времени, была столь мучительной для него, что теперь ему хотелось лишь одного – упасть на землю и малодушно молить о пощаде. Впрочем, его возбужденное до крайности состояние было вполне объяснимо. Вяло и подавленно брел он, опираясь на плечо Джехара. Острые серые камни на их пути предупреждали об опасности. Резкие рывки ветра – отчаянно предупреждали. Унылый крик птиц и обреченное хлопанье черных крыльев твердили о том же.

Посреди острова возвышалась могучая обрывистая скала, в которой зияло отверстие – вход в пещеру. Повсюду горками были накинаны протухшие водоросли, от которых разило сырыми грибами. В горных породах изредка мелькали загадочные очертания аммонитов, несменяемых стражей этой каменной крепости. Лучшего жилища не придумать для человека, который не терпит подле себя людское общество.

– Пройдешь туда сам, скажешь, по какому вопросу. Я подожду тебя здесь, – сухо отчеканил Джехар, старательно не глядя на юношу. И куда только делось его дружелюбие, проявленное сегодня за завтраком? Артур с молчаливой мольбой покосился на главного, но шевельнувшаяся в его сердце гордость не позволила высказывать какие бы то ни было просьбы.

Медленно, опираясь руками о влажные стены, юноша в гордом одиночестве побрел в зловонные недра пещеры. По пути ему встречались восковые свечи в красивых старинных канделябрах, располагавшиеся прямо на камнях и бывшие ему друзьями и спутниками, покуда он шел на встречу с таинственным ужасом, который, впрочем, пока существовал только в его фантазии. Каждый поворот извилистой дороги приоткрывал ему в воспоминаниях события минувших дней, когда он впервые познакомился с Тенью. Странное дело, но чем более проходило времени после встречи с Сури, тем ужаснее представлялись в мозгу юноши эти мерзкие существа, лишённые оболочки. Возможно, случайность, но по мере того, как светлый образ Баклажанчика таял и постепенно исчезал из сердца юноши, оно начинало наполняться страхом к Теням. И вроде сколько раз он уже одерживал победу, даже смог оказать открытое сопротивление Сури, но увы, все оказалось напрасным – теперь он трусливо дрожал с головы до ног, как жалкий болотный камыш на ветру.

Отсутствие веры рождает страх. Второй раз, при встрече с Килем, Артур тоже испугался, но с ним были его друзья. За них он боялся больше, нежели за себя, что позволило ему сохранить некоторую даже хладнокровность и способность трезво мыслить. Но теперь он был совсем один, один, и даже Джехар отказался идти с ним! Во рту сразу стало сухо, губы словно намертво склеились друг с другом, руки заледенели. Сможет ли он еще раз выдержать общение с Тенью?

И новый поворот дороги, новые воспоминания. С чего же он решил, что главный лекарь – Тень? На то было несколько причин. Во-первых, юноша не сомневался, что человек, отправивший его в Доргейм, являлся Тенью. Невероятные события с коронером сразу же наталкивали на эту мысль. Только подобные Сури могут перевоплощаться. Но если сюда его направила Тень, стало быть, сам Доргейм тоже отнюдь не был лишен ее внимания и покровительства. Она должна находиться где-то рядом. Загадочная школа, где готовят воинов для свержения короля, это всеобщее, почти фанатичное желание разжечь войну – чем не сокровенная мечта Тени? Ведь и у Сури имелись похожие планы на Троссард-Холл. Здесь даже легче манипулировать сознанием людей, ведь каторжники и так недовольны существующей властью, а значит, их проще направить на тропу кровопролития.

Затем – таинственная история с Неприкасаемыми. Кто эти люди? Артур догадывался, что это невезучие бедняги, открыто попытавшиеся выразить сопротивление и сбежать... А Тень, в свою очередь, жестоко расправилась с ними, как когда-то с Антуаном Ричи и Корнелием Саннерсом, лишив их разума. Наконец, кто открыто взаимодействовал со всеми учениками, как не главный лекарь, школьный психолог и он же отшельник, зачем-то поселившийся на уединенном острове?

Да, сомнений быть не могло: господин Тукай являлся самым порождением зла. Возможно, Оделян все известно, и она направила Артура сюда неспроста, а чтобы проучить еще больше, показать, что в случае неповиновения ему грозит кара куда более страшная, чем обычный вывих коленного сустава.

Смертная истома охватила сердце бледного как полотно юношу, покуда он шел на встречу со своей судьбой; каждый нерв его тела трепетал, а руки немилосердно дрожали. Наконец позади остался последний поворот дороги, а за ним появилось небольшое круглое помещение, в котором, разумеется, *кто-то* был.

«Ах, в какой это момент я стал таким трусом!» – с непримиримым раздражением на самого себя подумал Артур. *Инк не боялся встретиться лицом к лицу с Тенью.... Но Инк был естествознателем, а я абсолютно беспомощен перед ее силой...*

Пройдя весь путь и испытав, наверное, все возможные стадии страдания душевного и нравственного порядка, юноша замер, беспомощно прислонившись спиной к каменной стене. Силы буквально покидали его, и, если бы не опора, он бы, наверное, свалился на пол, подкошенный одной только разбушевавшейся фантазией.

Господин Тукай стоял к нему спиной; он был высок и строен, с могучим торсом и длинной шевелюрой совершенно белых волос. Альбинос. Вооруженный стальными ножницами, он ловко кроил лосиную кожу, лежавшую на дубовом столе, и был, судя по всему, всецело поглощен своей незамысловатой работой. На нем были мокасины из того же материала, разноцветное пончо, сшитое из лоскутного одеяла, плотные толстые штаны с ворсом. На правой его руке красовался устрашающего вида браслет из акулиных зубов. Более жуткого персонажа для роли школьного психолога сложно было даже вообразить.

– Чего тебе надо? – холодным злым голосом поинтересовался негостеприимный хозяин, словно глаза его располагались не на лице, как у всех нормальных людей, а на затылке. Но никто и не считал его *нормальным* человеком. Так как Артур молчал, напрочь потерявший дар речи, мужчина раздраженно обернулся и колючим взглядом впился в посетителя.

Серые глаза. Вдумчивые. Злые. Но не желтые. Клипсянин глубоко выдохнул, чувствуя, как напряжение немного схлынуло. Впрочем, потом тут же вспомнилось, что у коронера тоже были серые глаза, в то время как он наверняка был Тенью. Может, желтизна глаз не является какой-то отличительной характеристикой существ из Желтого моря? Либо же этот очевидный факт можно как-то замаскировать... Волнение вновь вернулось.

Между тем хозяин пещеры впал в совершенное раздражение.

– Приводят тут всяких истуканов без предупреждения! Что молчишь, как каменное извятие? Зачем ты здесь?

– Я вывихнул колено. Мне сказали, вы можете помочь, – робко пролепетал Артур, отводя напряженного взгляда от серых глаз. Господин Тукай несколько смягчился. Он быстрым шагом подошел к юноше и помог ему взгромоздиться на кресло-качалку, стоявшее напротив камина. Артур принялся было поспешно подворачивать свои штаны, чтобы показать врачу больное место, но мужчина мягко отвел его руки и прикоснулся к колену. Юноша прикрыл глаза, думая, что сейчас придет боль, как всегда бывает, когда вправляют вывих. Но к своему огромному удивлению, он не почувствовал ничего неприятного, лишь легкое покалывание, как от швейной иглы.

– Я не видел тебя раньше, – задумчиво произнес мужчина. У него был приятный ровный голос. А в серых умных глазах горела неприкрытая издевка.

– Я недавно появился в Доргейме, – ответил Артур через силу. Да и к чему был весь этот спектакль, разве Тень не сама отправила его сюда?

– Почему ты так дрожишь, разве у меня холодно? – с притворным участием поинтересовался беловолосый мужчина. Артур с горечью усмехнулся. Неужели Тени мало, что он едва выносит ее присутствие, так надо еще задавать издевательские вопросы? Совершенно неожиданно мужчина взял со стола восковую свечу и, приблизив ее к лицу юноши, вдруг другой рукой схватил его за подбородок и резко поднял, вынуждая смотреть ему прямо в глаза. Это выглядело невероятной фамильярностью, и гордый дух возмущился в юноше, на время прогнав страх. Резко мотнув головой, Артур вырвался из цепкой хватки хозяина пещеры.

– Вы вылечили меня, и я, стало быть, свободен? – сухо поинтересовался он, с неприкрытым вызовом глядя на господина Тукая. Тот искренне улыбнулся, а в суровых чертах его просквозило нечто мягкое и доброжелательное.

– Как твое имя? – с любопытством спросил он.

– Бунтарь, – с насмешкой отвечал ему клипсянин. Он уже не боялся и вполне овладел собой.

– Твое настоящее имя?

Как глупо, в самом деле. Весь этот диалог. Либо Тень слишком небрежна, раз позабыла имя того, кого с такой изящной ловкостью запихнула в Доргейм, либо чрезмерно жестока и желает лишний раз поиграть с ним, зная наверняка, что он и так на поводке. Артур не терпел притворства, а от подобных игр его воротило.

– Н-настоящее имя? – пробормотал он, отчего-то начиная страшно волноваться. – Кажется, его разменяли на Восьмерку, когда я прибыл сюда.

– Не на того злишься, парень. Я не виноват в твоих злоключениях, – сухо ответил ему господин Тукай. – И я вправил тебе сустав. Разве это не заслуживает хотя бы вежливого обращения?

– Спасибо, – без малейшего признака благодарности в голосе сказал Артур и попытался встать. К его удивлению, нога действительно уже почти не болела. Оставался лишь слабый отголосок боли и еще эта непостижимая усталость.

– Если почувствуешь одиночество, приходи, потолкуем с тобой о том о сем, – с широкой улыбкой на лице вдруг выдал господин Тукай. Хорошо, что здесь было плохое освещение, и он не видел, как от жгучей неприязни перекашивается лицо юноши.

Джехар верным вассалом стоял перед входом в пещеру; казалось, он все это время не двигался с места, подобно окаменевшим аммонитам. Увидев Артура, он изобразил на своем грубоватом лице нечто наподобие дружелюбной улыбки.

– Как все прошло?

– Прекрасно, – соврал Артур. Откровенно говоря, он чувствовал себя полностью опустошенным и измотанным, но какая разница, ведь и Джехар задал вопрос лишь для виду, а

не потому, что действительно озаботился судьбой новичка. Ребята вновь сели в лодку и без лишних разговоров отправились в обратный путь. Хорошо, что Джахар не отличался болтливостью, как, впрочем, и он сам. Главарь вновь открыл рот лишь тогда, когда они вдвоем вытащили лодку на берег.

– Одди освободила тебя от работ. Так что можешь заняться своими делами. Бродить по болотам не советую, но, если хочешь, можешь начать исследовать местность. В четыре будет ужин в столовой.

– А обед? – скептически поинтересовался Артур.

– Не поверишь, Бунтарь, обед *тоже* будет в четыре, – усмехнулся Джахар, обнажив крупные белые зубы. С этими оптимистичными словами он скрылся в темном подлеске, оставив после себя лишь клочки тумана. Артур с безотчетной грустью посмотрел ему вслед. Затем он подошел к лодке, которая, перевернутая и неприкаянная, валялась на берегу, и, сев на мокрое и грязное от песка днище, устремил свой задумчивый взгляд в бескрайнюю даль. Моросящий дождь наконец закончился, но стояла такая влажность, что одежда намокала сама собой и навязчиво прилипала к телу.

Впереди открывался необычный пейзаж, даже не лишенный своеобразной прелести, но слишком уж безрадостным он представлялся человеку, надолго разлученному с дорогими сердцу людьми. У Артура было странное предчувствие, что эта разлука с его друзьями – последняя. Не от того ли, что он уже никогда больше их не увидит?

Перед глазами его возник образ Дианы – родной, прекрасный, манящий и уже ставший таким невыразимо далеким и недостижимым. Ах, зачем он наобещал ей столько всего несбыточного в Тимпатру? Стать частью его семьи... Какой семьи? Малолетнего преступника без гроша за душой? Человека, за которым вечно следуют неприятности, куда бы он ни направился? Тот, у кого имеется непостижимая способность собирать всех Теней на своем пути? А теперь Диана будет ждать его одного. Но зачем, зачем, если ему вряд ли удастся выбраться из этой передраги?

Кажется, на пути незадачливого сына естествознателя вновь стоял неумолимый враг, скрытый под чьей-то личиной, чьи коварные планы окутывали, подобно липкой паутине. Столько разных людей вокруг, хотя бы в этом Доргейме, но никому из них нет до него никакого дела, они безразличны и пусты, как мраморный сосуд без содержимого, стало быть, помощи ждать неоткуда. Один, один...

Потом перед мутным взором до смерти уставшего юноши вдруг появился живой образ Левруды; кажется, кормилица была им откровенно недовольна. Вечно оптимистичная и неунывающая, она бы осудила его теперь за столь мрачные мысли, за эту омерзительную и недостойную настоящего мужчины жалость к самому себе.

– Тоскуешь? – вдруг раздался тихий грудной голос за его спиной. Артур даже не стал оборачиваться, ибо и так знал, кто это.

– Вовсе нет, наслаждаюсь прекрасными видами, – не без издевки ответил клипсянин, но Одди совершенно не почувствовала иронии.

– Виды в Доргейме действительно прекрасные, – с внутренним оживлением согласилась она и робко присела рядом с Артуром. – Не против? – запоздало спросила она. Юноша безразлично пожал плечами.

– Меня не привлекает перспектива весь день хромать, так что я не против.

Оделян весело хохотнула.

– Откровенно говоря, я ненавижу, когда хитрят. Меня разозлил тот факт, что ты не захотел драться с Четверкой. Если мы не будем выкладываться на занятиях, то из нас ничего не получится.

«Из нас и так ничего не получится», – мрачно подумал Артур, благоразумно утаив свои скромные рассуждения.

– Почему ты не стал драться? Пожалел его?

– Да, пожалел.

– Но если сильный человек будет жалеть всех слабых, то он сам вскоре станет таковым. Разве мы сможем тогда победить беруанцев, если будем испытывать жалость на каждом шагу?

– Добрый человек должен быть милосердным, – возразил Артур. – На мой взгляд, сила проявляется не в том, чтобы поднять кулак, а в том, чтобы вовремя удержать его. И потом, Одди, я вовсе не собираюсь побеждать беруанцев. Это ваша мечта, не моя.

Девушка, сидевшая рядом с ним, вздрогнула и подняла на него свои прекрасные темные глаза.

– Как ты назвал меня?

– Разве это не твое имя?

– Щенки могут звать меня госпожа Лян, или госпожа Оделян, но никак иначе.

Артур с неприкрытым раздражением взглянул на девушку.

– Помешана на собачках? Клички всем выдумала? Только это люди, Одди, люди, не собаки, а ты вовсе не хозяйка, а обычная девчонка, которая возомнила себя царицей топей.

– Замолчи! – резко воскликнула девушка, совершенно выходя из себя. – Если в строю не будет дисциплины и порядка, то дело обречено на провал. Здесь я главная, и мой авторитет непререкаем, в противном случае Доргейм обвалится, как прогнившая ветка! А ты, если немного придержишь свою гордость и постарайся вести себя как все, однажды непременно поймешь, почему система построена таким образом, а не иначе. Я вообще-то хотела извиниться перед тобой, но ты просто самовлюбленный и самоуверенный мальчишка, который думает, что лучше всех разбирается во всем! А еще и беруанец, каких я терпеть не могу! – девушка сбилась и замолчала, грудь ее взволнованно вздымалась, ноздри трепетали, и она, несомненно, выглядела прекрасной в эту минуту, прекрасной и дикой, как гордая лесная лань. Артур с удивлением и интересом покосился на девушку, но ничего не ответил.

– Когда я в первый раз увидела тебя, то подумала, что ты испорченный, избалованный чужим вниманием столичный франт, воришка и любитель жить за счет других. Но сейчас, я наблюдала за тобой и заметила...

– Ты *наблюдала* за мной? – переспросил юноша, и голос его помимо воли выразил насмешку. Оделян же забавно покраснела и гневно толкнула его рукой в плечо.

– Я не... Это вовсе не то, что ты подумал...

Артур искренне рассмеялся, наверное, в первый раз с момента его прибытия в Доргейм.

– Обещаю, я никому не расскажу, – заговорщицки проговорил он и дурашливо подмигнул, отчего суровая хозяйка топей, не выдержав, тоже весело рассмеялась.

– Друзья? – с забавной важностью спросила вдруг Оделян и по-мужски протянула ему ладонь для рукопожатия.

Друзья – это те, кому безоговорочно доверяешь, но я не уверен, что могу доверять тебе, Одди.

– Друзья, – просто ответил Артур, пожав крепкую и шероховатую, как у мальчишки, ладонь Оделян. Девушка широко улыбнулась, и, как показалось подозрительному клипсянину, с большим облегчением.

– Тогда я расскажу тебе кое-что про Доргейм, чтобы ты понимал. На первый взгляд кажется, что я тут единственная госпожа, и все подчиняются мне напрямую. Так и есть. Если правила нарушаются, я приказываю жестоко наказать нарушителей. Но это вовсе не от того, что я излишне жестока. Просто если не накажу я, накажет *он*.

– Он?

– Да, он, Бунтарь. *Доргейм*.

Артур с удивлением посмотрел на Одди, намереваясь застать на ее лице хоть какой-то признак, указывающий на то, что она шутит. Но нет, госпожа топей была серьезна и грустна.

– Ты не шутишь? – на всякий случай уточнил он. – И если нет, то о ком конкретно, собственно, идет речь?

Оделян пожала плечами.

– Я не знаю, о ком конкретно. Представь, один из обитателей Доргейма вдруг вздумал артачиться на уроках. Он перестал делать задания, принялся грубить преподавателям, потом устроил голодную забастовку в качестве протеста. Я наказываю его максимально жестоко, чтобы у него не возникло иллюзии, что все сойдет ему с рук. В моих интересах проучить его с максимальной суровостью, потому что мне безразлична его дальнейшая судьба. Допустим, моего внушения оказывается недостаточно, и нарушитель планирует побег. Ему даже удается уйти за пределы школы... А потом он пропадает навсегда, либо возвращается, но уже в таком видоизмененном состоянии, что лучше бы ему было, поверь, послушаться меня с самого начала. Я не знаю, кто это делает. Между собой мы зовем его *Доргеймом*. Незримый дух школы, который денно и нощно следит за нами. К несчастью, он не дает второго шанса. Сначала он позволяет мне наказать отступника, а потом расправляется и сам по своему усмотрению. Правила просты: слушаться лидеров, исправно учиться, выполнять ежедневные работы и не помышлять о побеге.

– И ты... Вполне принимаешь такой порядок? Тебе кажется *это* нормальным?

Одди покачала головой и с потаенной грустью посмотрела вдаль, как несколько минут назад это делал Артур.

– Я считаю происходящее нормальным, поскольку мои и его цели совпадают.

– Может, ты просто до конца не знаешь, какая на самом деле твоя цель?

Оделян фыркнула.

– Опять забываешься, новичок. Не боишься оказаться в стане Неприкасаемых? Одна ошибка, вторая, а потом... Врач пытался их вылечить, но тоже безуспешно.

Артур вздрогнул. Джахар, кажется, говорил, что Неприкасаемые становились таковыми уже после того, как попадали к главному лекарю, а не до того.

– Одди, а вы не пытались вычислить того, кто мог совершить...

– Нет, Бунтарь. Нас устраивает распорядок. Вера в то, что это поможет нам в будущем, столь крепка, что поддерживает каждого из нас и дает силы.

– А почему ты, кстати, не любишь беруанцев?

Лицо Одди изменилось и сделалось жестким.

– Ненавижу политику Бери по избавлению от собственных жителей. Если нет места на ветках, так обеспечьте жителей альтернативой! Но король едва ли об этом задумывается. Моя собственная семья предпочла избавиться от меня. Удивлен? Да, у меня были брат и сестра, так вот этот самый милый братишка собственноручно сдал меня армутскому купцу. Не знаю, сколько он за это получил, да и не хочу знать.

– И где ты потом оказалась? – спросил Артур, испытывая невольную жалость к девушке, сидевшей рядом с ним. Оделян хмыкнула.

– В Мире чудес.

И этим все было сказано. Артур понимал Одди, как никто другой, ибо и сам прошел испытания кочевого города.

– Так что не кручинься, Бунтарь, – с горькой улыбкой произнесла девушка, и Артуру в этот момент показалось, будто она старше его лет на двадцать, хоть в действительности все было совсем не так. – Доргейм не самое плохое место на земле. И потом, мы выберемся отсюда. И восстановим справедливость. Хотела бы я посмотреть в лицо своей мерзкой семейке, когда мы будем завоевывать ветку за веткой.

Потом Оделян изящно поднялась на ноги.

– Я пойду. Ты мне не понравился в начале, но теперь мне хочется тебе доверять. Я знаю, что ты не подведешь и не наделаешь глупостей. В противном случае мне будет действительно

искренне тебя жаль. Встретимся за обедом, и, если хочешь, можешь сесть за мой стол. – Выдав данную тираду, Оделян развернулась и оставила Артура в одиночестве.

Этим же вечером, когда ребята уже утрамбовывали клопов в своей камере, Азор, проходя мимо Артура, тихонько шепнул тому на ухо, чтобы остальные не услышали:

– Завтра мы должны попытаться. Четверка не против. Что скажешь ты?

Несколько минут Артур обдумывал сказанное. А затем в тишине раздался его уверенный голос.

– Я согласен.

Глава 4. Ибо мудрость мира сего есть безумие

Следующее утро началось с нервного мандража. Всю ночь Артур не мог сомкнуть глаз: ему чудилось, почти физически, как над его головой стущаются черные тучи, несшие в себе разрушительные громы и молнии. Юноша основательно обдумывал все произошедшее с ним в исправительной колонии, с первого дня до настоящего момента. Каждая реплика обитателей школы, даже самая обыденная, казалось, несла в себе сакральное значение. Все до мельчайшей детали представлялось важным. Только вот ему пока было не под силу разгадать загадку лукавого Доргейма. Артур пытался мысленно представить лицо таинственного лекаря-отшельника; чем более он это делал, тем более сомневался в том, что господин Тукай является Тенью. Беловолосый мужчина исцелил его одним прикосновением, в то время как при вправлении вывиха наверняка должна была появиться ужасная боль. А существа из Желтого моря, насколько это вообще было известно Артуру, не умели исцелять. По крайней мере, Триумфия лечила лишь с помощью трав, и никак иначе.

Способность помочь другому человеку относилась к высокому искусству, которое единогожды передал человеку. Значило ли это, что господин Тукай был естествознателем? Значило ли это вообще хоть что-нибудь разумное? Но ведь из живых естествознателей остались лишь Ирионус, Нороган и Индолас; правомочно ли будет наречь господина Тукая Нороганом? В какой-то момент подозрительный лекарь принялся разглядывать его лицо, словно желая узнать в нем кого-то... Впрочем, может и не стоило искать в болоте второго дна, и местный таиб – это все-таки Тень? Артур догадывался о неспособности обитателей Желтого моря стать естествознателями, однако нельзя было исключать другой вариант – естествознатель мог стать Тенью. Ведь Дантрос же как-то подпал под влияние Сури, хоть и являлся с самого начала ревностным последователем Вингардио. Это был первый момент, над которым следовало обстоятельно поразмыслить.

Второе важное дело, страшно беспокоившее Артура, было связано с побегом. Правда состояла в том, что юноша совершенно не продумал осуществление этого рискованного и отнюдь не легкого предприятия. Вместо этого он всецело доверился Азору, как опытному человеку, который уже давно находился в Доргейме и прекрасно понимал, в каком направлении стоило действовать. Не опрометчиво ли это? Не слишком ли легкомысленно? Являлся ли Азор ему другом, или врагом? Но юноша отчаянно мечтал сбежать, а мысль о длительной разлуке со своими дорогими друзьями представлялась ему столь мучительной, что малейшее промедление становилось для него изощренной пыткой.

Второй причиной (и, пожалуй, основной) толкавшей его на немедленное осуществление своего плана, было то, что клипсянин всем сердцем боялся Тени. Хотя вернее будет сказать, он ужасался скорее последствий встречи с ней. Он страшился, что коварная Тень сможет завладеть его существом, полностью подавить волю и сопротивление, что он станет подобием послушного Дантроса, жалкой собакой на коротком поводке. Наконец, Артур боялся, что Тень навсегда изменит его сущность, и он перестанет быть самим собой. Этот безотчетный страх был такой невиданной силы, что гнал юношу прочь из Доргейма, без рассуждения.

Все утро клипсянин провел в том же скверном состоянии: вихрь в душе и безмятежное лицо. Да, внешне он старался выглядеть совершенно беспристрастным, и никто, решительно никто не догадывался, сколько беспокойных мыслей за секунду пронеслось у него в голове.

На завтрак им давали копченых змей. Повариха аккуратно складывала пресмыкающихся в спираль, чтобы они помещались на подносах. С рябой коричневой кожей, шершавые, с цельной, неповрежденной головой, они выглядели почти живыми, и казалось, что при малейшем неверном движении мерзкие пресмыкающиеся очнутся и поползут прочь с подноса. Тугую кожу надо было надрезать кончиком ножа, непременно так, чтобы сок брызгал во все сто-

роны. Это выглядело отвратительно и совсем неаппетитно, но жители Доргейма не роптали. Очевидно, они уже не в первый раз получали на завтрак подобные деликатесы.

Артур предпочел пренебречь предложением Оделян и сел за столик со своими сокамерниками. Жаба был непривычно бледен; любой знаток людских душ сразу бы распознал нечеловеческий страх, появившийся в сердце пугливого юноши. Было ли это связано с побегом, Артур не имел ни малейшего понятия. Оделян какое-то время пристально наблюдала за их столиком, а затем вдруг подошла к поварихе и шепнула той что-то на ухо. Полная женщина согласно кивнула, и уже через секунду на столе камеры номер шесть возвышалась тарелка с необычайным для местных краев деликатесом – горячей индейкой, запеченной в яблоках. Произошедшее показалось удивительным не только Артуру: остальные ребята с откровенной завистью косились на счастливиц, при этом отчаянно давясь копчеными змеями.

– Я что, сплю и вижу сны? – весело и немного удивленно проговорил Азор, обращаясь к своим товарищам по камере. – Что это Одди так расщедрилась сегодня?

– Это из-за новичка! – со злобной завистью проговорил беловолосый Спайки, тем не менее не отказавшись запихнуть изрядную порцию индейки за веснушчатые щеки.

– Кого конкретно? У нас три новобранца, и двое из них сидят за нашим столиком, – шуточно подначил приятеля Азор, хоть всем было отчетливо понятно, какой именно новичок заинтересовал Оделян.

Спайки хмуро сплюнул на пол.

– Нашего голубоглазенького. Сначала она лупила его на чем свет стоит, а теперь откармливает!

– Хватит! – грозно рыкнул Джахар. Своим устрашающим видом вожак напоминал сейчас льва саванны.

– Ты чего, Джах? – тихо засмеялся Азор. – Ревнуешь?

– Не хочу обсуждать всякие глупости, – отрезал Джахар, так и не прикоснувшись к угощению.

Начало сегодняшнего дня мало отличалось от предыдущего, за исключением того, что узников с самого раннего утра так измотали на тренировках, что они едва шевелились. Господин Треножник оказался сущим зверем в человеческом обличье; он заставлял приседать, отжиматься, подтягиваться, бегать, перепрыгивая через бревна, ползать на животах по грязи, подолгу стоять на одной ноге, драться. Все вышеуказанные мероприятия циклично повторялись, впрочем, в разной последовательности, чтобы, как выразился блистательный тренер, «ни у кого не возникло желания поковыряться в носу». С чего именно он взял, что учеников должно одолевать сие желание – загадка, но факт остается фактом, и в конце концов ребята так измотались, что ни о чем постороннем уже и не помышляли. Артур с некоторой досадой отметил про себя, что физически он слабее остальных. Даже неповоротливый Жаба на удивление неплохо справлялся с нагрузкой. Это казалось поразительным, особенно при его грузной комплекции. К завершению всех многочисленных упражнений клипсянин ощутил себя настолько вымотанным физически и морально, что просто не представлял, как он будет еще работать, не говоря уже о злосчастном побеге. Впрочем, их подстрекатель помалкивал, а Артур не пытался выяснить деталей. День шел своим чередом, а после дневного обеда-ужина Азор наконец подошел к измучившемуся от беспокойства юноше.

– Пойдем, братишка, настало время батрачить. Я покажу, что к чему, – миролюбиво заявил он, сопроводив свои слова хитрой заговорщицкой улыбкой.

– А как же Уткен? – озадаченно поинтересовался Артур. Он подумал было, что Азор уже призывает его к осуществлению главного плана.

– Он уборщик, а ты садовник, чуешь разницу? Вы батрачите в разных местах, – весело ответил Азор, делая вид, что не догадывается о волнениях, терзавших душу Артура. Клип-

сянин кивнул головой, смекнув, что Азор пока не хочет говорить о столь беспокоившем его предмете, то есть о побеге. Что ж, значит, время еще не пришло.

Пока они шли до места предполагаемых работ, Артур глазел по сторонам. Был первый день в Доргейме без дождя. Небо над головой сияло голубым с отливом, словно покрытое лаком, повсюду сновали диковинные большекрылые стрекозы, солнце блестело как золотая руда, ярко-зеленый мох расстился причудливым ковром, и вокруг стояла тишь, будто в исправительном учреждении на время убрали все посторонние звуки. Словом, весьма благоприятная атмосфера, особенно для тех, кто намеревался убежать.

Когда Азор с Артуром отошли на значительное расстояние от столовой, брюнет в упор посмотрел на своего спутника и спросил голосом, не лишенным серьезности:

– Спрашиваю еще раз. Назад пути нет. Ты со мной?

Артур нетерпеливо передернул плечами.

– Я же сказал.

– А ты слов на ветер не бросаешь, а, Бунтарь?

– Проверь! – дерзко парировал юноша.

Азор иронически хмыкнул:

– Проверю, не сомневайся.

– Хотелось бы понимать, что конкретно мы планируем делать.

– Слишком много хочешь, братишка. Повсюду уши. Доверься мне и все.

Какое-то время они двигались по мосткам, а затем ступили на мокрую, вспучившуюся от постоянных дождей землю, и побрели по палым листьям, держа направление на опушку. Скоро начнется смрадень. А в Троссард-Холле – учебный год. Место, теперь навсегда закрытое для Артура.

– Здесь ты будешь работать, братишка, – сказал Азор, прервав его тягостные мысли.

Оказалось, что вся опушка была засажена картошкой. Ее еще не убрали, впрочем, до начала смрадня обычно никогда не убирали. Хотя в некоторых местах земля была перерыта, и вдоль распаханых борозд валялась полусгнившая черная ботва.

– Окучить, подкормить навозной жижей, опудрить древесной золой от колорадского жука, – будничным голосом провозгласил Азор, с садисткой ухмылкой перечисляя трудовые обязанности новоиспеченного садовника. – А еще, – добавил он, наклонившись к самому уху Артура, – набери побольше сырого картофеля с собой, путь у нас неблизкий. Свистнем лодчонку, на ней переплывем Зло-озеро, а потом в сторону армутского города почпаем. Усек? Никому ни слова, разумеется. У тебя отведено два часа на работу, час, соответственно, работаешь, а потом, когда весь песок в склянке ссыплется, сигаешь в лес. Охраны здесь не будет, принимать твою работу должен буду я, но, как понимаешь, мне тут нечего делать. Я буду ждать на берегу озера с Уткеном. Опоздаешь – пеняй на себя.

– Нас не хватятся? – с сомнением пробормотал Артур. Он все никак не мог поверить, что в Доргейме за узниками следят спустя рукава.

– Непременно хватятся. Но уже вечером. У нас есть пару часиков форы.

– Ты говорил, что убежать можно только втроем? Почему?

Азор помолчал немного, а его благообразное лицо как-то подозрительно напряглось.

– Да это, брат, такое дело... Нам ведь придется долгое время идти по безлюдью... В лесах клюквы полно, да только на ней одной далеко не выедешь, – он сбился и замолчал, испытующе взглянув на Артура.

– Ну и что? – нахмурился клипсянин, не понимая, к чему клонит приятель.

– Да ничего, Бунтарь. Двое будут тащить лодку, один – идти впереди и палкой проверять почву. Ясно тебе? Здешние места страсть какие гиблые.

– А карта? У тебя есть план местности?

Азор насмешливо хмыкнул.

– Есть. У меня в голове. Я, братишка, тут почти всю свою жизнь прожил, знаю уж, что к чему.

Неожиданно их разговору помешали: недалеко от сообщников хрустнула сухая ветка, и ребята невольно вздрогнули и замолчали. К ним торопливой взволнованной походкой приближался парень весьма подозрительного вида. Большой бездонный рот его был полураскрыт, как бы в ожидании, что туда кто-нибудь залетит, рябая кожа на лице была толстой и плотной, как у носорога, ясные голубые глаза смотрели отстраненно, впалая волосатая грудь была перетянута кожаным ремнем, на котором болталась пустая лейка, одна штанина у странного субъекта была опущена, другая чуть подвернута, спутанные черные волосы выглядели грязными и неопрятными. Поравнявшись с заговорщиками, незнакомый парень резко остановился, будто уперся в невидимую стену и, сложив губы трубочкой, вдруг протяжно замычал во весь голос:

– Му-у-у!

Это возмутительное и даже бестактное поведение со стороны выглядело весьма пугающим и зловещим; человека всегда страшит любое отклонение от нормы, где норма – это поведение большинства. Но мало кто задумывается о том, что количественное преимущество группы не всегда говорит в пользу адекватности ее составляющих, и зачастую именно самые странные и чудаковатые персонажи являются наиболее талантливыми, умными, словом, заслуживающими внимания.

Азор крайне недовольным взглядом смерил больного и с презрением воскликнул:

– А, это Чероки! Сквакнувшийся.

Артур с искренним удивлением покосился на сокамерника; этот брезгливый пренебрежительный тон как-то совсем не подходил Азору – доброму, заботливому, готовому всегда прийти всем на помощь, даже самым слабым и жалким.

– Неприкасаемый? – спросил клипсянин, с искренней жалостью взглянув на подошедшего парня.

– Да, именно. Хотя вернее будет сказать, чокнутый. А ну, кыш, сваливай отсюда, братишка, пока по шее не надавали! – вместо оружия угрожающе взмахнув песочными часами, прикрикнул Азор, обращаясь к сумасшедшему. Тот же явно рассердился, не понимая, за что его гонят. Обиженно мыча во весь голос, парень приблизился к Азору и вдруг грубо выхватил у того из рук столь раздражающий предмет.

– Фу ты, отдай немедленно!

– Дай, дай, дай, – передразнил Неприкасаемый, жутко выпучив глаза и издавая звуки, похожие на смех. Затем он во всю прыть кинулся в другую часть поля, разнуздано крича и брызжа во все стороны слюной:

– Не догонишь, не догонишь, б-ууу!

Азор возмущенно всплеснул руками.

– Что теперь прикажете, по всему полю за ним бегать, а? Когда он так начинает делать, мне хочется его из арбалета уложить, честное слово! Давно уже пора что-то решать с этими Неприкасаемыми!

Артур пожал плечами:

– Бедняга не виноват в том, что с ним произошло.

Брюнет с доброй усмешкой покосился на собеседника.

– А как ты теперь время до побега определять будешь? Других часов у меня нет.

Артур покосился на небо. Он хотел было сказать «по солнцу», но потом увидел надвигающиеся со стороны леса тяжелые облака и задумался.

– Ладно, Бунтарь, как начнет темнеть, приходи. Понял? Будем пытаться ориентироваться в сложившихся условиях. Мы с Уткеном в любом случае придем раньше, у нас работы практически в одном месте.

– И чем ты занимаешься?

– Я старатель, – небрежно ответил Азор. – А Уткен придет собирать наше вонючее барахло. Мы ведь в грязи возимся, как, впрочем, и ты сейчас будешь.

Он вручил приятелю необходимые для работы инструменты.

– Пойду-ка я все-таки быстренько вздую этого мерзкого мальчишку и отберу часы!

– Не надо, – возразил Артур. – Мы ведь все решили. Как стемнеет, я пойду к озеру.

– Бунтарь, мне мерещится, или ты его защищаешь? Он же пропащий уже, считай, что и не человек вовсе, а так, вредоносное насекомое. Они тут преспокойненько живут, не работают, паразитируют на нас, да еще и фокусы регулярно устраивают. Весь Доргейм ненавидит Неприкасаемых, но избавиться от них тоже нельзя.

– *Весь Доргейм?* Для меня это вовсе не показатель, – сухо возразил ему Артур. – Иди уже, Азор. Я присмотрю за ним.

– Да не слюняйничай, братишка. Ты бы тоже возненавидел Неприкасаемых со временем. Смотри, как бы Чероки и дальше не продолжил портить нам все планы. . . Ладно, я пойду, надо совершить необходимые приготовления. И потом, меня уже ждут братишки на шахте. Кстати, ведро с золой в конце поля. Работай не покладая рук, чтобы потом не придрататься было. Бывай, Бунтарь.

Сказав все это, Азор отсалютовал ему рукой на прощание и быстро скрылся в ельнике. После его ухода воцарилась ужасающе гнетущая тишина. На другом конце поля в сырой бурой земле возился Чероки; несчастный закапывал песочные часы, а затем вновь откапывал, изредка посмеиваясь над своими бессмысленными действиями.

Клипсянин тяжело вздохнул и принялся за окучивание картошки. На душе образовался неприятный осадок после разговора с Азором, но юноша не думал сейчас об этом. Монотонные физические действия, которые он совершал, отвлекали от всяких мыслей, в том числе и дурных. Вначале солнце приятно согревало ему спину, однако вскоре оно перестало справляться со своей основной задачей и окончательно скрылось за тучами. Сразу резко потемнело, и Артур, растерянно глядя на небо, прервал работу.

Клипсянин совершенно не представлял, сколько времени он провел за своим кропотливым занятием; увы, у него не было ценного опыта Алана, который мог в любую погоду успешно ориентироваться во времени и в пространстве. Всеми ощущениями юноши завладало чувство предстоящей беды, приближавшейся с подступающими грозowymi тучами. От тревоги вновь засосало под ложечкой. А вдруг не получится? Простит ли его сумасбродную выходку таинственный дух Доргейма, либо же обратит в одного из этих несчастных, полностью лишенных разума? Раз вспомнив про Неприкасаемых, Артур принялся с беспокойством оглядываться. Лучше бы, все-таки, чтобы Чероки не видел, как он направляется в сторону озера. Вокруг никого, если не принимать в расчет двух драчливых крикливых ворон, не поделивших что-то между собой. Прямо как у людей, только проще и, сколь бы странно это не звучало, человечнее.

В два счета стемнело, и стужа начала пробираться до костей. Клипсянин поежился от мучительного холода и отложил в сторону лопату. Бежать, немедля. Вдалеке угрожающе грохотнуло. Интересно, в Доргейме вообще когда-нибудь бывает хорошая погода продолжительное время? Юноша намеревался было покинуть поле с распаханной картошкой, однако смутная тревога в сердце задержала его еще на пару минут. Он вдруг стал переживать по поводу того, что Чероки куда-то делся. И если бы еще тот был совершенно здоров, то все происходящее было бы даже на руку Артуру, однако мысль о том, что бедняга бродит где-то по непроходимым болотам, совершенно один, без присмотра, в то время как скоро начнется гроза, вызывала в сердце благородного юноши острую жалость и желание отыскать Чероки и убедиться, что с ним все в порядке. С другой стороны, его уже наверняка ждали Азор и Уткен. Не мог же он подвести их обоих.

Размышляя таким образом, юноша в конце концов решил направиться к озеру, туда, где еще слабо брезжила надежда на скорое освобождение. Артур шел медленно и осторожно, стараясь не шуршать опавшими листьями. Как затравленная куропатка, он опасливо озирался, одержимый суеверным страхом, что неведомый враг угадает его тайные помыслы, отыщет, вернет в камеру, а затем придумает страшную кару в наказание. Небо сквасилось мокрыми тучами, на отдалении снова несколько раз предупреждающе громыхнуло. В воздухе запахло дождем и предстоящей грозой, насекомые летали близко к земле, появились липкие тучи навязчивой мошкары.

Страх острыми иголками пронзал тело юноши; удивительное дело, ведь раньше он почти ничего не боялся. Неужели в жизни бывает и так, что смелый человек может в иной момент превратиться в труса? Очевидно, да. Либо же присутствие Тени накладывало отпечаток на этот край и делало его более мрачным и устрашающим, чем он являлся на самом деле.

Опять прогремел гром; отчетливо, ровно и неумолимо. Он словно предупреждал, что беглецам не скрыться. Сразу за этим мрачным звуком последовал чей-то отчаянный вскрик и звуки борьбы, перемежающиеся со всплесками воды. Клипсянин замер, настороженно прислушиваясь. По левую сторону от него расстилались изумрудные можжевельники и кусты переспелой клюквы, за ними – небольшой ельник. Отчаянный крик повторился, и Артур узнал в нем голос Чероки. Скорее всего, тот попал в беду. Разумеется, клипсянин сразу же кинулся на помощь, однако в голове его, тем не менее, промелькнула одна странная, совсем не свойственная его характеру, мысль. Заключалась же она в следующем. Зачем, собственно, тратить драгоценное время на помощь Чероки? Ведь свобода уже витала в воздухе и холодным ветром подгоняла его в затылок, ему оставалось только добежать до озера и найти остальных. Тем более, Чероки уже действительно нельзя было считать в полной мере человеком, ведь он не осознавал себя и происходящего; для него, возможно, лучшим исходом была бы смерть, а не скверная жизнь в полном забвении.

Продолжая эту мысль, нужно отметить, что сам Артур, будучи в здравом уме и твердой памяти, имел сейчас неплохой шанс сбежать от Тени и вернуться к друзьям, чтобы впоследствии никогда не превратиться в такого, как Чероки. Так зачем же он стремглав бежал на голос, а не в противоположную сторону? Задав только мысленно этот роковой вопрос, Артур внутренне ощутил спазм из-за непреодолимого отвращения к самому себе. Какие же это были мерзкие и подлые рассуждения, и как жаль, что никто от них не застрахован! Увы, даже самый праведный человек не всегда может контролировать свои мысли, но, разумеется, это вовсе не означает, что он при этом неспособен возвыситься над ними, оценить их правильность, а затем в конечном итоге поступить по совести.

Клипсянин в два счета добежал до пирамидальных елей, которые непроходимой игольчатой стеной закрывали болотный мшаник. Юноша, лихорадочно торопясь, взбежал на него и тут же почувствовал, как ноги предательски утопают в тягучей грязи. В шаге от него в грязном болоте беспомощно трепыхался несчастный Чероки, угодивший в ловушку коварных топей. Упав на колени и нащупав руками более-менее твердую кочку, отважный клипсянин наклонился вперед и схватил Неприкасаемого за руку. Тот сразу же перестал барахтаться и затих; густая грязь уже засосала его по пояс. Жажда жить, казалось, превратила его в совершенно нормального и адекватного человека. По крайней мере, все последующие его действия не были лишены логики. Он постарался принять горизонтальное положение и медленно поплыл в сторону неожиданного спасателя, который вытягивал его на сушу одной рукой.

Нельзя вставать, делать резкие движения, паниковать, иначе – смерть... Болото нехотя отпускало свою жертву; от напряжения лицо Артура покраснело, все тело его напряглось, а на руке буграми вздулись вены. Несколько ничтожных минут казались вечностью, как всегда бывает, когда вступаешь в неравный бой со смертью. Но вот Чероки ухватился за узловатый корень и, тяжело дыша, медленно вылез из гиблой трясины. Какое-то время он стоял перед

Артуром, дрожащий, не в меру жалкий, со стекающей по подбородку густой грязью, а потом его губ коснулась робкая и немного смущенная улыбка.

– Спасибо, – хриплым от волнения голосом проговорил он. – Спасибо те-бе.

И на глазах его выступили слезы.

Артур ласково улыбнулся. Так радостно стало ему в этот миг, словно весь Доргейм, сотканный из серых и невзрачных нитей, вдруг обернулся изящным разноцветным ковром самой тонкой работы. Юноша вспомнил слова доброй Левруды, которая говорила ему: «Когда, не имея крыльев, захочешь полетать, мой мальчик, помоги другому человеку. Поверь, ты будешь парить, как никто другой». А потом клипсянин вспомнил про Азора, побег, минуты, пробежавшие быстрее табуна лошадей, и честное благородное лицо его снова нахмурилось. Что теперь делать? Оставить Чероки и бежать? Либо же самому проводить беднягу в сторону казарм, чтобы тому смогли оказать помощь? Но тогда он все же подведет своих товарищей...

И снова ему приходилось делать выбор: идти на сделку со своей совестью и спасти собственную шкуру, либо же довести начатое доброе дело до конца. Однако спасенный парень неожиданно избавил Артура от мучительной необходимости выбирать. Улыбнувшись во весь рот, он сказал совершенно нормальным и естественным голосом:

– Прости, что забрал у вас часы. Вот они. Я с самого начала перевернул их. Песок почти весь ссыпался, так что, если поторопишься, как раз успеешь присоединиться к друзьям.

Клипсянин с готовностью вскочил на ноги и уже готов был без рассуждения последовать чужому совету и ринуться к озеру, однако почти сразу же он принудительно остановил себя и с нескрываемым интересом оглянулся на Неприкасаемого.

– Ты не... – Артур запнулся, ощутив некоторое затруднение. Действительно, как следовало построить вопрос? Спрашивать у совершенно нормального человека, не сумасшедший ли он, как-то бестактно и даже неприлично, а задавать подобный вопрос человеку все-таки нездоровому совсем уж бессмысленно, ибо тот, в силу своей болезни, при всем желании не смог бы ответить ничего вразумительного. Чероки же молчал и с доброй усмешкой смотрел на юношу, очевидно, вовсе не желая приходить тому на помощь.

– Не... Не тот, за кого тебя все принимают? – наконец сконфуженно пробормотал Артур, отчетливо понимая, что несет околесицу. Чероки искренне рассмеялся, отчего болотная грязь потоками полилась с его лица.

– Я тот, кто я есть, – философски изрек он, наконец перестав смеяться. – И от представлений других людей моя сущность, к счастью, не поменяется.

– Гм, – озадаченно отозвался клипсянин, внутренне пытаясь определить, насколько реплики Чероки соответствуют ответам нормального, то есть здорового человека.

– Зачем ты забрал часы? – спросил тогда Артур, решив перейти к материям более приземленным. Парень беззаботно пожал плечами.

– Вообще-то я не хотел, чтобы ты попал в беду, новичок. Тем более, что господин Тукай приказал следить за тобой.

Артур нахмурился.

– А почему... – но он не договорил, ибо Чероки подошел вплотную к нему и, одной рукой сжав его плечи, с невиданной силой для своей тщедушной комплекции рывком потянул в сторону приземистых можжевельников. Клипсянин попробовал было оттолкнуть от себя нахального юношу, но почва вдруг сделалась совсем рыхлая, дряблая, и Артур почувствовал, как земля и вовсе уходит из-под его ног, рассыпаясь, подобно бисквитному печенью. Он со своим компаньоном провалились куда-то в темноту мрачного подземелья, не сулившего ничего хорошего.

На мгновение ослепнув от нехватки света, юноша оказался совершенно дезориентированным в пространстве. Но вот кто-то уверенным рывком поставил его на ноги, и, подняв голову, клипсянин увидел перед собой одного из тех странных ребят в столовой, которые ели

из тарелок друг у друга. Неприкасаемый весьма вызывающе смотрел на неожиданных гостей, для пушей убедительности чуть выпятив вперед нижнюю губу. Маленькую круглую голову его венчала валяная шапка, а вместо тюремной робы облачением его служил черный сплошной комбинезон, в руках же юноша держал фонарь и кирку – словом, выглядел, как старатель.

– Зачем ты притащил его сюда, Чер? – с ноткой недовольства в голосе поинтересовался он.

– Не серчай, Баз, я чуть не утоп в проклятой луже, а он помог мне.

– Вот как? – не без язвительности проговорил человек с фонарем. – И что теперь делать? По твоей милости мы отступили от плана!

– Зануда!

– Беспечный дуралей!

После подобного обмена любезностями, которые, как Артур догадался, считались у них вполне в порядке вещей, юноша с фонарем, таинственно улыбаясь, поманил гостей за собой, вглубь пещеры. Идти приходилось на согнутых коленях, ибо повсюду угрожающе торчали узловатые, спутанные между собой корни деревьев, а потолок располагался весьма низко.

– Мы тоже иногда работаем. Или делаем вид. В частности, Базил, Кокос и Шнурок являются старателями. Эта пещера соединяется с главным шурфом, но о ней мало кто знает, кроме нас самих. Мы называем ее «Яма», – деловито объяснил Чероки Артуру. Они дошли до более-менее вместительной по своим размерам пещеры, от которой разветвлялись несколько туннелей в разные стороны. Посреди пещеры уютно горел костер и валялись котомки со скромными пожитками, черствым хлебом с подвявшим базиликом, жестяные ведра, лопаты, кирки и промывательные лотки, а вокруг всего этого добра по-армутски сложив ноги, сидели два человека в одежде старателей, в которых Артур так же распознал чудаковатых ребят из столовой.

– Наш гость, прошу любить и жаловать, – язвительным голосом провозгласил Базил. – У нас мало времени, так что, думаю, надо познакомиться поближе.

Едва только он закончил свою речь, как один худощавый парень, необычайно подвижный и шустрый, торопливо вскочил на ноги и быстро отрекомендовался, шутиво при этом поклонившись:

– Я – Шнурок.

– Смышленный, ловкий, но при том невозможный торопыга, любит делать все раньше, чем успеет осмыслить, – обстоятельно описал товарища Базил, при этом ласково глядя на него.

– Вовсе и не торопыга! – с наигранным возмущением тут же возразил Шнурок, одной рукой привычно взлохматив свои черные волосы, торчавшие во все стороны. С такой неопрятной шевелюрой, походившей больше на птичье гнездо, нежели на волосы, парню, вероятно, не так сложно было играть роль сумасшедшего.

– Еще какой торопыга. Съедает всю еду с подноса еще до того, как донесет до стола, – зачем-то объяснил Базил Артуру. – И вообще, мне кажется, с подобной нетерпеливостью он бы и в могилу запрыгнул раньше, чем узнал о собственной смерти.

При этих словах ребята весело заулыбались, а Артур продолжил с недоумением таращиться на их компанию. Странно и непривычно было видеть Неприкасаемых в нормальном состоянии после всего, что ему довелось о них услышать.

– Кокос. Полный антипод Шнурка. Любит основательно подумать перед тем, как действовать. Порою думает так долго, что сам забывает о причинах столь длительных размышлений. Отлично понимает, как все устроено. Любой механизм может разобрать и собрать с закрытыми глазами, – продолжил Базил, в то время как парень, которого назвали Кокосом, молча сидел и грел грязные руки у костра. Он был невысокого роста, с грубоватой физиономией, коренастый, а его пронизательные серо-голубые глаза под оправой очков казались поистине огромными, что несколько смягчало его, в общем-то, нахальный облик.

– Чероки. Невероятный оригинал и забияка. Любит насолить окружающим. Ломает систему Доргейма изнутри, пользуясь своим положением Неприкасаемого. И, наконец, я. Ничего особенного, человек как человек, – Базил скромно замолчал, а на его отчетливо выделявшихся скулах проступил едва заметный румянец.

– Страшнейший зануда и любитель жить по плану, – съязвил Чероки, глядя на приятеля. – А еще надежный лидер нашей группы, готовый принять на себя всю ответственность. Широкой души человек, щедрый не в меру и добрый, каких поискать.

– Да брось, Чер.

– Чуть не забыл, еще и скромняга. Перед новичком, что ли, выделяешься?

– Просто не люблю говорить о себе. Теперь твой черед, Бунтарь, Восьмерка, или как там тебя?

Артур обвел глазами всю компанию с любопытством глазевших на него парней. Что он мог им рассказать о себе, да и следовало ли вообще откровенничать с этими людьми?

– Что молчишь, язык проглотил? – нагло и развязно заявил вдруг Кокос, молчавший до сих пор, и Артур невольно ощутил себя, как на допросе. Эта фраза во многом повлияла на его последующий ответ.

– Я тоже не люблю говорить о себе, – отрезал он с некоторым вызовом в голосе.

– Пфф, – язвительно выдохнул Кокос. Его глаза из-под очков смотрели недобро. – А почему, изволь спросить? Нашему новичку есть что скрывать?

– Как уж тебе меня понять, особенно учитывая, что вам-то скрывать совсем нечего, – насмешливо парировал Артур.

– Объяснись! – потребовал Базил.

– Это ведь я изображаю из себя психа, вводя в заблуждение всю округу! Бегаю по полям с жуткими мычаниями, которым и доргеймские коровы бы позавидовали, если бы они тут водились!

– Господа, по-моему, он нас оскорбляет! – живо воскликнул интеллигентный Шнурок, в волнении вскочив со своего места.

– Да настучать ему по шее киркой для сговорчивости, да и все, – вставил куда менее интеллигентный Кокос.

Чероки же возмущенно загородил собой Артура.

– Он спас меня, говорю вам! Спас, хотя и поставил под угрозу свой побег!

Клипсянин необычайно удивился. Он-то наивно полагал, что об их далеко идущих планах с Азором никто не знает, кроме них самих.

– Откуда тебе известно про побег? С чего ты взял, что я...

– Да ну хватит тебе комедию ломать! – невежливо перебил юношу Кокос, продолжая враждебно тарашиться на него из-под своей оправы с поломанной дужкой, из-за чего очки немного косо располагались на лице. – Ты хотел убежать, разве нет? С Азором и другим новичком, как там его звать, не помню...

Артур растерянно смотрел на ребят. Глупо было врать и отнекиваться, поэтому он предпочел промолчать, ибо молчание – лучшее средство во всяких затруднительных ситуациях.

– Перестаньте, – сказал тогда Базил строго. – Раз уж новичок отказался от побега ради нашего Чера, думаю, мы можем кое-что рассказать для его же собственного блага. Тем более я убежден: он вовсе не Лукавый. Старина Тук, кстати, такого же мнения.

– Кто-кто? – насмешливо приподнял брови Артур.

– Рассказать – при условии, что ты будешь смиренно молчать и перестанешь задавать тупые вопросы.

– Идет, – хмыкнул Артур. – Я весь внимание.

– Ты упрекнул нас в том, что мы притворяемся и обманываем других. С какой-то стороны это правда, но, поверь, иначе нельзя. Мы действительно были немного не в себе. Пока господин

Тукай не исцелил нас от этого злого недуга. Но он поведал нам также, что человек, сделавший с нами подобное, может (и скорее всего, захочет) повторить свою попытку. Поэтому мы ведем себя, как прежде, стараясь ничем не выдать настоящее положение дел. Конечно, приходится порой идти на досадные ухищрения, но, с другой стороны, у нас есть некое преимущество перед духом Доргейма, или Лукавым, как мы его называем, – он не знает о том, что мы выздоровели. Но, увы, и мы тоже не знаем его в лицо, так что наши шансы с ним приблизительно равны.

– Но почему он сделал это с вами? – не удержался от вопроса Артур.

Базил с грустью опустил голову.

– Мы пытались убежать из Доргейма. Но, как видишь, безуспешно. Каждый раз что-то шло не так, и нас обнаруживал Лукавый. Жаль только, что лицо его никто не запомнил. Ведь почти сразу же он наводил на нас какую-то жуткую порчу, или хворь, когда забываешь все на свете, даже то, как держать вилку в руке. К счастью, врачу удалось нас исцелить, но сама встреча с Лукавым так и не восстановилась в нашей памяти. Теперь мы здесь как бы работаем под прикрытием и пытаемся обнаружить дух Доргейма, если он вообще существует, а не живет исключительно в нашем больном воображении.

Артур с живым интересом слушал Базила. Выяснились кое-какие весьма важные подробности. Так значит, лекарь все-таки не Тень, как он полагал вначале, а естествознатель? Но кто же тогда является Тенью, неужели директор?

– А лекарь объяснял что-нибудь по поводу вашей болезни? И говорил, как отыскать врага?

Базил тяжело вздохнул.

– Кое-что говорил, только в это довольно сложно поверить. Вон, материалистично настроенный Кокос до сих пор думает, что нас водят за нос.

– И что, что конкретно он вам говорил? – в нетерпении воскликнул Артур, не в силах уже сдерживать истового желания поскорее узнать хоть что-нибудь по столь интересующему его вопросу.

– Почему мы должны ему что-то рассказывать? – хмуро спросил Кокос. – Сам-то он предпочел промолчать о себе.

– Потому что он теперь один из нас. Чер привел его в наше убежище, стало быть, он теперь может выдать нас всех разом, если только захочет.

– Тогда я собственноручно подсыплю ему яда в сельдереевую кашу! – совершенно серьезно выдал Кокос.

– Я... правда не представляю, что могу о себе рассказать. Что конкретно вы хотите услышать? – сказал тогда Артур смущенно. С одной стороны, ему жизненно необходимо было втереться в доверие к этим людям, чтобы узнать побольше, с другой – он не желал распространяться о себе. – Меня зовут Артур, и я из Клипса. Достоверно мне неизвестны причины, по которым я оказался здесь, однако, подозреваю, это может быть как-то связано с тем человеком, которого вы называете Лукавым, или Духом Доргейма. Я же привык звать его по-другому. Тенью.

Если слова могли бы разом материализоваться, то последняя реплика, сказанная Артуром, превратилась бы в черный гранит, из которого изготавливаются кладбищенские надгробия. Едва только истинное наименование существ из Желтого моря прозвучало в пещере, как здесь словно стало холоднее, и даже костер, с жалким треском выпустив пару искр, как будто съежился от страха, не решаясь пылать в полную силу. Кокос чуть сторбился, а глаза его под оправой сломанных очков испуганно моргнули. Шнурок зачем-то суетливо вскочил с места, потирая руки, Чероки с напряжением поморщился, и только Базил выглядел спокойным, как прежде.

– Тень, – задумчиво повторил он, пожевав губу, будто речь шла о чем-то совершенно обыденном и естественном. – Спасибо за откровенность, Артур. Теперь ты наш, уж прости. Надеюсь, ты и сам понимаешь, что Тень не должна узнать о нас.

Артур согласно кивнул.

– Так с чего вы взяли, что я собирался убежать?

– Может, мы и психи, – хмыкнул Чероки, – но при этом чертовски наблюдательные психи. Достаточно было проследить за тобой и Четверкой, чтобы сделать соответствующие выводы. И потом, мы достаточно хорошо знаем Азора.

– А что не так с Азором?

– А то, приятель. Попал ты в шакалью нору, бедняга. Мерзавец частенько пользуется своей благовидной внешностью и втирается в доверие к новичкам. Если он вдруг узнает, что у каких-то растяп после шмона остались ценные вещи, то сразу предлагает им сбежать из Доргейма. Разумеется, Азор делает вид, что все организует наилучшим образом, а по факту заводит новичков подальше в болота и обкрадывает до нитки, после чего оставляет в самых гиблых местах, откуда без проводника не выбраться. Ежели кому по счастливой случайности и удастся спастись, то он немедля докладывает Оделян, представляя все таким образом, будто новичок сам решил сбежать, несмотря на его увещевания и предупреждения. Одди верит ему, ведь он уже давно ябедничает на всех.

Артур с грустью опустил голову. Как можно было так ошибиться и довериться столь сомнительному человеку! Поистине, ему повезло, что на его пути встал Чероки! Как порой одно доброе дело может благотворно повлиять на всю жизнь. Он спас Чероки из болота, а тот спас его от печальной участи пропасть на болотах. Вдруг лицо юноши побледнело, и он вскинул голову.

– А как же Уткен? То есть Четверка? Он же тоже должен был идти с ним!

Базил покачал головой.

– Странно, кстати, что Азор решил завести в топи вас обоих. Обычно он обрабатывает людей по одиночке. Но у нас есть кое-какие соображения на этот счет.

– Да, – торопливо вставил Шнурок, нетерпеливо перебивая своего лидера. – Мы думаем, что именно Азор является Лукавым.

Артур нахмурился.

– Вот как? Но почему...

– Мы тоже на свою беду пытались убежать. Полагаю, и нас кто-то подбил на побег, – ответил Базил. – По нашим наблюдениям, одним из наиболее явных подстрекателей является Азор. Возможно, он как-то влияет на своих жертв, вследствие чего они теряют память и становятся сумасшедшими. Только мы пока не понимаем, как обычный человек вообще способен на подобные деяния. Ведь не кудесник же он какой, в самом деле? По словам господина Тукая, Лукавый может менять обличье, подобно животным, которые сбрасывают шкуру. А еще якобы он обладает невероятными способностями... Впрочем, и наш лекарь, насколько мне известно, не так уж и прост. Он говорит, что только ему под силу справиться с Духом Доргейма.

– Значит, он все-таки естествознатель? – с сильным сомнением вымолвил Артур.

– Естество... Что?

– Человек, способный уничтожить Тень.

– Не знаю. Он называет себя лекарем. А еще он приказал следить за тобой. Ему показалось, будто он узнал тебя.

Артур озадаченно посмотрел на Базила. Что ж, очень странно, учитывая, что он сам видел его впервые в жизни.

– Мы здесь, как бы тебе сказать, его команда. Ищейки. Наблюдаем, смотрим. Разыскиваем Лукавого, чтобы в один прекрасный момент сообщить об этом нашему главному.

– Вы больше не пытались убежать?

– Нет, Артур. Здесь много наших друзей. Пока мы не выясним, что творится в этой проклятой колонии, не уйдем.

– Я не могу больше задерживаться здесь, мне надо помочь Уткену. Пока Азор не завел его на болота.

Ребята переглянулись между собой и как-то излишне виновато посмотрели на своего гостя.

– Прости, приятель. Но ты никуда не пойдешь.

– Это еще почему?

– Нельзя, чтобы Азор догадался, будто ты его раскусил. Иначе все наше предприятие под угрозой. Если он и правда Лукавый, то нам всем несдобровать.

Артур упрямо качнул головой и шагнул назад.

– Я не готов жертвовать кем-либо. Обещаю, я сделаю все так, чтобы Азор не догадался. Придумаю что-нибудь. Но я должен во что бы то ни стало помочь Уткену. Он один и не подозревает о грядущей беде.

– Хорошо. Слушай, приятель. При необходимости мы найдем способ связаться с тобой, но знай: здесь, в пещере, мы иногда собираемся во время работ, чтобы обсудить дальнейшие действия. Попасть сюда можно либо из главного шурфа (но ты вряд ли самостоятельно найдешь дорогу), либо же здесь, через эту яму, которую мы закрываем сухим вереском и хвойными ветками. Смотри только, не шныряй в укрытие без дела – слишком рискованно. Прийти можешь тогда, когда тебе действительно будет что рассказать нам. Впрочем, Чер известит тебя о следующей сходке. Пока план таков: следим за Азором и его дальнейшими действиями, – сказав все это, Базил едва заметно кивнул, что послужило сигналом для Чероки, стремительно шагнувшего в сторону Артура. Увы, клипсянин не был готов ни к чему подобному, в глазах тут же потемнело, словно в пещере окончательно погас костер.

Очнулся юноша от жуткой мысли, что тонет. Ему померещилось, будто судьба вновь занесла его на корабль, у штурвала которого стоял отважный Даниел Фук. Вокруг находились его друзья, и сколь бы ни было трудным и непредсказуемым путешествие, Артур не чувствовал себя одиноким. Но вот поднялся страшный шторм, судно стало разваливаться на части, как трухлявый пенек, ветер безжалостно выкорчевывал мачты и в клочья трепал паруса, а волны с методичной жестокостью смывали с палубы всех пассажиров, одного за другим. Артур не выдержал и закричал от ужаса, а потом почувствовал во рту воду – соленую, горькую, до крови разъедающую горло. Он в страхе распахнул глаза и обнаружил себя на картофельном поле: под головой у него лежал свернутый кулек с сырой картошкой, а поблизости валялась лопата и грабли. Казалось, кто-то заботливо положил его сюда на ночлег, ведь уже почти стемнело, а из-за рваных туч серебристым серпом проглядывал полумесяц.

Юноша ругнулся сквозь зубы и медленно поднялся с земли; ноги его успели окоченеть от холода, а на лбу бугром вздулась шишка. Клипсянин промок насквозь, ибо снова пошел дождь.

– Чтоб тебя! – расстроено пробормотал Артур, в мыслях на все лады отчитывая предательского Чероки, оплатившего ему скверной выходкой за спасение, а вместе с ним и всю разбойную шайку Неприкасаемых. Шалопаи ведь специально подстроили все таким образом, чтобы он ни при каких условиях не смог прийти на помощь Жабе. А теперь еще появлялся неоправданный риск, что надзиратели начали искать и его, ведь время было уже позднее, наверняка узники стали расходиться по своим камерам.

Дрожая от холода, юноша уныло потрусил в сторону казарм, не переставая прокручивать в голове то, что он узнал от Неприкасаемых. Местный врач – естествознатель? Он узнал его? Но каким образом... Неужели господин Тукай взаправду являлся Нороганом? Но как тогда он догадался, что перед ним непременно Артур? Индолас хорошо знал его и видел маленьким, равно как и Доланд. Но вот про Норогана отец ничего не рассказывал... А что, если врач – это все-таки Тень, которая морочит всем голову? Точнее, естествознатель, который по неиз-

вестной причине стал Тенью... Поэтому господин Тукай и смог исцелить бедняг, которых сам же до этого вероломно сделал невменяемыми... Но зачем, с какой целью? Чтобы втереться к ним в доверие? А зачем ему нужен он, Артур? От всех этих сумбурных разрозненных мыслей у юноши еще сильнее заболела голова. По правде говоря, Артур сейчас не отказался бы от целительного сеанса у врача. Впрочем, нет, об этом не стоило даже помышлять.

А что насчет Азора? Мог ли тот быть Тенью? Обкрадывал новичков? Слишком уж мелко для Тени... Хотя, впрочем, как знать... И Киль когда-то выглядел недостаточно подходящим для своей роли. Страшно, страшно... Знать, что где-то за твоей спиной шныряет неприятель, который имеет на тебя планы...

Спустя десять минут Артур, грязный и вымокший, как дворовая псина, оказался перед входом в казармы. Луна с трудом освещала людей; то тут, то там воровато мелькали черные тени, одиноко лаяла собака. У черных, поросших мхом, ворот стоял грозный надзиратель и проверял, сколько человек вернулись с работ. Губы мужчины были плотно сжаты, а подозрительный режущий взгляд карих глаз добавлял ему сходства с хищной птицей. К счастью, клипсанин успел до отбоя. Юноша надеялся незаметно от остальных проскользнуть в свою камеру, однако уже в коридоре его ждал Джахар. Лицо того было смертельно бледно; это отчетливо просматривалось в полумраке казармы, даже полные губы его, казалось, стали совершенно бескровными, как у мертвеца.

– Бунтарь! – окликнул опоздавшего главный, и Артур, невольно вздрогнув, постарался придать лицу небрежное выражение.

– Я замерз, как собака, Джах, дай мне пройти.

– Не торопись, братишка. Почему ты так припозднился? Разве не знаешь, сколько времени отводится на работу? Азор не оставил тебе часов, чтобы ты мог сверяться с ними?

Артур небрежно пожал плечами, словно речь шла о чем-то совершенно естественном и вполне объяснимом, и сказал уверенным голосом:

– Азор сказал, что сам придет и примет у меня работы, но по какой-то причине не сдержал слово. Я до последнего ждал его на поле, но потом решил, что если не вернусь в казармы, у меня появятся проблемы...

– И они появятся! – в сердцах рявкнул Джахар, едва сдерживаясь. Другие ребята, проходившие мимо, принялись оглядываться на них. – Азор пропал, ты в курсе? А вместе с ним и Четверка! Последний раз их видели возле главного шурфа!

– Странно, – тихо пробормотал Артур, в глубине души искренне расстроившись за Жабу. Ему так и не получилось помочь бедняге и отвратить от него опасность. Что ж, теперь уже ничего нельзя было сделать, кроме как надеяться, что ему удастся самому выбраться из передраги. Джахар резко шагнул к юноше, вынуждая того вжиматься в стену.

– Я отвечаю за них, ясно тебе? Если с ними что-нибудь произойдет... Вся ответственность на мне.

Артур постарался сохранить невозмутимый вид.

– А при чем здесь я? – невинным голосом произнес он, глядя Джахару прямо в глаза. Тот нервно усмехнулся.

– Я прекрасно видел, как Азор крутился возле тебя все эти дни! Признавайся, он склонял тебя к побегу? Если да, то это очень серьезный проступок!

– Азор помогал мне найти дорогу и разобраться в распорядке Доргейма, ты-то ведь делал вид, что слишком занят, – спокойно заявил Артур, хоть на самом деле у него дрожали поджилки. – Позволь, я пройду в нашу камеру, Джахар, я устал и вымок до нитки.

– Валяй, – как от зубной боли скривился главный. – Но если я узнаю, что ты солгал мне... Я собственноручно закопаю тебя на том самом поле, где ты сегодня выкапывал картошку!

– В Доргейме мне уже столько раз угрожали смертью, что я начинаю думать, будто попал не в исправительную колонию, а в лагерь смертников! – хмыкнул Артур, проходя мимо Джахара.

В камере, как и следовало ожидать, собрались все, за исключением Азора и Жабы. Чанг сидел на своей кровати, свесив ноги вниз, и жевал клюкву, с удовольствием размазывая красные ягодки в ладонях, Спайк занимался тем, что с усердием давил на своем матрасе клопов.

– Так понравилось работать, да, братишка? – язвительно проговорил Чанг, с необычайной пронизательностью взглянув на вошедшего Артура. Клипсянин мог биться об заклад, что тому известно куда больше, чем Джахару. Кстати, последний тоже зашел к остальным; лицо его было грустным и уставшим. Дверь за ними не стали закрывать. На отдалении лаяли собаки-ищейки.

– Их ищут... – с какой-то безнадежной тоской в голосе вымолвил главный. Но Артур наверняка знал, что вернется, скорее всего, лишь один. Азор. Жабе, увы, уже не суждено будет делить с ними их жалкую комнатуху. Клипсянин подоткнул одеяло и, сняв с себя мокрую одежду, переоделся в сухое. Затем он лег на матрас и закрыл глаза, надеясь хоть немного отдохнуть от сегодняшнего дня, как вдруг Чанг, со своей койки, ехидно поинтересовался:

– А почему у тебя шишка на голове, Бунтарь, а? Опять с кем-то подрался?

Артур почувствовал, как все внутри у него буквально холодеет от страха, однако он постарался не подавать виду и пробормотал язвительно:

– Так беспокоишься за меня?

– Конечно, ты ж у нас особенный, не такой как все. Вон и Одди тебя заприметила...

Чанг не договорил, поскольку Джахар в два счета подскочил к нему и с такой силой рванул его за ноги вниз, что бедняга с грохотом свалился на пол, а сверху ему на голову в довершение всего упал его собственный вонючий матрас.

– Ты чего, Джах? – жалобно поинтересовался пострадавший, но тот был грозен и походил на голодного льва.

– Всем спать! Если завтра Азор и Жаба не вернутся в школу, ты, Бунтарь, пойдешь объясняться с Одди! И это будет первое предупреждение!

Сказав так, он лег на свою койку. А Артур еще долго не мог заснуть; неконтролируемый страх перед Тенью не давал ему покоя. Первое предупреждение... Это значило, что грядет расплата. За все его неверные действия. За каждое ошибочное решение. Бедный Жаба...

Глава 5. Добрые люди честны в своих планах, но не доверяй планам коварных

Дождь со всей неистовостью, на которую только был способен, хлестал по изможденной земле Зловещих топей, но покатая крыша казарм столь густо заросла мягким желто-зеленым мхом, приглушавшим посторонние звуки, что нападки со стороны непогоды почти не ощущались внутри помещения. Между тем, несмотря на оглушительную тишину, царившую после отбоя, жильцы камеры номер шесть провели весьма беспокойную ночь. Мимолетного взгляда на их изможденные и понурые лица было достаточно, чтобы определить этот факт. Джахар был бледен и раздражителен сверх меры: он разбудил своих соседей по камере еще до сигнала тюремщиков, причем сделав это в весьма грубой и бесцеремонной форме – порою стаскивая с человека на пол одеяло, а в иной раз и самого беднягу за пятку. Когда Джахар с грозным рыком подскочил к койке Артура, тот уже предусмотрительно встал, не желая в полной мере ощутить на себе гнев вожака.

– Они не пришли! – выкрикнул Джахар, чрезвычайно раздражаясь. Юноша явно плохо себя контролировал, голубые глаза его смотрели яростно, а на бледных щеках проступили лихорадочно-красные пятна, как от чахотки. Клипсянин, призывая на помощь всю свою выдержку, лишь спокойно пожал плечами.

– Если бы я знал, куда они запропастились, то сказал бы тебе первому!

– Ты лжешь! – возмущенно воскликнул вожак, впадая в совершенное неистовство. – Я не верю, что Азор просто так лисом крутился возле тебя! Ты наглый лгун, Бунтарь, и по твоей милости у меня могут возникнуть серьезные проблемы!

– Зря стараешься, Джах, видно же, что новичок – та еще скрытная скотина, – отозвался из угла Спайки, всегда скорый обругать своих соседей по камере. Эта подлая фраза словно послужила для главного сигналом: он самозабвенно ринулся к Артуру и, наверное, драки было бы не миновать, однако клипсянин выпрямился и тоже угрожающе шагнул в сторону Джахара, отчего тот принужден был замереть на месте, подавив в себе первый импульсивный порыв.

– Хватит! – тихим, но твердым и проникновенным голосом произнес Артур. – Я действительно вначале помышлял о побеге, Джахар, я тебе об этом говорил. Теперь, однако же, я и сам понял, что это не очень хорошая затея. Вокруг непроходимые болота, идти некуда, выбраться отсюда невозможно. Я не самоубийца. И я действительно не знаю, где сейчас Азор с Четверкой!

Юноша проговорил все это таким искренним и невинным тоном, что ему сложно было не поверить. Впрочем, почти все сказанное являлось неоспоримой правдой. Артур действительно не знал, куда запропастились незадачливые беглецы. Разумеется, ему пришлось утаить от Джахара кое-какие детали, но он просто не мог подставить Жабу – вдруг тому все-таки удастся выбраться из передраги и благополучно вернуться в лагерь. Ведь если Джахару станет известно, что они все вместе планировали побег, тогда Жабе точно не избежать наказания, а так, возможно, бедняга сумеет как-то оправдаться. Артур не любил ложь всем сердцем, но только не в том случае, когда она могла послужить другому человеку во благо.

– Ладно, потолкуешь еще сегодня с Одди, – раздраженно буркнул главарь, отступая от Артура. Очевидно, в глубине души вожаку не хотелось затевать драки с воинственным клипсянином, от которого можно было ждать всего, что угодно. Артур коротко кивнул. Он, конечно, весьма сомневался, что разговор с девчонкой, вообразившей себя царицей топей, будет плодотворным, однако Джахара в том состоянии, в котором он теперь пребывал, лучше было не злить. Выходя из камеры на завтрак, Артур мучительно размышлял над своей непростой ситуацией. Неприкасаемые здорово подставили его; если бы он не опоздал на отбой и вовремя вернулся с работ, Джахар, вероятно, не стал бы подозревать его. И только сейчас юноше в голову

пришла одна любопытная мысль, заключающаяся в следующем: если Азор и раньше проворачивал подобные штуки с побегом, почему прозорливый дух Доргейма не наказывал его? А вдруг догадки Неприкасаемых на его счет были верны, и Азор правда является Тенью?

Это прояснило бы некоторые моменты. Но зачем Тени уводить людей из Доргейма, да еще и оставлять их гибнуть на болотах? Ведь существам из Желтого моря, насколько догадывался Артур, нужно было совсем другое, а именно: живые люди, вместилище для самих себя.

Приход Азора в лагерь многое бы объяснил, и Артур ни секунды не сомневался в том, что придет лишь он один.

В столовой стоял непривычный для казарм суетливый галдеж, и даже надзирателям не получалось утихомирить взволнованных узников; слишком уж необычным оказалось вчерашнее происшествие. Бесследно пропали двое, не вернувшись с работ – событие, совсем несвойственное предсказуемому Доргейму, где каждый день повторяет предыдущие. Неприкасаемые тоже вносили свой неоценимый вклад во всеобщий гомон, но в отличие от остальных, они продолжали вести собственную игру, весьма профессионально изображая сумасшедших. Так, Чероки с упоением, которому позавидовали бы даже обитатели психиатрических лечебниц, обливал остальных жидкой кашей из осоки, Базил с мрачным видом уставился в одну точку, не замечая ничего вокруг, Шнурок и Кокос фальшиво горланили какую-то странную песню, состоявшую не из человеческих слов, а из нечленораздельных мычаний. В их компании были и другие, но Артур не знал их. Бросив испепеляющий взгляд в сторону Чероки, юноша прошел с подносом к повару. Ему показалось, правда довольно смутно, что наглец тихонько прошептал ему в спину:

– Как шишка? Не болит?

Артур горько усмехнулся. Вздувшийся бугор на виске, пожалуй, был одной из наименьших неприятностей, которые могли с ним приключиться. Получив скудную порцию осоковой каши с кленовым сиропом, клипсянин хотел было сесть к своим, однако Джахар прогнал его.

– Вали к Одди, братишка. Заодно и потолкуешь с ней по душам, – безапелляционно заявил он. Артур увидел, как на лицах Спайки и Чанга появились двусмысленные ухмылки. Юноша с деланным безразличием пожал плечами и направился к девушке, одиноко восседавшей за своим столом.

Оделян была одета, как парень, и манеры ее были грубыми и жесткими, однако, возможно даже помимо ее собственной воли, подобное поведение делало владычицу топей еще более женственной. С копной волнистых черных волос, строгими плотно сжатыми аккуратными розовыми губами, серьезными, немного грустными карими глазами, она смотрелась настоящей красавицей армутского толка. Деланно улыбнувшись Артуру, она спросила, не без доли любопытства и некоторого кокетства, присущего многим девушкам:

– Сам пришел, или Джахар прогнал?

– Решил разнообразить утреннее времяпрепровождение, – хмыкнул Артур, подделываясь под ее тон. Оделян сверкнула карими глазищами и улынулась, на этот раз куда более искренне. Юноша с аппетитом принялся за осоковую кашу, которая, впрочем, по вкусу отчетливо напоминала болотную тину, а Оделян, не притронувшись к тарелке, без тени смущения гладела, как ее сосед по столу поглощает завтрак.

– Ты ничего не ешь? – сказал наконец юноша, не сумев сдержать раздражения в голосе. Ему не нравилось, как Одди тарасилась на него. Впрочем, не одна только госпожа топей, но и все ребята с огромным любопытством смотрели теперь в их сторону, словно ожидая забавного театрального представления, которое вот-вот должно было разыграться в столовой.

– Вчера кое-что произошло, – строго произнесла Оделян. – Джахар считает, что ты хотел сбежать вместе с Азором и Четверкой. Это правда?

– Разве похоже, чтобы я сбежал? Как мне кажется, я сижу напротив тебя сейчас, а не пробираюсь по непролазным болотам... – буркнул Артур, впрочем, избегая прямолинейного ответа.

– А вдруг пропавшие найдутся, признаются в неудавшемся побеге и расскажут, что ты был с ними заодно? Что тогда станешь делать? Клянусь, для твоей шкуры было бы лучше правдиво поведать мне обо всем сейчас... По крайней мере, я настоятельно советую тебе избрать именно эту линию поведения. Если же мне станет известно, что ты врешь, я накажу тебя, причем довольно жестоко, несмотря на установившиеся между нами дружеские отношения. После чего у тебя уже не будет никакой защиты перед Духом Доргейма.

– То есть если кто-нибудь, например Азор, станет на меня наговаривать, ты сразу ему поверишь, мигом забыв про *нашу* дружбу? – с иронией поинтересовался Артур, с вызовом глядя на девушку. Та пожала плечами.

– Азору или Четверке, если они найдутся, я поверю. Они будут вынуждены сказать правду, чтобы Дух Доргейма не наказывал их сразу же, ведь, пытаясь убежать, они уже совершили одно серьезное преступление. А Дух, как ты знаешь, не дает второго шанса.

– Понятно, – сухо ответил клипсянин, даже не скрывая досады в голосе. Он хотел бы поинтересоваться у Оделян про те случаи, когда Азор делал вид, что совершает побег, а на самом деле вероломно обкрадывал новичков. Так ли он боялся соврать? Судя по рассказу Неприкасаемых, Азор врал направо и налево, что самое любопытное, всякий раз выходил сухим из воды. Как же ему удавалось обыграть всеведущего Духа? А может, суровая Оделян сама испытывает слабость к благообразному Азору, как знать? И всячески выгораживает его...

Оделян покровительственно положила свою мозолистую ладонь на руку Артуру и произнесла проникновенным голосом:

– Ну так что ты выбираешь? Скажешь мне правду?

– Конечно. Ты испачкалась в каше, – невозмутимо ответил клипсянин, пальцем указывая на ее щеку, на которой действительно остались следы кленового сиропа. Одди вздрогнула и очень хмуро посмотрела на своего наглого собеседника; очевидно, она просто не знала, что ответить на эту бестактную дерзость.

– Я бы не хотел опоздать на урок, ведь *Доргейм* не дает второго шанса, – иронично добавил Артур и, пока девушка не опомнилась, поспешно встал из-за стола. Он был прав; время, отведенное на завтрак, подошло к концу. Лишь Неприкасаемые имели право сидеть в столовой до бесконечности, но даже они лениво поднялись со своих мест.

Если бы Артур знал, каким сегодня будет первый урок, он бы вряд ли так спешил на него. На открытой мшистой поляне ребят уже с нетерпением поджидал господин Шандонэ, облаченный в одно лишь трико, которое настолько туго обтягивало его тучное тело, что он со стороны казался жирной колбасой в черной кожуре. На ногах у него красовались блестящие жокейские сапоги из змеиной кожи, а в руках он держал длинную крючковатую палку, с какой обычно люди ходят за грибами. Почти прямо над ним висела одинокая черная туча и секла дождем; так что по гладкому костюму преподавателя скатывалась влага, оседая где-то в недрах его глубоких сапог. С надрывом визжал ветер: здешний суровый и аскетичный край показывал скверный характер.

За спиной господина Шандонэ угрюмо возвышался темный бор с высокими разлапистыми елями, которые, будто суровые стражи, не позволяли узникам покинуть надоевшую им до дрожи тюрьму. Мрачные декорации как бы свидетельствовали о том, что в скором времени на этой одинокой мшистой поляне, выщербленной серым камнем, разыграется не менее унылое представление. Кто же населял Доргейм? Школьники или заключенные? Преступники или добропорядочные люди? Казалось, они и сами ничего о себе не ведали. Рядом с учителем, чуть дрожа своим гибким телом, стоял олененок; и такой он был неуклюжий, смешной, так доверчиво малыш прижимался к толстой ноге хозяина, что ученики невольно начинали улыбаться,

глядя на него. Животное забавно шевелило ушами и тянуло носом, словно пытаясь по запаху определить людей. Артур встал вместе с остальными напротив учителя и горестно покосился на животное; он уже сердцем почувствовал что-то нехорошее. Учитель же дождался, когда остальные соберутся, и провозгласил громко и радостно, словно возвещая о скором внеплановом пиршестве:

– Сегодня мы будем стрелять из лука.

Напряженное молчание послужило ему ответом. Юношеские лица были направлены в сторону учителя, но ни одно из них не выражало тех эмоций, которых, судя по всему, ждал господин Шандонэ.

– Что же, разве вы не любите стрелять из лука? – с наигранным удивлением поинтересовался учитель.

– Мы не видим мишени, господин, – ответил тогда Джахар за всех. Голос его дрогнул, как натянутая тетива.

Господин Шандонэ хмыкнул с явным неодобрением.

– И правда не видите?

Несколько ребят посмелее робко покачали головами.

– Как же так случилось, что у вас у всех разом отказало зрение? Разве наш школьный врач столь некомпетентен, что не смог предотвратить данное вредоносное заболевание? Между тем, вот и мишень, перед вами. Отличная, надо сказать, мишень, – с этими словами он по-хозяйски положил ладонь на голову олененку, отчего тот забавно задергал ушами, пытаясь сбросить с себя непривычную ношу.

Узники Доргейма хмуро переглядывались между собой. Задиристый Спайки, суровый и непреклонный Джахар, циничный Чанг, да и все остальные с неприкрытой жалостью смотрели на будущую жертву. Какими бы испорченными и черствыми не казались на первый взгляд обитатели колонии, тем не менее они, судя по всему, таковыми не являлись на самом деле. Так или иначе, они были вполне способны понимать ценность другой жизни, и отнимать ее просто так, потехи ради, им вовсе не хотелось. Даже Оделян смутилась, не зная, как реагировать на слова учителя. Артур догадался, что ранее ребят не заставляли оттачивать свое мастерство на живых мишенях.

Заметив всеобщую растерянность, учитель прокашлялся, а затем принялся убеждать, пуская в ход все свои ораторские уловки. Суть его речи заключалась в том, что будущим бойцам следовало бы заковать сердца в броню, дабы они не дрогнули при встрече с настоящими испытаниями. Действительно, им впоследствии предстояло воевать с живыми людьми, а не манекенами. Если они не научатся отнимать чужую жизнь теперь, немедленно, то, следует полагать, не смогут и потом. А еще учитель настаивал на мысли, что только по-настоящему храбрый человек может забрать другую жизнь; ведь одно дело отвечать только за самого себя, и совсем другое – дерзнуть распоряжаться судьбой других людей.

– Да и потом, – закончил свою речь учитель, – у вас действительно нет выбора. Вы уничтожите лишь небольшую часть (притом не самую лучшую!), а взамен спасете тысячи обреченных, которых каждый год прогоняют с дерева без средств на существование, что равносильно смертной казни. Но, к сожалению, часть может состоять из людей вполне безобидных и даже симпатичных на вид, как это животное перед вами. Не дрогнет ли у вас рука? В противном случае, вы подвергаете риску все наше предприятие, товарищей, дружбу, идею, ради которой боретесь. Этого олененка все равно ждет незавидная участь; школьные повара намереваются приготовить его на ужин. Его судьба predetermined выше, от вас же требуется лишь участие в неизбежном. Сейчас я отойду, вам же полагается взять в руки оружие. Цельтесь хорошенько – он не привязан и легко может сбежать. Проявите ловкость и мастерство, стреляйте без жалости!

Во время этой длинной и довольно абсурдной тирады Артур хмуро смотрел на говорившего; клипсянин с удовольствием исполнил бы его приказ, за тем лишь исключением, что в роли мишени он выбрал бы самого учителя. Суровые доргеймцы, кажется, были вполне солидарны с ним, ибо и в их глазах читалось отвращение и неприятие ситуации. Господин Шандонэ поискал глазами Оделян.

– Можете начинать, – предложил он ей. Девушка помедлила, но затем все-таки подняла с земли лук и выверенным движением вложила стрелу в тетиву. Мышцы на ее крепких руках вздулись, как если бы они в действительности принадлежали сильному мужчине, а не хрупкой девушке. В какой-то момент Оделян замерла и с любопытством взглянула на Артура, проверяя, следит он за ее действиями или нет. Затем девушка выпустила стрелу на свободу; взметнувшись вверх, она чуть-чуть не долетела до бедного олененка, который пока еще с любопытством наблюдал за происходящим и шевелил ушами.

– Ая-яй, Одди, – с мягким укором произнес господин Шандонэ. – Я ведь знаю, что ты отличный стрелок!

Девушка невинно пожала плечами; на губах ее появилась мимолетная лукавая улыбка, предназначавшаяся, как оказалось, вовсе не прославленному учителю, а Артуру. Очевидно, пример Одди был очень важен для других ребят; теперь каждый умелым движением брал в руки лук, с наигранной ловкостью натягивал тетиву и благополучно не попадал в цель. Кажется, спустя несколько таких удачных непопаданий учитель стал кое о чем догадываться. Он нахмурил брови, а когда клипсянин (и без того не особо отличавшийся меткостью) так же демонстративно выстрелил мимо цели, хотел было уже вмешаться и выдать очередную, слабо убедительную тираду, но возмущение его было прервано неожиданно в тот момент, когда стрела, пущенная Артуром, приземлилась возле высокой сосны и воткнулась в мокрый мох.

– Не стре-еляйте, пожалуйста! – послышался робкий блеющий писк, раздавшийся откуда-то из леса. Господин Шандонэ замолк на полуслове, так и оставшись стоять с широко разинутым ртом. Остальные с удивлением перевели взгляд от неблагоприятной гримасы учителя на источник подозрительного звука: из пролеска, размашисто шагая, вышел Азор. Артур выдохнул. Это можно было предвидеть. Ах, как жаль, что он не успел ничем помочь Жабе... Эта благочестивая мысль замерла, так и не оформившись окончательно, ибо вслед за благообразным брюнетом на свет вылез и сам Четверка.

Ребята были полностью измазаны в болотной жиже, словно им обоим пришла в голову одна и та же абсурдная мысль – принять грязевые ванны. Но погода совсем не располагала к подобным курортным процедурам, а жалкие лица беглецов выдавали такой искренний испуг, что мысль об их праздном времяпрепровождении сразу решительно отбрасывалась, и на смену ей приходили размышления совсем иного толка. Артур почувствовал, как от страха у него сжалось сердце, а ладони похолодели. Судьба его в некотором смысле зависела теперь от слов этих двоих; выдадут ли его, расскажут ли, что он тоже хотел бежать? Наверное, лицо его покрыла неестественная бледность, раз Оделян с подозрением покосилась в его сторону. Впрочем, справедливого гнева владычицы топей Артур боялся меньше всего на свете, на самом деле его страшила встреча с Духом Доргейма, или же с Тенью – если набраться смелости и называть вещи своими именами.

Беглецы нерешительно приблизились к тренирующимся и встали напротив них, как бы отдавая себя на их суд. Оба выглядели виноватыми и растерянными, казалось, они не предполагают, что делать дальше.

Оделян, оправившись от удивления, выступила вперед и грозно воззрилась на провинившихся.

– Где. Вы. Были? – с убийственной отчетливостью проговорила она в полной тишине. Азор уныло переглянулся с Жабой и сделал нерешительный шаг в сторону Оделян. Артур

отметил, что у того расцарапана щека, и с нее свисает почерневшая кожица, будто кто-то когтями драл ему лицо.

– Госпожа Лян, я бы хотел признаться кое в чем. Вернее, мы оба хотим признаться, – своим приятным звучным голосом начал незадачливый беглец. Клипсянин напрягся всем телом.

– Говори, – вполне благосклонно вымолвила Одди, чуть наклонив свою прекрасную голову. Никто не усмотрел никакого противоречия в том факте, что провинившийся обратился к девушке напрямую, а не к учителю; ведь, исходя из иерархии Доргейма, именно она была здесь главной.

Азор, запинаясь, продолжил:

– Ни для кого не загадка, что я нахожусь в Доргейме уже очень долго. Я отлично знаю здешние края и вполне привык к болотам. Еще в самом начале заточения мне пришла в голову интересная мысль – а что если попробовать извлечь некоторую выгоду из моего пребывания здесь?

– Это разве как-то относится к делу? – строго перебила его Оделян. Азор немного подумал и нехотя кивнул.

– Хорошо, продолжай.

Снова у Артура в голове мелькнуло подозрение, что девушка испытывает к Азору нечто сродни симпатии.

– И я кое-что придумал. Пользуясь своей безупречной внешностью и прекрасными манерами, я втирался в доверие к новичкам, все досконально узнавал про них и, если оказывалось, что ловкач припрятывал во время шмона ценные вещи, я предлагал ему побег. Разумеется, до тех пор, пока бы у меня не набралась кругленькая сумма, я планировал оставаться в Доргейме. Мне достаточно было заманить наивного простака на болота, забрать причитающиеся мне трофеи и оставить его погибать в топяx. Возвращался я всегда точно к завершению работ; никто и не думал начать меня подозревать. Так я проделывал несколько раз: с Бобби, Арчибальдом, Дрейком и еще кое с кем. Мне хотелось собрать денег, чтобы в конечном итоге благополучно свалить из Доргейма. Вот у Четверки я хотел стянуть золотую цепочку, которую я бы успешно сбыв в Мире чудес. Разумеется, я не собирался участвовать в освободительной войне против беруанцев, или как вы там называете ту белиберду, в которую так истово верите, – Азор резко замолчал. Казалось, он сильно устал, выдохся, но было непонятно, своя ли обличительная речь столь его утомила, либо же вынужденная ночевка посреди болот. Брюнет держался вызывающе и даже небрежно, но конвульсивно сжатые руки и дергающийся уголок рта явно свидетельствовали о плохой актерской игре.

Услышав это откровенное и, надо признаться, несколько вызывающее признание, ребята страшно заволновались. Кто-то даже выкрикнул с презрением: «у-у, гадука!», «сдохни, гад!». Да что там говорить, сама Оделян покраснела от внезапной злости и обиды; здесь надо отметить, что хозяйка топей всегда искренне доверяла Азору, считая благообразного юношу своим, в некотором роде, доверенным лицом. Даже ее ввела в заблуждение приятная внешность, обходительные манеры, невинный взгляд влажных зеленых глаз и скромная улыбка.

Азор частенько с охотой рассказывал Оделян про своих сокамерников, выдавая все их секреты. С помощью него госпожа Лян контролировала Джехара, второго вожака Доргейма. А теперь выясняется, что Азор не только ябеда, но еще и подлец? Злостный убийца и вор, а она сама потворствовала тем ужасным вещам, которые творил этот негодяй? На глазах Одди выступили слезы злости и разочарования, но Азора, казалось, мало трогало мнение других. Он нагло ощерился, как хищный волк, который, предвидев близкую гибель, скалит желтые клыки своре собак.

– Я и на сей раз захотел обдурить новичков. Четверка вот клюнул. Только мне не удалось сделать ничего путного. Мы были вынуждены вернуться.

– Ты... Раскаялся в своих поступках и поэтому решил вернуться? – очень медленно и с каким-то мрачным нажимом проговорила Оделян.

– Черта с два! – с циничной усмешкой хмыкнул Азор. – Я ни в чем не раскаиваюсь, разве только в тупости людей, готовых бездумно внимать каждому моему слову.

Артур заметил, что несмотря на излишнюю браваду, Азор конвульсивно сжимает и разжимает кулаки, из чего, вероятно, следовало, что подобная игра дается ему с превеликим трудом.

– Мы вернулись, потому что... – здесь у Азора не хватило выдержки, и он шумно выдохнул, – встретили *его*.

– Его? – тихо переспросила Оделян.

– Духа!

Ребята взволнованно ахнули. Да, про него говорили, судачили, травили байки, но никто еще не встречался с незримым властителем Доргейма лицом к лицу. Разве только Неприкасаемые, за что они, собственно, однажды и поплатились.

– Это произошло сразу после того, как я оставил Четверку на Чертовом болоте, – изменившимся голосом произнес брюнет, каким-то беззащитным жестом дотронувшись пальцем до своей щеки; очевидно, рваная рана доставляла ему немало хлопот, но при этом явно имелось кое-что пострашнее пустяковых царапин.

Оделян, да и все остальные, включая самого преподавателя, с неподдельным интересом и удивлением уставились на беглецов. Таинственный каратель Доргейма являлся скорее некой страшной фантазией отчаявшихся ребят, жуткой сказкой для подростков, но никак не реальным персонажем. Никто даже не представлял, что Дух имеет плоть и кровь, как любой нормальный человек, и его действительно можно случайно повстречать на территории школы, праздно прогуливающимся по черничным полям. Господин Шандонэ, судя по выражению его лица, вообще не был в курсе происходящего.

Взрослые, к сожалению, очень часто не придают должного внимания словам подростков, считая решительно все сказанное ими детской болтовней, лишённой смысла. Иные же, чуть более сознательные взрослые, понимают, что высказывания детей порой наполнены такой мудростью, которую им самим никогда не постичь. Кстати, именно поэтому они специально не слушают, чтобы их увеличенное до невероятных размеров самолюбие лишней раз не страдало. Преподаватели Доргейма не вмешивались в отношения своих подопечных, ибо таков был установившийся порядок в колонии. Так что господин Шандонэ молчал, с нетерпением ожидая развязки.

– Опиши его! – властно потребовала Оделян, которой, наравне со всеми остальными, не терпелось узнать, как же выглядит загадочный субъект, уже столько времени будораживший их умы. Но ко всеобщему удивлению остальных, Азор лишь обреченно опустил голову и тихо пробормотал:

– Я не могу его описать.

– Вот как? И почему же?

– Он не разрешил этого делать. Собственно, в своем рассказе я подошел к объяснению причин моей внезапной откровенности.

Узники Доргейма обступили Азора и Четверку со всех сторон: каждому хотелось первому услышать разгадку. Побег из колонии были столь редким явлением, что, несомненно, произошедшее с двумя беглецами, если выразиться метафорически, не могло не всколыхнуть застоявшуюся воду Доргеймских болот. Азор отчетливо видел, как взоры, обращенные к нему из крайне неприятельских, превращаются в жадные и любопытные, и в глазах его загорелся огонек досады.

– Дух обнаружил меня на обратной дороге к Доргейму. – Азор нервно слотнул и продолжил, справившись с собой: – Мы встретились, и он вполне доступно изложил и обосновал

ошибочность моих намерений... И пообещал, что более мне не удастся обманывать других. Он сказал, что я должен во всем признаться, чтобы вы сами решили, как меня наказать. Насчет Четверки... У него еще есть шанс. Да, он так и сказал: «Есть шанс». Конечно, Четверка не так виноват, как я. Но все же он хотел сбежать, нарушив правила, следовательно, его вы тоже должны наказать по своему усмотрению.

– Но... Дух – это человек? – воскликнул кто-то.

Азор рассеянно взглянул на толпу окружавших его людей, тех, кого он ни во что не ставил и тех, кто должен теперь решать его судьбу, и произнес с небольшой задержкой:

– Я не могу сказать вам больше позволенного.

«На самом деле Дух вовсе не человек, а Тень», – с досадой подумал Артур. Теперь ему стала предельно ясна причина, из-за которой Азор признался: Тень пообещала сделать с ним то же самое, что с Чероки и другими Неприкасаемыми, если он не скажет правду. И Азор счел, что гнев Одди все же не столь страшен и разрушителен, как воздействие Тени, что, конечно же, было вполне справедливым размышлением. Однако почему Азор при этом придал своей речи такой вызывающий и нахальный оттенок? Почему не попытался изобразить раскаяние? Будучи обманщиком по жизни, ему бы не составило труда и на сей раз немного притвориться, однако по какой-то загадочной причине ушлый Азор не захотел использовать свои умения и выставил себя с самой неприглядной и невыгодной стороны. Зачем? На этот вопрос, как и на многие другие, пока не находилось ответа.

Одди выглядела ужасно расстроенной. Казалось, ее действительно заботит происходящее в Доргейме.

– Четверка? Что ты можешь добавить? – обратилась она к человеку, про которого все на время забыли. Круглое и неказистое лицо Жабы не выражало ни единой эмоции; даже на вопрос юноша отреагировал с заметным опозданием. Впрочем, подобное поведение казалось логичным; он испытал сильный стресс и теперь находился целиком и полностью под влиянием пережитого.

– Я... Азор говорит правду, – наконец промямлил он и устоял себе под ноги.

Одеян резким движением руки поправила свою пышную черную гриву, а ее ледяной взгляд словно бы пронзил Азора насквозь. В нем читался приговор. Здесь надо отметить, что хозяйка топей по своему характеру была весьма категорична и прямолинейна. Для нее не существовало полутонов, а были только кардинально противоположные понятия. Предатель для нее всегда оставался таковым, несмотря на причины, толкнувшие его на предательство, а хороший человек, по ее мнению, и вовсе не имел права на ошибку. Она не учитывала тот фактор, что люди бывают переменчивы, словно полузеньская погода; так называемый «хороший» может за считанные секунды стать плохим и переметнуться в противоположный лагерь, равно как и наоборот, поэтому вполне логично, что, обладая таким категоричным складом характера, а также учитывая, что осужденных в дальнейшем готовили к войне, где не имелось места для ошибок, она немедленно приговорила Азора к суровому наказанию.

– Вы говорили, нам надо учиться убивать? – невинным голосом спросила она учителя. Господин Шандонэ важно кивнул головой, ибо уже предвидел скорое развлечение.

– Только... Одди, дорогая, заключенных нельзя приговаривать к смерти, – добавил он виноватым голосом. Девушка небрежно повела плечом и переглянулась с Джахаром.

– Мы не собираемся убивать его, только проучим. Ты не против, Джах? – спросила она.

Главный покачал головой. Откровенно говоря, ему было совсем не жаль провинившегося, ибо он сам уже давно подозревал, что с Азором не все так чисто. Медовые речи, ласкавшие слух, непривычно звучали в Доргейме, где ругань и сквернословие главенствовали над всеми прочими звуками, а масляный взгляд и навязчивое желание помочь новичкам крайне настораживали.

– Четверка тоже совершил серьезный проступок, – задумчиво добавила Оделян. – Но ему будет довольно карцера. Азор же виноват в смерти своих товарищей, предательстве, обмане и воровстве. Если ты думал, что подобное может сойти тебе с рук, то ты просто глупец. Видишь того оленя? Ты встанешь на его место. Каждый сможет подойти к тебе и ударить. Я считаю это справедливым возмездием, ведь ты виноват не только передо мной, но и перед всеми остальными. Своим поведением ты разгневал Духа Доргейма. Мы, конечно, не знаем, друг он или враг; но пока, судя по тому, что происходит, он все-таки на нашей стороне. После того, как каждый потренирует на тебе коронный удар, ты отправишься в карцер и будешь находиться там до тех самых пор, пока мы все не покинем Доргейм. В полной темноте и одиночестве, холоде и сырости ты проведешь часы, отведенные для наказания. Никто не придет справиться о твоём здоровье, ты ничего не будешь знать о внешнем мире. Только мрак и голые стены станут твоими вечными спутниками. Ты услышал меня?

Пока Одди произносила свою речь, застывший взгляд Азора становился будто острее и напряженнее, а на висках его выступили крупные капли пота. Очевидно, наказание показалось ему слишком суровым. Но, возможно, и поделом ему? Сколько невинных ребят он затащил в топи на верную гибель... Как бы то ни было, от бывшей бравады не осталось и следа; перед палачами стоял испуганный и оробевший мальчик, не желавший провести все свои молодые годы в заточении.

Затем Оделян взяла олененка за ошейник и потянула в сторону; счастливцев недоуменно шевелил ушами, даже не представляя себе, какой ужасной участи ему удалось избежать. Отведя животное подальше, она жестом указала Азору, куда тому следует встать.

Юноша хотел было запротестовать, а его взгляд судорожно метнулся к спасительному ельнику, но в самый последний момент, очевидно желая сохранить остатки гордости, брюнет остановил себя и на негнущихся ногах встал на место, которое ему указала безжалостная Одди. На уроке господина Шандонэ присутствовало около тридцати учеников; если хотя бы один из двух ударит в полную силу, то Азор мог и не дотянуть до карцера, на что, кстати, последний весьма надеялся.

Как отреагировали на подобную экзекуцию остальные ребята? Кто-то искренне жалел Азора, кто-то считал, что поделом ему. Но ни один при этом не усомнился в правильности выбранного наказания. Разве смогут они победить беруанцев, если среди них будут люди, прогневившие насквозь? Тогда их всех будет ждать безоговорочное поражение.

Жестокое представление началось. Ребята по очереди подходили к Азору, смотрели тому в глаза, пытаясь найти признаки раскаяния, а затем безжалостно били его. После первого удара выдержка окончательно отказала наказуемому, и он, беспорядочно топча спелую чернику своими громоздкими сапогами, кинулся было в ельник. Его тут же вернули на прежнее место и для верности связали ноги. Тогда он заскулил от страха, не помня себя. Поистине это было жалкое зрелище.

Артур с досадой отвернулся. Да, пусть Азор тысячу раз заслужил все, что с ним сейчас происходит, тем не менее, человек не должен вершить суд над себе подобными. Азор оставлял ребят погибать на болотах, а иные (считающие себя при этом весьма добропорядочными и благочестивыми людьми) убивают друг друга в мыслях. Азор подло поступал? Но разве он один такой? Разве найдется счастливцев, никогда в своей жизни не совершавший подлостей? Едва ли. Так имеет ли право один человек осуждать другого? Артур был уверен, что не имеет. И он сам не желал участвовать в этом мнимом правосудии. Поэтому, когда очередь дошла до него, он просто прошел мимо Азора, даже не глядя на него. Возможно, никто не обратил бы внимания на сей малозначимый факт; доргеймцы были слишком разгорячены предстоящей расправой, но наказуемый вдруг сам подал голос.

– Шты! Падла! – грубо прошепелявил он своим разбитым ртом, и все невольно поморщились, ибо не привыкли слышать от благовоспитанного Азора каких бы то ни было ругатель-

ных слов. – Сам планировал сбежать с нами, но в последний момент слился! Как удобно, да? Мерзкая тварь! Почему не ударил меня, а? Почему не ударил? Брезгуешь? – Азор продолжил браниться, кажется, у него начиналась истерика. Но Одди было достаточно этих первых слов бывшего подопечного, ибо она тут же перевела свой острый цепкий взгляд в сторону Артура. На ее красивом лице отразилась неподдельная ярость.

– Ты обманул меня! – прошептала он так четко и выразительно, что, несмотря на гвалт и возгласы, Артур предельно ясно услышал каждое ее слово. Юноша резко поднял голову, и взгляд его голубых глаз рассеянно пробежал по искаженному от гнева лицу Оделян. Да, он не сказал всю правду. Чтобы помочь Жабе. Артур надеялся, что, скрыв факт готовящегося побега, Четверке удалось бы избежать наказания. Возможно, тот смог бы придумать что-то вроде «заблудился после работ на болоте». Но теперь, разумеется, в этой маленькой лжи не было никакого смысла.

– Азор врет! – вдруг раздался чей-то робкий и тихий голос. Оделян огляделась, пытаясь найти источник звука. Говорил второй беглец. – Он врет, – уже более ясным и твердым голосом повторил Жаба. – Азор невзлюбил его с самого начала. А еще он несколько раз предлагал ему бежать, но Восьмерка всегда отказывался.

– Вот как? – Оделян с некоторым удивлением покосилась на Жабу. Впрочем, не только она одна. Артур тоже искренне недоумевал. Признаться, он не ждал от трусливого и забитого Жабы какого бы то ни было заступничества. Мальчик на побегушках, готовый первым отнести парашу, только чтобы его не били, теперь выгораживает его, проявляя тем самым самое настоящее благородство?

Артур посмотрел на Жабу, а когда их глаза встретились, на губах того показалась едва заметная слабая улыбка. Дружеская улыбка. Клипсянин с облегчением выдохнул. Признаться, он уже было подумал, что его ждет такая же незавидная участь, как и Азора. Значит здесь, в этом темном и мрачном месте, где даже деревьям нельзя доверять, у него все-таки есть друг! Такое, казалось бы, короткое и невзрачное слово, которое заключает в себе бесконечно много. А еще Артур лишний раз убедился в том, насколько ошибочным может стать первое впечатление о человеке. Ты вроде смотришь на его осанку и манеру одеваться, слушаешь речь, анализируешь поведение, и тебя посещает нелепое заблуждение, будто ты досконально изучил его вдоль и поперек и способен даже предсказать все его дальнейшие действия. Но это, конечно, неправда. Первое впечатление может оказаться весьма и весьма обманчивым.

Азор сперва выглядел самым положительным и честным человеком среди всего доргеймского сброда, а на деле оказался беспринципным убийцей. Джахар представлялся самым решительным, храбрым и справедливым, но (только сейчас Артур стал об этом догадываться) в действительности являлся трусом, боявшимся Оделян до дрожи. С чего Артур так решил? Очень просто: во-первых, он вспомнил диалоги между главным и Азором, когда последний пытался шантажировать вожака упоминаниями об Оделян. Кстати, вероятно, именно из-за страха перед Одди Джахар не решился напрямую предупредить Артура о недобросовестности Азора. Наверняка ведь главный догадывался, что с его соседом по камере не все так просто, но он тем не менее не предупредил Артура и Жабу, испугавшись, что Азор, если узнает, настучит на него Оделян. Таким образом, смельчак оказался трусом. А сам Четверка? Парень, которого Джахар небрежно называл «мусором»? Забитый и вечно испуганный, он тем не менее нашел в себе смелости вступить сейчас за Артура.

И не только это. Внимательный клипсянин заметил, что, когда подошла очередь Жабы ударить Азора, тот не стал этого делать, последовав примеру Артура. Он тоже просто прошел мимо, не подняв руки на уже основательно избитого беднягу, не соглашаясь с мнением большинства и проявляя тем самым благородную смелость и милосердие.

Азор лежал на земле, втоптаный чужими сапогами в мокрый мох и грязь; у него уже не было сил подниматься на колени и молить о пощаде, он просто тихо поскуливал в такт новым ударам. Впрочем, Оделян и сама сжалась над ним.

– Забери его, Джах. Отнесите в зиндан, – не глядя на беспомощно распластавшегося на земле юношу, приказала Одди. Но в тот самый момент, когда сильные руки вожака подняли Азора, тот, оттолкнув Джахара от себя, бросился в ноги Оделян.

– Прошу, госпожа, не оставляй меня там одного! – взмолился приговоренный каким-то диким, прерывающимся голосом. Грудь его душили рыдания, на нем не осталось живого места, но он жадно цеплялся окровавленными руками за брюки Одди, оставляя на них красные отметины. – Я обещаю, клянусь, что больше не совершу ничего дурного! Только не там, только не в темнице! Дух придет за мной! – и опять эти истеричные подвывания. Но Оделян была непреклонна в своих решениях. Ее сложно было разжалобить, а в особенности, когда речь шла о благополучии ее питомцев.

– Прости, Азор. Я не могу больше никем рисковать, – твердо сказала девушка, сжав зубы. За свою пока еще недолгую жизнь Оделян пришлось сталкиваться с такой чудовищной жестокостью, что ее собственное сердце уже давно оделось в броню и было глухо к чужим страданиям.

Джахар и Единица подхватили рыдающего Азора и поволокли в сторону казарм. Четверке приказали идти следом; ведь второму беглецу тоже грозил карцер. Когда незадачливый беглец проходил мимо Артура, то незаметно коснулся пальцами его ладони. От этого на первый взгляд простого и обычного жеста у клипсянина потеплело на душе. Среди всего сонма враждебно настроенных незнакомцев у него теперь появился друг, сообщник, напарник, которому (как юноше хотелось надеяться) можно доверять.

Неприятный урок наконец-то закончился, о чем ребят не замедлил оповестить господин Шандонэ. До следующего занятия оставалось около десяти минут, но узников нагрузили внеплановой работой, чтобы они не слонялись без дела, а именно – сбором черники. Вздурораженные доргеймцы расходились по поляне; мыслями они витали в прошлом, и все думали, как же Азору удавалось так ловко всех провести? Столько жертв на его совести, и никто, решительно никто не догадывался о происходящем.

Артур наклонился к раскидистому кусту, заманчиво блестящему сочными черными ягодами, как вдруг его окликнула дотошная Одди, которая, казалось, повсюду следовала за ним по пятам.

– Что это такое? – растерянно спросила она, подобрав что-то в траве. Артур покосился на ее ладонь: на ней лежал подарок Тода, красивый рогатый жук.

– Это мое. Выпало, когда я наклонялся, – рассеянно пробормотал Артур. Юноша хотел было еще что-то сказать, но земля неожиданно оказалась ближе к нему, чем он смог рассчитать. Бессметные кусты черники окрасили все пространство вокруг в черный цвет, и у него тоже потемнело глазах.

Глава 6. Одни убеждались словами его, а другие не верили

Возвращение к реальности было куда более неприятным, чем в предыдущий раз.

«Еще немного, и это войдет у меня в привычку...» – мрачно подумал Артур, пытаясь разлепить глаза. Голова раскалывалась еще сильнее, чем прежде; скверный Доргейм явно не шел юноше на пользу. Предметы возникали по очереди, подобно неким ярким вспышкам: вылинявший плед на кровати, отвратительно пахнувший дегтярным мылом, ключья седой пакли между крупных бревен, мухобойка у стола, фиолетовая скатерть, большая белая печь на половину комнаты, кресло с колючими подушками из спрессованного сена. Парило, как в хорошо натопленной бане и повсюду раздавались ароматы сушеной травы. Видно было, что дом принадлежал особе женского пола: слишком опрятный и чистый вид, слишком приятно пахло и слишком много недоделанного, либо же сломанного. Крупные капли дождя просачивались сквозь прохудившуюся крышу и невероятно громко стучали по полу, барабанной дробью отдаваясь у юноши в голове. А он сам полулежал на полу со связанными за спиной руками, словно ненужный мешок с картошкой. На виске его запеклась кровь; наверное, удар и впрямь оказался нештучным. Напротив него в кресле, подобно судье, восседала Оделян и пристально всматривалась в его черты. Артур поморщился: от этого назойливого внимания к своей персоне у него вновь случился сильнейший приступ головной боли.

– Зачем ты ударила меня? – с глухим раздражением поинтересовался он, желая прервать затянувшееся молчание.

– Ты что... Мой брат? – обвиняющим тоном спросила тогда хозяйка топей, насупив густые брови. Артур недоуменно покосился на девушку, а потом вдруг его озарило полное понимание ситуации. Он догадался, что Оделян, увидев того самого злополучного жука – подарок Тода, вспомнила его и подумала, что Артур приходится ей братом. Сразу во всех красках всплыл разговор с Тодом в Тимпатру, когда тот рассказал ему про реликтового дровосека и про то, как они вместе с Оюной ухаживали за жуком, как за своим питомцем. Несмотря на свое плачевное состояние, Артуру стало весело.

– К счастью, нет, – язвительно сказал он, не сумев сдержать насмешливой улыбки. – Надеюсь, за этот ответ я не получу очередной удар по голове?

– Я еще не решила, – сквозь зубы пробормотала Одди. – Но ты ответишь на все мои вопросы, причем ответишь честно, в противном случае – я за себя не ручаюсь.

– Тогда, может, развяжешь меня? – невинным голосом предложил Артур. – Вести беседы в таком положении, видишь ли, не очень-то удобно.

– Твое удобство меня заботит сейчас в последнюю очередь!

– Понимаю, именно поэтому я сам тебе это предложил.

– Ты слишком наглый, беруанец, и не умеешь держать язык за зубами!

– Я вовсе не беруанец, Одди. Я из Клипса.

Оделян порывисто вскочила на ноги; создавалось впечатление, что она до конца не понимает, следует ли ей доверять пленнику. Как говорят мудрые люди, «обжегшись на молоке, дуют на воду» – так и Одди, подпустив слишком близко к себе коварного Азора, не хотела вновь повторять ошибок. Лицо девушки было очень подвижным; казалось, каждая его часть живет своей жизнью: изящный нос трепетал от волнения, будто парус на ветру, глубокие карие глаза то прищуривались, то широко раскрывались, губы слегка дрожали от волнения.

Наконец хозяйка топей пришла к какому-то разумному заключению и, решительно шагнув в сторону юноши, ножом перерезала путы на его руках. Клипсянин с облегчением вздох-

нул и попробовал подняться на ноги, но его зашатало, и он неловко плюхнулся на кровать, покрытую настиллом из сена.

– Что с тобой? – ворчливо поинтересовалась Оделян.

– Странный вопрос, – хмыкнул юноша. – У тебя обычно бывает другая реакция, когда тебя бьют по голове?

– Меня здесь слишком уважают, чтобы бить.

– Повезло тебе. Это твоя комната?

– Да, моя. Папаша Мильхольд разрешил мне здесь жить.

– Неплохо. Лучше, чем казармы.

– Я не совершала ничего противозаконного, в отличие от некоторых.

– Не поверишь, но я тоже, Одди.

– Бунтарь, а как твое настоящее имя?

– Что это ты вдруг заинтересовалась? Я думал, в Доргейме никого не волнуют настоящие имена.

Оделян пожала плечами.

– Да, это не так важно, ведь не имя красит человека, а наоборот. Но мне бы хотелось узнать твое.

– Артур.

– А теперь скажи мне, Артур, откуда у тебя эта вещица? – Оделян показала юноше сушеного жука, уже основательно помятого и потрепанного. У бедняги оторвались передние лапки.

– Подарок. Мне его подарили.

– И кто же?

– Полагаю, твой брат, – совершенно серьезным голосом вымолвил Артур, устремив свой честный и открытый взгляд на Оделян. Девушка резко вздрогнула, словно дотронувшись до раскаленного камня.

– Расскажи мне все. Пожалуйста, – с мучительной запинкой проговорила она. Тогда Артур подробно описал ей свое знакомство с Тодом, Троссард-Холл, а также поведал об истинной мечте брата отыскать потерянную сестру. Одди не прерывала его, а, напротив, слушала так внимательно и прилежно, что, если присмотреться, можно было увидеть, что она, подобно дикому зверю, чуть ведет ушами, как бы еще сильнее вслушиваясь в сказанное. Когда Артур, наконец, закончил и посмотрел на Одди, то увидел, что у той в глазах стоит пелена слез.

– Мне хочется верить тебе, Артур, так хочется! – с щемящей тоской проговорила она, наконец. – Значит, мой брат пытался меня найти? И родители тоже... Я не была нежеланным ребенком? Ах, как же я ошибалась все время! Я ведь думала, что они специально избавились от меня! Но как же радостно, что мы встретились здесь с тобой! А где же мой брат, где Тод? – Оделян подбежала к Артуру и, сев рядом с ним, в нетерпении встряхнула волосами, как ребенок, требующий внимания.

У юноши в голове возник образ Тода, его прямая осанка, задиристая и чуть самодовольная усмешка, откровенный наглый взгляд и привычка франтоватым движением руки откидывать назад свои кудри. Удивительно, но Одди внешне совсем не походила на брата. Скорее Киль в образе Лики и то представлялся более подходящим кандидатом на роль сестры заносчивого беруанца. Как удивительно порой происходит в жизни: Тод всем сердцем стремился отыскать сестру, даже бросил учебу в самой престижной школе Королевства, проделал ради достижения желаемой цели огромное и весьма рискованное путешествие по морю, сквозь гиблые пески Тимпатру и затхлые крысиные подземелья Раторберга, но вместо этого девушку повстречал он, Артур, не то его друг, не то враг, не то соперник, причем повстречал совершенно случайно. Впрочем, разве происходит что-то в нашем мире просто так, ненамеренно, как бы невзначай, или же за всеми событиями стоит совокупность чьих-то волеизъявлений и вполне осознанных действий? Клипсянин больше склонялся ко второму.

– Он живет в Беру. Мы с ним немного... повздорили в нашу последнюю встречу, – уклончиво ответил Артур, сразу же вспомнив фиглярский суд, унижительные показания обвиняющей стороны, а также последующее подлое предательство Тода.

– Но вы же друзья, разве нет? – немного по-детски поинтересовалась Одди, как будто это могло разрешить все их с Тодом недопонимания. Тогда Артур понял, что должен рассказать Оделян чуть больше. Ему следует поведать о Тенях, естествознателях, единорогах и прочих вещах, которые необходимо знать, особенно учитывая темные дела, происходящие в Доргейме.

– Я должен еще кое-что тебе рассказать, – интригуяще заявил Артур. – И тогда ты поймешь, что все эти идеи о необходимости воевать с беруанцами придуманы кем-то и умело навязаны вам. Сознанием доргеймцев весьма ловко манипулируют, хоть мне пока и не совсем понятно, с какой целью. Вернее, об одной я догадываюсь. Ты хочешь меня послушать?

– Разумеется, – живо откликнулась Одди. – Я уже начала верить твоим словам, так неужели я не дослушаю до конца! Кстати, прости меня. За то, что ударила. Просто я так разозлилась! Мне показалось, ты с самого начала был неискренен со мной. Я было подумала, что ты мой брат, отказавшийся от меня в детстве.

Артур хотел сесть поудобнее, но резь в правом виске была такой сильной, что он невольно зажмурился и закусил губу.

Оделян с беспокойством посмотрела на красивого юношу.

– Болит, да? Наверное, лучше поскорее отвезти тебя к врачу. У нас еще будет полно времени, чтобы поговорить. Но пока мы не расстались, мне важно прояснить один момент. Я уже предлагала тебе однажды свою дружбу, но, боюсь, ты не слишком серьезно отнесся к моим словам. Надеюсь, теперь, когда выяснилось, что я сестра твоего лучшего друга, ты станешь больше мне доверять.

Артур пожал плечами. Нельзя было сказать, чтобы он с подозрением относился к Оделян или имел что-то непосредственно против нее. Но он не доверял Тени, которая, по сути, могла быть в каждом из них.

– Обещай, что ты расскажешь мне все, что знаешь. От этого зависит благополучие обитателей Доргейма, – серьезно попросила Оделян, в упор глядя на Артура своими большими глазами.

– Да, разумеется, расскажу, – рассеянно ответил Артур, с досадой потирая висок. Боль все усиливалась, так что юноша вовсе не был против незамедлительной встречи с врачом, ибо голова его действительно раскалывалась на части. Тем более Артуру хотелось поговорить с господином Тукаем по душам и прояснить для себя кое-какие детали. Кто он такой и какую роль играет в жизни Доргейма? Какие цели преследует в конечном итоге? И самое главное, откуда таинственный врач из этого удаленного и затерянного среди болот края его знает?

– Джехар отвезет тебя. Я могла бы послать кого-то еще, но лучше все-таки Дджеха. Надеюсь, он уже закончил с Азором.

– Он не оправится от побоев, если его не полечить, – сказал тогда Артур, вспомнив, во что превратился Азор после жестокой экзекуции. Оделян передернула плечами и с удивлением покосилась на собеседника.

– Разве он не заслуживает подобной участи? Собаке собачья смерть.

– Он не собака, Одди, а человек, – тихо возразил Артур, нахмурившись.

– Ладно, хоть ты и близкий друг моего брата, но все же еще пока не главный Доргейма. Поэтому предоставь мне самой вершить суд. Пойдем, вернемся в казармы, Джехар проводит тебя к нашему врачу.

Артур подчинился, и спустя какое-то время он вновь стоял перед черным входом в мрачную пещеру отшельника.

Сегодня остров не выглядел столь тоскливым и безнадежным, как в прошлый раз. Поистине вещи таковы, каковы они есть, и лишь наша фантазия и богатое воображение придают им

разную окраску. Теперь Артур видел величавые каменные уступы, гладкие, словно отполированные искусным мастером, пушистый бело-зеленый ягель, шерстяным пледом заботливо укрывавший землю, кряжистые сосны, распространяющие вокруг себя чарующий аромат хвои. И пресное озеро, омывающее здешние крутые берега, казалось настоящим морем, бескрайним и манящим, сулившим удивительные путешествия и необыкновенные открытия. Пышные, точно взбитые белки, облака кокетливо гляделись в спокойную воду, безмолвие царило повсюду и в каждом изгибе берега, в каждом камне присутствовала легкая иллюзия спокойствия, тишины и умиротворения.

Суровый нрав здешней погоды лицемерно маскировался отсутствием ветра и волн. Берега острова были разными, и ни один уступ не повторял другой. Где-то угловатые камни с розовым отливом спускались к пляжу с таким белым песком, что при взгляде на него появлялась болезненная резь в глазах. Где-то просматривались резкие скалистые обрывы, свалившись с которых весьма вероятно было сломать себе шею. Казалось, будто остров отшельника зиждется на каменном пьедестале, выступающем из воды. Крикливые чайки беспечно парили над озером; они не ведали страха и не боялись сорваться вниз.

Перед тем как зайти в пещеру, Артур невольно замер, любуясь открывшимся пейзажем – Доргейм был поистине удивительным водным краем тысячи озер и островов, болот и непроходимых топей.

– Давай, Бунтарь, не задерживайся, – сухо поторопил его Джехар. А потом, когда Артур уже собрался идти, добавил:

– Скажи мне, с чего это ты вдруг так сошелся с Одди?

Юноша рассеянно пожал плечами. *Потому что она оказалась сестрой Тода.* Но можно ли было об этом рассказывать Джехару?

– Не понимаю. Раньше она никого особенно не выделяла, – озабоченным голосом продолжил свою мысль Джехар, и к Артуру вдруг впервые пришло понимание того факта, что главарь на самом деле страшно ревнует девушку ко всем остальным.

Клипсянин поспешно скрылся в пещере. В этот раз в приемной господина Тукая никого не оказалось. Впрочем, огонь все же слабо тлел в жаровне, а над очагом заманчиво булькала жирная похлебка. Артур с интересом осмотрелся. Каким должно было выглядеть жилище человека-одиночки, который сам сознательно ушел от людей и добровольно заперся в пещере? Врач, не желающий никого видеть – не звучит ли это, как оксюморон? С другой стороны, не много ли среди нас подобных оригиналов, называющих себя одними словами, а по сути являющимися совершенно другими?

Комната господина Тукая чем-то походила на своего хозяина: то есть она выглядела суровой, дикой, неприступной, как обрывистый кряж, и совершенно нелюдимой. Каждая деталь здесь должна была отталкивать случайных посетителей, но никак не привлекать. Темные своды пещеры нависали и давили, полумрак и сырость вызывали неудобство, отсутствие нормальной человеческой мебели рождало желание поскорее уйти. Два древних побитых весла одиноко стояли у стенки, а дальше перед очагом возвышался грубо сколоченный деревянный стол с самой неприятельной кухонной утварью, длинный, вытянутый и похожий чем-то на операционный. На нем лежала сырая рыба; пуская копоть, горел светильник в виде зеленой бутылки из-под эля, а также красовались устрашающие тесаки разных размеров и форм, словно основной специализацией врача были хирургические операции. Неужели кто из студентов в здравом уме и памяти захочет по собственной воле тут оказаться и мило побеседовать с хозяином мрачного логова? Эта мысль сама по себе казалась абсурдной.

Неожиданно на полу появилась длинная черная тень; так бесшумно вошел в пещеру господин Тукай, что создавалось ощущение будто он и не входил вовсе, а влетел, возник, неожиданно материализовался в пространстве. Тихий сухой смешок оповестил о его прибытии, а черная тень заколыхалась, будто в припадке.

– Снова ты? Что на этот раз? Второе колено? – довольно грубо и бесцеремонно поинтересовался врач. Впрочем, Артуру и не пришлось отвечать, потому что в один шаг преодолев расстояние между ними, господин Тукай устремил взгляд на его голову. – У тебя кровь запеклась на виске. Опять вы, парни, что-то не поделили между собой? – с издевкой поинтересовался он, словно бы прощупывая гостя со всех сторон своими пронизательными серыми глазами. – Шишка есть, может, даже небольшое сотрясение. У тебя не кружится голова?

– Немного.

– Очень скверно.

– Думаю, вам эта задача не покажется сложной, ведь вы естествознатель, – довольно смело и откровенно заявил Артур. Он решил играть в открытую. Хозяин пещеры резко рванул юношу к себе, словно желая вытрясти из него душу.

– Что ты там мелешь? – грубо поинтересовался он.

– То, что не надо меня трясти с такой силой, если не хотите усугубить мое сотрясение, – ровным голосом ответил Артур, пытаясь вырваться из сильной хватки негостеприимного хозяина.

– Я бы скормил тебя акулам за дерзость, парень.

– Давайте ограничимся моим выздоровлением?

Мужчина тяжело вздохнул и открыл было рот, чтобы что-то сказать, но неожиданно принюхался.

– Похлебка готова, – произнес он самым мирным и естественным тоном. Затем мужчина отпустил Артура, шагнул к чану и, погрузив в кипящую воду указательный палец с длинным черным ногтем, немного повозил им внутри, после чего сунул его себе в рот и, причмокнув, довольно улыбнулся. Само по себе это дикое зрелище выглядело странно и жутко, а тем паче в совокупности с мрачной обстановкой пещеры.

– Тебе не предлагаю, у вас ведь свое питание, особое, – с ехидной улыбочкой заявил хозяин. Артур, в общем-то, не возражал.

– Сотрясение не лечится так легко, я пропишу тебе кое-какие лекарства на случай головокружения. Как тебя, бишь, звать, я забыл?

– Артур.

Мужчина замер, так и не донеся половник с супом до своих губ.

– Я так и думал, – наконец изрек он спустя минуту молчания. Затем, вспомнив, что в воздухе все еще висит ложка с похлебкой, он все-таки опустил ее в свой рот и снова причмокнул от удовольствия. – Отличная стряпня. Мясо чайки со сливками, между прочим. Сегодня утром подстрелил, – зачем-то сообщил он.

– Значит, вы меня знаете? – удивился Артур.

– Да, парень, и очень даже хорошо.

– Но я вас не знаю.

– Это уже твои проблемы.

– И кто же вы?

– Близкий знакомый твоего отца, если вкратце.

– А если поподробнее?

Мужчина добродушно рассмеялся.

– Ну и дерзкий же ты отрок! Был бы я на месте твоего отца, порол бы денно и ночью.

Артур с нескрываемым презрением покосился на беловолосого мужчину, но ничего не сказал. Господин Тукай вызывал в нем острую антипатию, хоть юноша и не мог объяснить, чем это чувство было вызвано: грубыми манерами, излишне порывистыми движениями, или этими неестественно белыми, как у альбатроса, волосами. Но как же это глупо и поверхностно, в самом деле, если он смог искренне невзлюбить человека только из-за таких, в сущности, мелочей.

– Вот и правильно, молчи, особенно в Доргейме, если жизнь тебе дорога.

– Как ваше имя?

– Тебе я могу сказать, однако сомневаюсь, что ты слышал обо мне. Хотя, может, старина Ирионус и поведал тебе что-нибудь... Доланд. Вот мое имя.

Артур потерял дар речи и только с нескрываемым удивлением смотрел на беловолосого мужчину. Как такое возможно? Доланд пал, сражаясь с Дантросом, слугой Сури. Он героически погиб, защищая Ирионуса. Тот самый, кого Инк, увы, так и не дождался.

– Что глазищи вытаращил? – засмеялся господин Тукай.

– Но ведь вы, то есть Доланд, умер! Мне отлично это известно! – запальчиво возразил Артур.

Мужчина захохотал еще сильнее.

– Вот как? Ему известно! А ты там присутствовал лично, господин всезнайка?

– Да... То есть нет, но я точно знаю.

– Вот она, юношеская самоуверенность. А что еще ты знаешь?

– Дантрос убил Доланда – тот умер, защищая Ирионуса и меня.

– Опять двадцать пять. Но я-то жив. И сижу перед тобой. Этого доказательства тебе недостаточно? Не думал, что у старины Ирионуса такой упрямый сынок.

Клипсянин с досадой взглянул в серые насмешливые глаза, чуть вытянутое лицо, пытаюсь найти сходство с Инком, но безрезультатно. Разве что волосы у Инка были похожего оттенка, но все же чуть темнее.

– Тогда, может, объясните мне, что вы тут делаете? Почему никого не уведомили, что остались в живых? Почему не известили Ирионуса, свою жену, Инка, наконец? – обвиняющим тоном воскликнул Артур, невольно повышая голос. Мужчина тяжелым взглядом вперился в юношу; на его лице уже не было ни тени улыбки.

– Полегче, парень, – угрожающе процедил он. – Если не хочешь получить еще одно сотрясение.

Артур резко вскинул голову; он уже и думать забыл про головную боль. Всем его существом постепенно завладел неуправляемый гнев, и вспыльчивый клипсянин уже не мог контролировать себя в полной мере. Ему вдруг стало ужасно обидно за друга; достаточно было вспомнить, как Инк всю жизнь страдал из-за отсутствия отца, а потом трагически погиб, искренне полагая, что совершает подвиг, достойный памяти своего родителя, а этот самый отец, оказывается, все время скрывался на острове, никак не давая о себе знать! Разве так поступил бы любящий родитель? Разве так поступили бы Левруда, Ирионус, его мать? Страшная боль, вызванная потерей друга, затуманила юноше разум, и ему не пришло в голову, что как раз таки Ирионус тоже не мог открыться своему сыну до поры до времени, ибо на то действительно имелись причины.

– Так, может, вам, как заботливому папаше, будет интересно узнать, что случилось с вашей семьей, пока вы тут прохлаждаетесь на этом острове? Может, захотите все-таки услышать о судьбе своего сына из моих уст? – звонкий обличающий голос Артура неестественно громко звучал в пещере, эхом отдаваясь в ее сводах. Жестокая оплеуха откинула его на каменный пол, заставив тут же прикусить язык.

– Успокоился? – насмешливо и совершенно спокойно поинтересовался господин Тукай, свысока взирая на коленопреклоненного юношу, с досадой потирающего ушибленную голову. – Если да, то садись в кресло, и мы потолкуем с тобой обо всем. Право же, Ирионус разбаловал тебя и, судя по всему, не научил разговаривать со старшими.

– Вы ударили меня, и я...

– Да. И ударю еще раз, поверь, парень. Я не особо-то дружу с политесом. Живу в пещере уже довольно давно и, видишь ли, порядком огрубел из-за отсутствия человеческого общества.

И если какой-то наглый мальчишка проявляет ко мне неуважение, я готов показать ему его место.

– Уважение надо заслужить!

– Я его заслужил тогда, когда спас тебя и твоего отца, рискуя собой! Поэтому хватит скулить и выслушай меня.

Артур, пошатываясь, поднялся на ноги. В ушах гудело, а перед глазами все плыло, как если бы они долгое время находились на неустойчивой палубе корабля в открытом море. Последние дни были слишком тяжелыми во всех смыслах; только сейчас юноша вдруг понял, насколько сильно устал от пережитого. Как бы ему хотелось оказаться сейчас с друзьями! Преданными людьми, совершенно однозначными для него, которых не надо было разгадывать подобно сложному ребусу. Он бы, наверное, отдал все на свете за одно, пусть даже мимолетное свидание с Дианой. Вероятно, в его потемневших от грусти голубых глазах отразилась безысходная тоска, потому что взгляд беловолосого мужчины неожиданно потеплел.

– Ну, ну, – сказал он неловко. – Я совершенный дикарь, признаю. Но и ты, парень, уж больно языкастый.

Щека юноши сильно покраснела – следствие незаслуженного удара, но при этом вся его ярость улетучилась, как дым. Покачнувшись, он сел в любезно предложенное ему кресло и поднял глаза на хозяина дома.

– Вот видишь, все недопонимания можно решить мирным образом, без воплей, от которых у меня несварение желудка, – дружелюбно заметил Доланд. – Я знаю, что должен объясниться. Мы с твоим отцом были очень близки. И да, я находился с ним в момент трагедии. Наверное, ты уже знаешь о том, как погибла твоя мать.

Да. Он знал об этом.

– В городишке под названием Делия на нас с Ирионусом неожиданно напал неизвестный. И нам пришлось защищаться. Я помог твоему отцу переместиться, а сам остался, надеясь задержать неприятеля. Враг, кажется, являлся естествознателем, хоть и наделенным какими-то странными способностями, мне недоступными. Помимо этого, с ним были помощники – жуткие твари, не то гигантские пауки, не то скорпионы. Но я, без ложной скромности замечу, могущественный естествознатель, потому и выжил, несмотря на многочисленные ранения. Целую ночь провалился без сознания, пока добрые люди не подобрали и не вывели меня. Моя сила позволила исцелить себя до конца. Что потом мне следовало делать? Увидев, какое несчастье поразило семью Ирионуса, я задумался. А что если враг (я тогда подумал, что это происки Вингардио) уничтожает всех естествознателей? В таком случае моя собственная семья оказалась в зоне риска. Но жена моя не была естествознателем, поэтому я решил просто исчезнуть, убежать, чтобы сохранить их жизни. Я пошел на этот серьезный шаг, потому что знал наверняка: я не смог бы перенести потерю, подобную той, что случилась с моим другом в ужасную безлунную ночь в Делии. Мне казалось, я смогу уберечь свою семью, только навсегда исчезнув, вычеркнув все, связанное с естествознательством, из их жизни. И это решение, как ты понимаешь, далось мне с огромным трудом. Даже теперь, спустя столько лет, я стараюсь не помышлять о семье в своем разуме, чтобы не страдать слишком сильно... Ну так что, ты меня осуждаешь, парень? Считаешь сбежавшим трусом или жестоким злодеем, оставившим близких? – голос естествознателя звучал глухо и надрывно, как будто раздавался из-под толщи воды.

Артур устало прикрыл глаза; опять возникла эта ужасная резь в голове, как будто слова господина Тукая острой пилой входили в его воспаленное сознание.

– Я не имею права вас осуждать, простите меня, – немного подумав, тихо ответил он.

– Да и ты не серчай. Я тоже не имел никакого права тебя бить. Просто мне было больно слышать столь обвиняющие слова из уст сына моего друга. – С этими словами мужчина осторожно взял юношу за руку, и тот почувствовал блаженное облегчение: мучительная боль уходила прочь, а вместе с ней – усталость, раздражение, гнев и страх. Хотя через какое-то время,

как только все негативные эмоции покинули его сознание, юноша почувствовал неприятное опустошение. Как будто на душе не хватало чего-то важного.

– Я еще не ответил на все твои вопросы. Ты говоришь, что я тут делаю? Слушай же. Ты наверняка знаешь, что мы с твоим отцом и остальными естествознателями искали один очень важный свиток, дарующий и забирающий силу одновременно. Я подумал, что Вингардио или его приспешники ведут охоту на естествознателей именно затем, чтобы заполучить «Последнее слово единорогов». Вероятно, ему стало известно, что мы ищем этот артефакт, и, (как я подозреваю), скорее всего враг полагал, что свиток уже у нас. Впрочем, потом я узнал, что Вингардио пропал бесследно, стало быть, вовсе не он стоял за всеми трагичными событиями, произошедшими в Делии. Кто же мог оказаться этим бесчеловечным господином, отправившим на смерть жену одного из самых влиятельных естествознателей своего времени, Ирионуса? И главное, зачем? Я думаю, интерес его был связан с «Последним словом единорогов». Кто-то знал, что мы ищем свиток, и решил, что мы его уже нашли. Здесь возможны различные варианты. Если это Тень, то свиток ей нужен был по нескольким причинам: во-первых, она хотела, чтобы все оставшиеся естествознатели потеряли силу, а во-вторых, она сама заполучила бы некоторые естествознательские способности. Если свиток искал другой естествознатель, вероятно, он думал избавиться от конкурентов за власть. Если же за всем происходящим стоял простой человек... Возможно, он сам захотел обрести естествознательскую силу, не прилагая к этому никаких усилий. Как видишь, предположений великое множество, но какое из них наиболее верное, я не знаю. И потом, все перечисленные мною версии упираются в злополучный свиток, будь он трижды неладен, который, если я не ошибаюсь, пока так никто и не нашел. Поэтому после того, как мы расстались с Ирионусом, я продолжил работу по поискам артефакта. Ведь если бы я его отыскал и уничтожил – исчезла бы сама угроза для меня, моей семьи и других, оставшихся в живых естествознателей. Поэтому именно в дальнейших поисках я видел смысл своей жизни. Я не имел понятия, где он может быть. В библиотеке Воронеса его не оказалось. Где еще было искать? Я много читал, изучал записи первых естествознателей и в конечном итоге обнаружил весьма интересный факт: оказывается, «Последнее слово» сможет обрести только человек, обладающий чистым сердцем и бескорыстными намерениями, а также при условии, что он сам добровольно откажется от естествознательства. Только такому человеку откроется свиток. Это своеобразная защита, придуманная единорогами против тех, кто захотел бы использовать «Слово...» в своих корыстных целях. И тогда я догадался, почему никто из нас так и не смог обнаружить свиток. Мы уже были естествознателями, а артефакт открывался лишь тому, кто потерял силу и не захотел возвращать ее вновь. Таким образом, получается, чтобы найти свиток, мне нужно перестать быть естествознателем, что (как это ни парадоксально) без самого свитка невозможно! Замкнутый круг. Поэтому в какой-то момент я оставил бессмысленное занятие по поиску «Последнего слова», решив сменить данный вид деятельности на нечто более полезное. Не думай, что я оставил своих близких совсем без присмотра. Долгое время я наблюдал за семьей, равно как и за Ирионусом. Я знал, что ему пришлось оставить тебя в Клипсе. Понял я также, что кто-то ищет тебя, отправляя белых единорогов за мальчиками, похожими на тебя внешне. Меня заинтересовала данная история, так как я посчитал, что она должна была вывести на нашего общего врага. Тогда я стал следить за похищенными мальчиками. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что все они, один за другим, оказываются в Доргейме! Их приносили сюда и бросали, безжалостно оторвав от семьи и родного города. Эти мальчишки были из разных краев нашего обширного Королевства, но все они, как один, являлись точной твоей копией. По крайней мере, в детском возрасте. И я понял, что если хочу разгадать загадку смерти твоей матери Иоанты, то должен обосноваться в Доргейме, следя за всем происходящим, чтобы, по возможности, успеть вторгнуться в планы неприятеля и помешать ему. Собственно, я занимаюсь этим и по сей день. В стенах Доргейма обитает Тень. Этот факт даже не подвергается сомнению. Она руководит всеми процессами,

происходящими в колонии. Но я не знал об этом с самого начала. Впервые я столкнулся с ее проявлениями в тот момент, когда ко мне на лечение привели мальчика, полностью потерявшего разум. Я тогда смутно понимал, как ему помочь, но моя сила естествознателя подсказала способ исцеления пострадавшего. Что же, дело было сделано, но нельзя было допустить, чтобы Тень догадалась о том, что у нее под боком существует естествознатель. Так около меня постепенно сложился круг сообщников, или же тех, кто когда-либо пострадал от злых воздействий врага. Так называемые Неприкасаемые. Это мои уши и глаза в Доргейме. С их помощью однажды я обнаружу Тень и непременно уничтожу ее, отомстив за все зло, что она причинила естествознателям, а в особенности – моему дорогому другу. Про свиток я уже даже не помышляю, но подозреваю, что враг все еще ищет его.

– Я понял теперь, почему Инк возлагал на меня такие надежды, – тихо, скорее для самого себя пробормотал Артур. – Он верил, что именно я найду свиток! Ведь я потерял свои способности в пещере, а потом добровольно отказался от них, следовательно, свиток должен открыться мне, если я случайно повстречаю его на своем пути!

– Вот как? – с живым интересом воскликнул господин Тукай. Серые глаза его загадочно блеснули в полумраке. – Может, ты уже его нашел, но только не знаешь об этом? Тебе не попадались какие-то древние свитки, письма, принадлежавшие естествознателям?

Артур крепко задумался. Затем расстроено покачал головой.

– Нет, не припоминаю. Ничего подобного мне не попало. Я бы, наверное, запомнил. Как вы думаете, что нужно Тени в Доргейме?

– Тень всегда стремится завладеть сердцами как можно большего количества людей. Думаю, планируется что-то весьма грандиозное. Здесь всех настраивают на войну.

– Неужели вы никого не подозреваете?

Врач с досадой сжал свои тонкие губы.

– Увы. Это непросто. Сам я не присутствую постоянно среди учеников, а Неприкасаемые тоже не всемогущи. Я в этой пещере, как паук, который плетет смертельную паутину для своего врага. Но пока, к сожалению, жертва не долетает до моего логова. Возможно, последние обстоятельства что-то прояснят...

– Вы говорите о неудавшемся побеге?

– Да, именно. Мальчики утверждали, что во время побега им повстречался Дух Доргейма.

– Откуда вам это известно?

– Ты забываешь, что у меня есть уши и глаза в виде Неприкасаемых. До меня очень быстро доходят все новости.

– И что вы думаете?

– Не знаю. Думаю, что Тень и правда могла им повстречаться.

Артур крепко задумался, вспоминая подробности возвращения Жабы и Азора в Доргейм. Азор сперва вел себя слишком нагло и дерзко для человека, который крепко провинился. При этом он упоминал, что Тень вынудила его сказать всю правду. Но он ведь мог рассказать эту самую правду иным образом, подбирая более мягкие слова и выражения. Так зачем он специально наговаривал на себя?

И Артур вдруг понял: весь этот спектакль затевался непосредственно для Тени. Именно для нее, ибо она приказала ему вести себя подобным образом. Но значит ли это, что она во время признания находилась среди остальных и внимательно слушала, что скажет Азор? Значит ли это, что она контролировала любое его слово, из-за чего он просто не мог повести себя иначе? Но кто бы это мог быть?

– Я вижу по твоим глазам, что у тебя есть какие-то размышления на этот счет? – с участием поинтересовался господин Тукай, пристально взглянув в изменившиеся черты юноши. Клипсанин разочарованно покачал головой.

– Увы, я не знаю. Каждый раз не знаю, кто может оказаться Тенью.

– Ты уже встречался с этими существами, не так ли?

– Да, и не раз. И мне кажется, именно Тень отправила меня сюда.

Беловолосый мужчина резко встал на ноги и в волнении прошелся по комнате.

– Мы обязательно потолкуем об этом после. Но теперь пришла пора нам расстаться. Тебя ждет Джахар; слишком долгое отсутствие будет рождать ненужные подозрения.

Артур рассеянно поднялся на ноги. Он все еще никак не мог уложить в голове всю ту информацию, которую только что получил от господина Тукая.

– Артур?

– Да?

– Никому не говори про нашу с тобой беседу. Никому не рассказывай про Теней. Даже самым близким друзьям, если таковые у тебя имеются в стенах Доргейма. Это слишком рискованно. Я уже почти достиг своей цели; не хочу, чтобы столько лет кропотливого труда рухнули в одночасье.

Он как раз хотел все рассказать Оделян.

– Никому. Ты слышишь меня?

– Я понял, – нерешительно отозвался юноша и поспешно направился к выходу.

– Злишься за то, что я тебя ударил?

– Нет.

– Отлично. На самом деле, я ужасно рад, что мы с тобой наконец познакомились, парень. Нрав у меня дикий, но это вовсе не значит, что я напрочь лишен всяких чувств. Мы будем поддерживать связь посредством моих помощников. Если у тебя появятся какие-то подозрения, можешь смело говорить ребятам, они не подведут. Но никому более. Только им. И еще. Артур, не ввязывайся больше в драки, хорошо?

– Постараюсь, – хмыкнул клипсянин.

– Ирионус был моим лучшим другом. Надеюсь, и мы с тобой неплохо поладим, парень.

Юноша согласно кивнул головой и вышел из пещеры. Еще какое-то время на своей спине он ощущал пристальный всепроникающий взгляд, который, как ему казалось, просвечивал до костей. В Доргейме слишком много людей желало иметь с ним доверительные отношения, но при этом Артур решительно не понимал, кому в действительности он может доверять. *Значит, Доланд.* Один из самых близких друзей его отца.

Клипсянин вспомнил вдруг Индоласа, и на сердце ему сделалось совсем тоскливо. Как же встреча с владельцем трактира «Веселая индюшка» не походила на сегодняшнее сумбурное общение с Доландом! Почему-то в своей фантазии Артур совсем иначе представлял себе отца Инка. Но, с другой стороны, какое он имел право додумывать образ совершенно незнакомого ему человека? Все люди разные. И сам факт, что Доланд рисковал своей жизнью, защищая их с отцом, говорил о многом.

Подумав только об этом, Артур ощутил себя неблагодарным и эгоистичным. Господин Тукай однажды спас его жизнь, а потом несколько раз исцелял, а он накинулся на него с громкими обвинениями, вместо того чтобы сперва внимательно выслушать.

Однако уже на выходе из пещеры юношу посетила еще одна любопытная мысль, не дававшая ему покоя. Господин Тукай так и не справился о судьбе своего сына.

Глава 7. Страх есть не что иное, как лишение помощи от рассудка

Дни проходили своим чередом, но Артуру казалось, что жизнь вихрем пролетает мимо него, не закручивая его в свой водоворот событий. Где-то далеко, во внешнем мире, его друзья (и юноша очень на это рассчитывал) вернулись в Троссард-Холл продолжать учебу, единороги делились с людьми мудростью, по неведомым тропам бродил Алан – если, конечно, тому удалось вылечить ногу, Мир чудес уверенно направлялся в сторону Полидексы, Тин уже, наверное, окончательно поправился, а Диана... Любимая, вероятно, с нетерпением ждала его возвращения и тосковала так же сильно, как и он.

Доргейм-штрасс, подобно гигантскому болоту, постепенно засасывал его своей рутинной, дождливыми унылыми вечерами, каждодневной пресной кашей со вкусом тины, однообразными призывами к войне, уже переставшими казаться Артуру столь же дикими и бессмысленными, как в самом начале пребывания в колонии. Видимо, сказывалось непрерывное воздействие Тени. Клипсянин искренне надеялся, что сумеет до конца сохранить свободную волю и стремление к тем идеалам, которые он всегда старался отстаивать в своей жизни, но странная апатия порой завладевала всем его существом; в такие минуты ему не хотелось бороться, а лишь мирно плыть по течению, подобно опавшим листьям, начисто лишенным желаний и устремлений.

В один из бесконечно долгих и серых часов работы юноша с некоторым удивлением узнал из уст Джахара, что сегодня третье число смрадья, то есть день его рождения. Артур излишне отстраненно принял этот факт, посмотрел на него свысока, как сторонний наблюдатель, а не непосредственный виновник торжества. Ему исполнилось семнадцать лет; в Клипсе юноши, достигшие этого возраста, уже считались взрослыми мужчинами, на которых ложилось бремя кормить семью и зарабатывать на хлеб. А он находился в тюрьме.

Чем он будет заниматься, кем станет, когда выйдет? Без должного образования, необходимых навыков, наличия денежных средств и гнездима в столице, с ужасным клеймом преступника – кем он вообще мог быть? А ведь при этом он уже нес ответственность не только за себя, но и за Диану. Впрочем, Артур был уверен, что обязательно выкрутится, придумав что-нибудь, как бывало не раз. Отважный юноша не собирался опускать рук, жаловаться на свою судьбу, стенать, тосковать, празднично проводить время. Он намеревался использовать каждую минуту, чтобы исправить свое плачевное положение. *Только бы выбраться из проклятого Доргейма...*

Надо сказать, Артур уже не столь настойчиво помышлял о побеге, как прежде. Не стоит заблуждаться и думать, что эта сладкая мысль навсегда покинула голову свободолюбивого юноши, нет. Но он стал отчетливо понимать всю сложность этой затеи. Тень, притащившая его сюда, подобно хищному зверю, следила за каждым шагом своей добычи, каждым неверным движением. Коварная тварь ни за что бы не допустила, чтобы он так просто ускользнул из ее лап.

Юноша так и не поговорил по душам с Оделян. После общения с Доландом он побоялся затрагивать с ней эту тему. Конечно, он не сомневался теперь в том, что хозяйка топей действительно является сестрой Тода, иначе как она узнала про жука? Знал он и то (теперь уже наверняка), что девушка не причастна к коварным помыслам Тени. Однако Оделян, будучи главным двигателем доргеймской жизни, отвечала за многие процессы в колонии и общалась со слишком большим количеством разных людей, поэтому он опасался, что девушка могла проговориться, пусть даже бессознательно, и невольно выдать Доланда и Неприкасаемых вместе взятых. Нельзя было так рисковать чужими жизнями.

Очевидно, сестра Тода злилась на него, и немудрено: он пообещал ей откровенность, а взамен кормил какими-то байками и пустыми отговорками. Будучи умной и проникательной по натуре, Оделян, конечно же, догадывалась, что Артур неискренен с ней, но ничего не могла с этим поделать. Оскорбленная девушка всячески игнорировала его, не разговаривала, просила Джахара нагружать самой тяжелой и неприятной работой: так, вместо легкой прополки его заставляли копать целину, вместо сбора урожая он вынужден был выкорчевывать гигантские пни и носить на себе тяжелые бревна.

От подобных трудовых повинностей юноша смертельно уставал, мышцы на его руках забились и словно окаменели, порой он едва переставлял ноги в своих высоких сапогах с налипшей грязью, которые, как ему казалось, весили несколько пудов. На спортивных занятиях он тренировался вяло и неохотно, ибо понимал, что следует беречь силы на вечер, чтобы потратить их на те испытания, которые готовила для него изощренная фантазия Одди.

Но халтурить ему удавалось не всегда. Частенько его ставили в пару с Единицей, который был раза в два больше него самого и значительно крепче. В такие моменты клипсянину приходилось бороться, как говорится, не на жизнь, а на смерть, чтобы не ходить постоянно избитым и не посещать через день врача. Злопамятный Единица все никак не мог простить дерзкому новичку ту случайную первую победу, и теперь он словно бы всякий раз пытался доказать окружающим собственное превосходство. Он старался воздействовать на противника не только с помощью физической силы, но еще и используя моральное угнетение. Присказка «смазливая принцесса Джеха» стала его любимой среди прочих обидных прозвищ, которыми он награждал Артура.

Впрочем, хладнокровный клипсянин почти никогда не терял самообладания; на глупые словесные издевательства он никак не реагировал, втайне лелея мечту однажды как следует проучить Единицу, уложив того на лопатки или же основательно поколотив.

Надо сказать, далеко не все тренировки были столь энергозатратными; в арсенале Доргейма имелись и другие, которые воспринимались Артуром, как блаженная передышка. Среди таковых, например, числились уроки по минералогии, ориентирование на местности или же плотничество. Никаких драк, беспорядочных либо хорошо организованных, метаний копий, стрельбы из лука и арбалета, борьбы, сражений на мечах и яварах, боевых приемов, от которых Артура уже выворачивало наизнанку, ибо он не любил драться. На уроке плотничества юноша с упоением строгал и мастерил, с какой-то трепетной любовью всматриваясь в безликий кусок дерева, обещавший в будущем стать прекрасным изделием – отражением руки самого мастера.

Пока у клипсянина не появлялось возможности переговорить с Неприкасаемыми, если не принимать во внимание тот случай, когда Чероки, словно бы нечаянно задев его плечом в столовой, сунул ему в руку заскорузлый кусок пергамента. С неожиданным трепетом в сердце юноша развернул послание; он надеялся увидеть там хоть какую-то надежду на скорое избавление, хоть какой-то призыв к действию. Но там, весьма корявым и грубым почерком, было начертано следующее:

«Я не успел спросить про сына. Надеюсь, ответным посланием ты убедишь меня, что с ним все в порядке. Д.»

Артур с досадой скомкал бумажку. Ему не хотелось писать ответ. Нет, разумеется, он считал, что отец должен быть в курсе произошедшего, но какая-то неведомая сила словно удерживала клипсянина от написания ответного письма. Сложно было сказать, в чем крылась причина этого странного и весьма стойкого нежелания. Может, юноша малодушно боялся сказать отцу правду? Либо же ему казалось, что, напиши Артур эти горькие правдивые строки, Инк словно бы умрет снова, только на сей раз письменно, как бы на листе бумаги. Все это, конечно, являлось совершенной нелепицей и пустыми отговорками, но Артур, каждый раз честно намереваясь ответить, брал в руки перо, начиная старательно выводить букву за буквой, но затем так и останавливался на середине, не имея в себе душевных сил закончить начатое.

Прошло еще несколько дней. Доланд, кстати, не торопил. Возможно, где-то в глубине души несчастный отец догадывался, что правда окажется такой неприятной, что лучше бы оставить ее в полном забвении на дне, чем вытаскивать на поверхность.

Таким образом, время шло и ничего не менялось. Однообразным казалось решительно все: вплоть до лиц самих узников. Впрочем, их удивительное сходство с Артуром теперь объяснилось: это те самые несчастные дети, которых единороги Сури по ошибке собирали по всему Королевству. Они не погибли, как изначально подумал Артур, а живы, здоровы и содержатся в Доргейме, искренне полагая себя правонарушителями, которых однажды изгнало из своей среды несправедливое беруанское общество. Сури не стала избавляться от ненужных детей, что, впрочем, было вполне логично: Тень не стремится убивать физически, в отличие от человека, готового во имя удовлетворения своих эгоистических потребностей пойти на любые способы уничтожения возникших препятствий. Порой Артур с искренней жалостью и сожалением вглядывался в лица узников Доргейма, таких похожих и одновременно непохожих на него. Странно было видеть столько своих копий армутского типа, загорелых, черноволосых и голубоглазых. Клипсянин чувствовал себя в какой-то мере ответственным за то, что с ними произошло – ведь Сури искала Артура, остальные были ей не нужны.

С другой стороны, чем дольше юноша находился в колонии, тем более стал догадываться, что никаких ошибочных или ненужных действий Тень никогда не совершала. Напротив, все было тщательно спланировано и задумано именно таким образом. Ей зачем-то понадобились эти дети, для какой-то последующей цели, но вот какой конкретно? Артур не мог ни с кем в открытую поговорить хотя бы потому, что его предупреждал об этом Доланд.

Со стороны могло сложиться ошибочное впечатление, что дни несправедливо заключенного в тюрьму узника были абсолютно безрадостны, серы и унылы, но это суждение все же находилось далеко от истинного положения дел. Дружба с Уткеном, которая становилась все крепче и сильнее, скрашивала дождливые смраденские будни, утешала в тоске по дому и дарила некоторые отблески надежды на скорое спасение. Жаба оказался совсем не таким, каким он представился Артуру в первый день знакомства, когда их, поместив в клетку как экзотичных зверей для потехи, принялись разглядывать и безжалостно забрасывать картошкой. Да и вообще, в последнее время клипсянин стал с неудовольствием отмечать за собой один неприятный факт: встречая человека впервые, он почему-то сперва видел исключительно одни недостатки, в то время как достоинства всегда неуловимо ускользали от его пристального внимания. Вероятно, подобная характерная черта свойственна многим людям; человек всегда скор на осуждение и медлителен на признание чужих достоинств. Так и Уткен при первом рассмотрении выглядел ушлым, трусливым и способным на любую подлость, но реальность оказалась совсем иной.

Жаба был родом из Епистофена, довольно крупного города вблизи Полидексы. Совсем маленьким отец отдал его проезжему купцу в подмастерье, надеясь, что сын впоследствии выучится торговому делу и станет странствующим купцом. Семья Жабы была очень бедной, и они буквально сводили концы с концами: мать шила и пряла, младшая сестра относил изделия на продажу, а отец за гроши разгружал торговые телеги. И вот одного-единственного сына они отправили за тысячу единомиль от дома, в надежде на светлое будущее, однако, как это часто бывает, случилось совершенно противоположное ожиданиям добропорядочной семьи Уткена.

Приезжий купец оказался ушлым армутом из Мира чудес, который продал бесполезного мальчишку на первом же базаре. Потом в жизни Уткена было еще несколько хозяев, не слишком благочестивых и милосердных, куда мальчик не попал в руки главаря беруанской воровской банды. Мерзавцы занимались тем, что обворовывали богачей на крупных ярмарках. С этой сомнительной компанией бедному мальчику приходилось сосуществовать еще какое-то время, пока, наконец, преступный образ жизни окончательно не опротивел его натуре.

Он решился сбежать. И вот тогда-то, догадавшись о его далеко идущих планах, главарь банды вероломно сдал мальчишку властям, испугавшись, что тот предаст и выведет представителей порядка на их шайку. Таким образом Жаба и оказался в тюрьме. Конечно, глупо и недальновидно было бы полагать, что, проведя половину своей жизни в воровской банде, мальчик не научится от своих главарей всем тем скверным вещам, которые процветают среди представителей подобного сброда.

Подросток стал сквернословить, использовать в речи преступный жаргон, от которого он, кстати, в последнее время старательно пытался избавиться, и воровство в его глазах представлялось обычным видом деятельности, ничем не отличавшимся от, например, садоводства либо же врачевания. Парень привык хитрить и не считал это чем-то плохим или неблагородным; ведь он сам вряд ли бы выжил, не прибегая к различного рода изощренным уловкам и обману. Но в глубине души мальчик оставался прежним Уткеном из порядочной и честной семьи, которая, вероятно, по-прежнему ждала его в городе с красивым и многообещающим названием Епистофен.

Всю эту информацию Артур узнал непосредственно от Жабы во время очередного разговора по душам. Впрочем, прошло еще немало времени, прежде чем они окончательно сдружились. Этому способствовало несколько обстоятельств, среди которых значилось общее дело, пусть даже неудачное, а именно побег и последующее благородное заступничество Уткена.

Имелись и другие причины. Довольно быстро они оба сделались изгоями, так и не вписавшись в мир Доргейма. Яркая личность Артура, его стремительный взлет в связи с неожиданным покровительством главных, а затем такое же быстрое и унижительное падение, полное отторжение со стороны Оделян и безразличие Джахара, так и не определившаяся роль в неудавшемся побеге, – словом, все эти, на первый взгляд, незначительные факторы способствовали сначала недоверию, а затем и глухой неприязни. Многим Артур казался заносчивым гордецом из-за своей молчаливости и нелюдимости, иные же просто выслуживались перед жожаками. Некоторых раздражало само поведение юноши: в сложившихся обстоятельствах он не пытался что-либо изменить, выслужиться, получить заступничество старожил, склонить других на свою сторону.

Между тем он просто являлся самим собой, не желая притворяться, выделяться и, в сущности, был сам по себе, как одинокий волк, добровольно оставивший стаю. Молчаливый, уверенный, замкнутый, угрюмый, постоянно витающий в своих мыслях. Все растущая непопулярность Артура быстро распространилась и на Жабу, второго новичка, у которого, кстати, был выбор: он мог сойтись ближе со Спайки, который хоть и пытался всячески им манипулировать, тем не менее обеспечил бы его надежной защитой от других забияк, либо же продолжить общение с Артуром, человеком, которого доргеймцы решительно не хотели принимать в свое общество. И трусливый Жаба, на удивление всем, выбрал второе. Он готов был терпеть унижение со стороны Единицы по кличке Питбуль, который, встречая его одного, прижимал к угловатой каменной стене Северного дола и мерзким низким голосом шептал на ухо:

– Вот что, братишка, ребята у нас сегодня загадили сральник, тебе вымывать. Если увижу, что плохо стараешься, собственноручно окуну тебя в дерьмо.

Иногда приятель Питбуля Сотка, такой же мерзкий и подлый субъект, развлекался тем, что подлавливал Жабу и специально перед его носом раскидывал мусор, ведь тот значился в Доргейме уборщиком. А если парень отказывался поднимать ошметки, то нещадно колотил его ногами и при этом злорадно смеялся.

Жаба, на свою беду, был физически слабее остальных и не мог отразить нападки озлобившихся доргеймцев, и если Артура попросту боялись в открытую задирать (разве только Единица отваживался это делать), то здесь все было с точностью до наоборот: Жабу задирали все, кому не лень, в том числе самые слабые и отверженные обитатели Доргейма, таким образом вымещая на бедняге скопившуюся злобу и обиду.

С соседями по камере дело обстояло не лучше. Джахар с самого начала невзлюбил Жабу, Спайки был откровенно зол, что тот отказался ему подчиняться, Чанг, казалось, в принципе не был способен на дружеские чувства.

Но, надо отдать должное Жабе, несмотря на общественный остракизм и постоянные издевки, он все-таки выбрал общество Артура. До этого всеми его действиями в основном двигало эгоистичное желание спасти собственную шкуру (кстати, именно по этой причине он быстро сошелся с Азором), но дружба с Артуром выходила за пределы разумного. Клипсянин вряд ли бы сумел обеспечить ему надежную защиту в стенах Доргейма – слишком уж много у него самого имелось неприятелей. Тем более он едва справлялся с забиякой Единицей. Но почему-то именно в Артуре Жаба увидел того, кто был ему на самом деле нужен – друга.

В один из дней клипсянин, глядя на круглое веснушчатое лицо Жабы, хмуро поинтересовался:

– Кто это тебя?

Уткен с досадой мотнул головой.

– А, сам шамальнулся о стену. Неловкий я больно, тем более когда в руках ведра с отходами.

Следующим вечером, встретившись с другом, Артур обнаружил над бровью у Жабы еще один синяк, который уже стал наливаясь отвратительным зеленым цветом и расплзаться в сторону лба.

– Опять стена? – насмешливо заметил клипсянин, а Жаба виновато посмотрел себе под ноги, словно намереваясь отыскать там ответ на поставленный вопрос.

– Скажи мне, кто это, и я разберусь с ним! – самонадеянно воскликнул отважный клипсянин, всегда готовый бороться за правду. Юноша ненавидел травлю слабых. Жаба недоверчиво хмыкнул.

– Да уж. Разберешься. Не знаешь, что ли, как живодер любит бить по батареям? То есть по ребрам. Это Питбуль!

Артур задумался. Единица был единственным в колонии, с кем он никак не мог совладать. Тот всегда был на шаг впереди – в ловкости, силовой подготовке, умении пользоваться боевым оружием. Лишь несколько раз Артуру удавалось победить соперника, да и то случайно, используя хитрость. От полного разгрома и безжалостного избиения его спасал только Джахар, хоть и не всегда. Чаще всего взгляд главного безразлично скользил по фигурам дерущихся, а он сам никак не вмешивался. Господину Шандонэ же, казалось, доставляло особое удовольствие наблюдать кровавые расправы. Как Артур догадывался, тот по своей природе являлся весьма жестоким человеком. Как же было справиться с Единицей, что придумать? Клипсянин решил напрямую поговорить с главным.

Как-то вечером, после завершения работ, все узники собрались в камере. Артур подошел к Джахару.

– Мне нужно поговорить с тобой, – решительным голосом произнес юноша, вызываяще вздернув подбородок.

Брови главного поползли наверх, а он сам сложил свои полные губы в насмешливую ухмылку.

– Говори, братишка.

– Это личный разговор.

– Чтобы потом меня обвинили в том, что я выделяю тебя среди остальных? Нет, уж, валяй при всех.

Артур вздохнул.

– Ладно. Ты же ведь главный в Доргейме, не так ли?

– Только сейчас это понял? Туго соображаешь, однако.

– Тогда почему в колонии нет никакой дисциплины? Почему одни безжалостно травят других? Почему Единица позволяет себе ежедневно избивать Четверку, а ты смотришь на это спустя рукава?

Джехар сдвинул брови и сурово взглянул на Артура.

– В Доргейме каждый сам за себя. Если он – половая тряпка, я тут ничего не могу сделать.

– Не можешь или не хочешь? В таком случае, ты не главный, а просто... Пустое место!

– раздражаясь, обвиняющим голосом выкрикнул Артур.

Спайки лениво захлопал в ладоши.

– Бунт в камере? Занятно. Сейчас Джек тебя извозит в параше, будь уверен.

Но Джехар, к огромному разочарованию драчливого Спайки, не сделал ничего подобного. Взглядом он поискал Жабу, забывшегося на нарах, и приказал:

– Эй ты, мямля, подойди!

Дрожа от страха и чуть ли не пригибаясь на ногах к полу, Четверка подошел к главному.

– Правда ли, что Единица пристает к тебе?

Четверка оглянулся на Артура, пытаясь найти в его лице поддержку, а затем пробормотал едва слышно:

– Не... То есть да. Правда.

– Что он делает?

– Он не... Бьет меня.

Джехар неожиданно со всех сил размахнулся и влепил Четверке смачную оплеуху.

– Вот так? – насмешливо поинтересовался он, когда бедняга ойкнул от боли и схватился за пострадавшую щеку.

– Та-ак. – Четверка чуть не плакал.

– А почему же ты не даешь сдачи, а, слабак? – насмехаясь, продолжил издеваться Джехар, но не успел договорить свою фразу, поскольку совершенно взбешенный Артур свалил его с ног и так сильно отбросил назад, что тот с размаху ударился о каменный стол головой.

В камере воцарилась гнетущая тишина. Чанг и Спайки с удивлением выглядывали из своих углов, Четверка едва сдерживал слезы, а Джехар, судя по всему, отключился. Впрочем, спустя уже минуту армут открыл глаза и с неподдельным удивлением воззрился на смельчака, дерзнувшего поднять на него руку.

– Почему же ты лежишь и не даешь сдачи, а, главный? – на его манер насмешливо протянул Артур, с откровенным презрением глядя на поверженного врага.

– Ой, сейчас начнется заварушка! – восторженно воскликнул Спайки, с готовностью вскакивая со своего места. Забияка всегда готов был участвовать в любой потасовке. Но он ошибся и на сей раз. Джехар с показательной медлительностью поднялся с пола, небрежно стряхнул с себя тараканов, неловко потер шишку и сказал Артуру уставшим и хриплым голосом:

– Уговорил. Завтра я потолкую с Единицей, братишка. Надеюсь, он не будет больше вас донимать.

И все. Никакого наказания за свою дерзость Артур так и не получил, хотя всем было совершенно очевидно, что возмутительный проступок, а именно нападение на самого главаря, не должен оставаться без внимания. Тут же на следующий день по колонии пошли отвратительные слухи, что Джехар и впрямь неровно дышит к своему соседу по камере. Иначе как можно было объяснить такое странное поведение?

Между тем Джехар, как и обещал, поговорил с Единицей, и тот действительно на время оставил Жабу в покое. Однако не стоило слишком обманываться на сей счет. Как-то вечером, когда уставший клипсянин, не подозревая ничего дурного, в одиночестве возвращался в Северный дол с картофельного поля, неизвестный налетел на него из темноты. Мощный удар по печени, фирменный захват, с которым Артур столько времени никак не мог справиться, и он

уже оказался прижат к влажной земле, дрожа от гнева, унижения и боли. Его соперник громко и шумно сопел, как он всегда делал во время боя из-за своей грузной и тучной комплекции. Это самое ненавистное сопение жирного кабана над ухом вызывало в сердце Артура крайнее отвращение, но он едва ли мог ослабить захват и вырваться на свободу.

Толстая мясистая рука крепко обхватила его шею и стала самозабвенно душить, а хриплый голос, проникающий в самое сознание, принялся издевательски вещать:

– Скучал по нашим встречам на поле? Мне вот их очень недоставало... Меня упекли в зиндан на целых два дня! Как думаешь, почему? Что я сделал такого противозаконного, что главный на меня взъялся, а?

Артур с ужасом почувствовал, что давление руки усиливается, и ему перестает хватать воздуха. Тяжело дыша, клипсянин нервно дернулся в сторону, стараясь ослабить бульдожьей хватку, но тщетно.

– А я скажу тебе, что я сделал! Обидел его смазливую принцессу! Ты ведь настучал на меня? А теперь слушай внимательно, крыса! Старина Джах уже давно никого не устраивает. Спроси любого. Он дал слабину. Ладно еще Одди, но она всего лишь глупая девчонка и притом приемная дочурка Мильхольда, ее никто не тронет. А вот Джах не обладает неприкосновенным статусом. Если он когда-нибудь не вернется с работ – скажем, заплутает в лесу или сгинет в болотах – мы вынуждены будем выбрать нового предводителя. И все ребята единогласно проголосуют за меня, и знаешь, почему? Меня все боятся. Под моим контролем в Доргейме никто и пикнуть не посмеет. Это время уже скоро настанет, поверь. И как думаешь, что я сделаю тогда с тобой и твоим трусливым дружкой? Участь Джах покажется слишком сладкой, когда ты будешь целиком и полностью в моей власти! Помнишь наш первый бой? Ты еще тысячу раз пожалеешь о том, что победил меня тогда!

Увидев, что Артур начал натужно хрипеть, а глаза его стали закатываться в агонии, Питбуль милостиво ослабил хватку.

– Не бойсь, сейчас не прикончу. Живи пока. Но если вздумаешь вновь стучать Джаху, мы начнем с твоего приятеля. Ты не сможешь вечно ходить с ним под ручку и защищать, тем более, ты и сам слабак! И да, немаловажная деталь. Ты один, а одному в Доргейме не выжить!

С этими словами он отпустил руку, позволяя своей жертве немного отдышаться. Единица с противной усмешкой наблюдал за тем, как Артур пытается восстановить дыхание и прийти в себя после его мощного удара.

– Советую уже сейчас выбрать, на чьей ты стороне, принцесса. Пойдешь за Джахом – тебе крышка. Выберешь меня – будет тебе и защита от других, и поблажки в работе, и двойная порция каши. Преимуществ много, не пожалеешь. Пресмыкаться будешь только передо мной, остальные будут валить лесом. Ну так что?

– Да пошел ты! – хриплым голосом вымолвил Артур, когда вновь обрел способность говорить. Единица насмешливо хмыкнул, однако в глазах его все же промелькнула досада. Питбуль, как и многие люди, обожавшие власть, любил ломать фарфор, но ненавидел иметь дело со стальным железом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.